

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

„НАУКА“

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Комиссия по востоковедению
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

NORTH ASIA AND THE ADJOINING TERRITORIES IN THE MIDDLE AGES

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Edited by *V. E. Lartchev*

NOVOSIBIRSK
«N A U K A»
SIBERIAN DIVISION
1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. Е. Ларичев*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

ББК 63.3(5)
С29

Редакционная коллегия
доктора исторических наук Ю. С. Худяков, В. Е. Медведев,
кандидат исторических наук В. В. Евсюков

Рецензенты
доктор исторических наук Р. С. Васильевский
кандидат исторических наук А. И. Соловьев

Утверждено к печати
Объединенным институтом истории, филологии
и философии РАН

Северная Азия и соседние территории в средние века.— Новоси-
С29 бирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992.— 108 с.
ISBN 5-02-029732-1.

Статьи сборника освещают недостаточно исследованные проблемы исторического и социально-экономического развития обширного региона Северо-Восточной Азии в период средневековья. Впервые приводятся комплекс оригинальных археологических материалов, данные письменных источников, не публиковавшихся ранее на русском языке. Предлагаются реконструкции различных сторон политической истории, материальной и духовной культуры тюрков, киданей, чжурчженей, маньчжуров, китайцев, японцев.

Книга рассчитана на археологов, историков, востоковедов.

С 0504000000-100 104 — 92 1 полугодие
042(02)-92

ББК 63.3(5)

ISBN 5-02-029732-1

© Издательство «Наука», 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный том серии «История и культура востока Азии», подготовка которого к публикации осуществляется в соответствии с программой исследований сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии РАН, должен завершить цикл публикаций по медиевистике Азиатского континента. Напомним читателям, что решение столь сложной задачи началось с выхода в свет в 1975 г. первого из задуманных томов — «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века», в котором была заявлена цель изданий, а также определены основополагающие принципы формирования выпусков (по возможности более широкий территориальный, тематический и хронологический охват, что позволило бы выявить тесную взаимосвязь историко-культурных событий, которые разворачивались на протяжении ряда столетий на значительных пространствах). Вышедшие в этой серии сборники статей «Дальний Восток и соседние территории в средние века» (Новосибирск, 1980), «Восточная Азия и соседние территории в средние века» (Новосибирск, 1986) и «Центральная Азия и соседние территории в средние века» (Новосибирск, 1990), монографии¹, а также научно-популярные книги двух постоянных авторов наших сборников² составили небольшую библиотеку, которая, как можно надеяться, содействовала привлечению внимания специалистов и всех интересующихся Востоком к проблемам, которые в последние 15 лет наиболее активно разрабатывались в нескольких востоковедных центрах страны.

В заключение этой вводной части предисловия следует заметить, что выполнение программы издания томов, посвященных средневековой проблематике, отнюдь не означает, что в портфеле редакции отсутствуют рукописи, заслуживающие публикации. Они есть, и, возможно, в скором будущем над ними начнется работа. Если позволят условия, то в перспективе можно надеяться на издание переводов с маньчжурского языка династийных хроник, монографий, посвященных истории киданей, дневников путешествия по Дальнему Востоку выдающегося русского востоковеда Палладия Кафарова.

В настоящем томе выделяются три четко определенных тематических блока. Первый из них —

археологический, и для него характерно введение в оборот новых материалов, которые рассматриваются в широком культурно-историческом аспекте. В статье «Святыни созвездия Малая Медведица» публикуется писаница поздней поры таштыкской культуры, открытая в предгорьях Кузнецкого Алатау. Нетрадиционный методический подход к изучению как самого святилища, так и связанной с ним композиции, составленной из фигуры медведицы и летящих в нее стрел, позволил выйти на принципиально иной уровень понимания назначения так называемых культово-ритуальных мест. В статье предлагается непременно оценивать астрономический аспект местонахождений с наскальными изображениями, что позволит воспринимать их не как места отправления культов, а как своеобразные астропункты, тщательно выбранные жрецами площадки для наблюдения за небом. Поскольку в ходе изучения святилища Черная Гора удалось выявить преднамеренно установленные визиры, ориентирующие взгляд стоящего около писаницы точно в сторону астрономического севера, то был сделан вывод о том, что одними из главных объектов внимания таштыкских жрецов были Полярная звезда и созвездие Малая Медведица. Это и позволило соответствующим образом интерпретировать писаницу Черная Гора, усмотрев в ней сюжет астральной мифологии. Публикация предлагает археологам взять на вооружение палеоастрономию, которая открывает невиданные возможности для доказательных реконструкций в интеллектуальной и духовной сферах древних, самых сложных для анализа, культур. В сущности, речь идет о предложении обеспечить становление в Сибири новой и весьма перспективной отрасли науки о первобытности — астроархеологии.

Две другие статьи из археологического блока посвящены эффектным открытиям, сделанным в последнее время в ходе исследования погребальных комплексов на территории Алтая и Западной Монголии. Особенность этих публикаций заключается в том, что проанализированный в них археологический материал, позволяющий проводить широкие сопоставления вещеведческого плана, становится превосходным историческим источником, который дополняет, детализирует и корректирует известные письменные сведения. В. Д. Кубарев в статье «Па-

лаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае» анализирует комплекс интереснейших проблем одного из самых сложных периодов истории Центральной Азии. Дав краткое, но информативно насыщенное описание курганного могильника в урочище Джолин (Горный Алтай), он пришел к выводу, что раскопанный комплекс относится к VIII—IX вв., т. е. к эпохе Уйгурского каганата. Исследование поминальных сооружений, черт погребального обряда, детальное изучение такой интересной находки, как палаш, позволило автору точно датировать погребение в Джолин первой половиной IX в. Статья Ю. С. Худякова и Д. Баяра вводит в научный оборот уникальные археологические материалы, полученные при обследовании одного из средневековых памятников Северо-Западной Монголии. Авторы подробно описывают местоположение захоронения, оружие погребенного, его доспехи, сохранившиеся детали одежды и приходят к выводу о том, что случайно открытое погребение следует оценивать как тайное захоронение знатного кыргызского воина, который погиб в начале II тыс. в боях с киданями или найманами. Историческую ценность этой находки трудно переоценить.

Второй блок статей в сборнике можно назвать правовым. Включенные в него статьи отличаются фундаментальностью разработки проблем, свежестью и оригинальностью подхода к ним, новизной подобранных фактов. По сути, читателям предлагается для ознакомления своеобразное монографическое исследование политической и правовой систем дальневосточного мира.

Статья Е. И. Кычанова «Формы ранней государственности у народов Центральной Азии» представляет собой продолжение опубликованных ранее сюжетов, посвященных формам ранней государственности у монголов и киданей³. Эта публикация есть, в сущности, заключительная часть предпринятого им исследования по истории формирования элементов государственности у основных кочевых народов, которые населяли Восточную и Центральную Азию в средние века. Е. И. Кычанов дает краткий очерк ранней истории чжурчжэньских племен. По его мнению, письменные источники достаточно убедительно свидетельствуют о том, что чжурчжэни на протяжении трех веков приобщались к государственности с помощью соседних народов, уже создавших свои государства на востоке Азии (Китай, Ляо, Корея). За это время развитие чжурчжэньского общества вплотную подошло к рубежу, отделяющему догосударственность от цивилизации. Резкая социальная поляризация, рабство, выделение родоплеменной верхушки, претендующей на управление племенами, достаточно высокий уровень развития производительных сил — вот каковы были непосредственные предпосылки и причины перехода чжурчжэней к государственности. Е. И. Кычанов подробно рассмотрел период нахождения у власти Шилу из рода Ваньянь, которому принадлежала честь «ввести законы и распоряжения» у чжурчжэней. Аналитический очерк Е. И. Кычанова обильно насыщен всевозможными, весьма интересными не только в контексте данной темы фактами из области экономической, политической, социальной и культурной истории. Они бесспорно свидетельствуют о влиянии на чжурчжэней соседних народов. Вторая часть раздела о

чжурчжэнях посвящена уже не истокам и становлению, а дальнейшей эволюции государственности тех же племен в период существования Золотой империи. Здесь повествование Е. И. Кычанова столь же подробно, как и в первой части. В нем практически учитывается максимально возможное количество сведений из письменных источников империи Цзинь и ее соседей. Оправданным представляется включение Е. И. Кычановым в рамки той же статьи материалов не только о чжурчжэнях, но и о их потомках — маньчжурах, которые предприняли блестящую попытку возродить былое могущество предков. Ведь им удалось создать свое государство на бескрайних просторах практически всей Восточной Азии. Сведения, собранные автором, свидетельствуют о закономерности перехода восточно-азиатских племен к государственности, о наличии универсальных предпосылок такого перехода. Детальный анализ, основанный на оригинальных маньчжурских источниках и широком круге литературы, существенно дополняет общую картину перехода кочевых народов Дальнего Востока к цивилизации.

Статья М. В. Воробьева «Японское гражданское право по кодексам и судебникам VIII—XVIII вв. в сравнительном аспекте» посвящена исследованию характерных черт японского гражданского права периода средневековья (VIII—XVIII вв.). Основой для этого исследования послужил целый ряд разработанных в Японском государстве на протяжении целого тысячелетия кодексов и судебныхников — начиная от «Тайхо Ёрёрё» (начало VIII в.) и кончая «Высочайшим судебником из 100 статей» (1790 г.). Два десятка этих судебных документов, по мысли М. В. Воробьева, позволяют проследить эволюцию основополагающих правовых норм, преемственность отдельных этапов правовой истории, зависимость правовых систем от уровня социально-экономического развития японского общества, особенностей его политической истории. Автор предлагает классификацию памятников гражданского права, дает краткую характеристику основных особенностей каждой их группы, а затем самым детальнейшим образом анализирует судебники, начиная с базового, каковым, по его мнению, следует считать «наиболее ранний, пространный и представительный» — «Тайхо Ёрёрё». Проведенное исследование документов позволило М. В. Воробьеву прийти к весьма неординарным заключениям, в частности о том, что, несмотря на кажущееся формальное несходство базового кодекса и последующих судебных памятников, «налицо близость в отдельных объектах правовой деятельности, в направлении решения юридических проблем, в некоторых особенностях мышления и терминологии законодателей». Заслуживает внимания вполне обоснованный вывод М. В. Воробьева о правовой преемственности токугавских кодексов от «Тайхо Ёрёрё». Однако тот же анализ позволил автору, по сути дела, поставить задачу перед последующими исследователями: на основе других японских правовых памятников изучить те моменты японской правовой системы, которые рассмотренный им ряд кодексов осветить не может.

Г. Г. Пиков в статье «К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей» рассматривает проблему влияния китайского права на уголовное законодательство киданьско-

го государства Ляо (907—1125 гг.). Источниковой базой его исследования послужили главы «Ляо ши», посвященные киданьскому уголовному праву. В публикации поднимается ряд кардинальных проблем: происхождение киданьского права, причины заимствования отдельных правовых норм танского и сунского Китая киданьскими правителями, степень тождественности китайских и киданьских уголовно-правовых норм. Г. Г. Пиков подробно рассматривает историю создания киданьских уголовных кодексов, системы наказания в киданьской правовой мысли, киданьских судебных органов... Достаточно обоснованными выглядят его выводы о том, что, хотя уголовное право киданей носило конкретный, казуальный характер, в нем были все же обобщающие пассажи, что «свидетельствует о переходном его характере»; «оно было определенной вехой в процессе становления юридической системы кочевых народов Восточной Азии».

В исторический блок включены две статьи.

Л. В. Тюрюмина вводит в оборот сведения о военном деле у маньчжурских племен, которые содержатся в цинском сочинении «Мань-вэнь лао-дан». До сих пор этот важнейший источник полностью не переведен на русский язык (имеется лишь рукописный, требующий уточнений, перевод первого тома), хотя уже опубликовано несколько изданий полных переводов его на китайский и японский языки. Перевод выполнен Л. В. Тюрюминой с латинизированного маньчжурского текста, изданного во второй половине 50-х гг. японскими исследователями. Текст позволяет хоть в какой-то мере составить представление о ценности документов, включенных в «Мань-вэнь лао-дан».

Статья В. С. Кузнецова «Императорский Китай, Иран и исламский мир» затрагивает давно уже интересующую специалистов проблему кон-

тактов дальневосточного и мусульманского миров. Пытаясь проследить эволюцию политики императорского Китая в отношении к исламским странам с глубокой древности, В. С. Кузнецов выявляет основополагающие факторы, универсальные принципы политики императорского (рабовладельческого и феодального) Китая, их преемственность. Анализ в силу скудности источников достаточно краток, но все же весьма впечатляющ. Он свидетельствует о том, что, несмотря на воздействие самых различных негативных факторов, связанных со сложной общенациональной ситуацией в Азии или трудностями развития самих партнеров, отношения между ними всегда были интенсивными, взаимопользовными и перспективными.

Таково, в сжатом изложении, содержание последнего из томов издания «История и культура востока Азии», в котором рассматриваются проблемы средневековых народов Сибири и прилегающих к ней регионов.

В. Ларичев

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Малавкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. — Новосибирск, 1974; Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. — Новосибирск, 1983.

² Кузнецов В. С. Амурсана. — Новосибирск, 1980; Он же. Нурхаци. — Новосибирск, 1985; Он же. От стен Новой столицы до Великой стены. — Новосибирск, 1987; Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. — Новосибирск, 1980; Он же. Абахай. — Новосибирск, 1986; Он же. Император Великого Ся. — Новосибирск, 1991.

³ См.: Кычанов Е. И. О татаро-могольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1986. — С. 94—98; Он же. О ранней государственности у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1990. — С. 10—24.

В. Е. ЛАРИЧЕВ

СВЯТИЛИЩЕ СОЗВЕЗДИЯ МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА

(астрономические аспекты наскальных изображений и астральные корни мифологии народов Сибири)

*На Небе вы будете
Как среди живых*

Кюль-Тегин

Изучение писаниц Сибири стало в последние десятилетия одним из магистральных направлений исследований древних культур севера Азии. Необходимость такого поиска была отчасти обусловлена кризисом постулатов вещеведческой археологии: ее стремление понять самое сущностное в первобытном обществе, рассматривая лишь «базис», материальное в культуре, не отдавая должного интеллектуальному и духовному в ней, оказалось неоправданным. Поскольку интеллектуальное и духовное наиболее ярко отражается в художественном творчестве, то естественным кажется обращение к объектам древнего искусства — его мобильным образцам и монументальным (типа писаниц) памятникам — тех, кого, как следует полагать, более не удовлетворяли бесконечные классификации «артефактов» и технологий.

Однако, как выясняется, осуществление прорыва к принципиально иному уровню познания древней культуры останется делом неисполнимым, если при анализе результатов первобытного художественного творчества продолжать упрямо руководствоваться канонами вещеведения, которые консервируют кризис в археологии, обрекая ее на пребывание в глухом тупике. Приверженность именно этим традициям объясняет, почему большую часть изданий, посвященных первобытному искусству и содержащих информацию исключительной важности, составляют тексты, написанные по принципу певца-кочевника: «пою о том, что вижу». Парадоксально, но образы и предметы искусства часто описываются и классифицируются авторами в той же манере и с той же дотошностью, с какими представляются в публикациях скребки, ножи, проколки, стрелы и другие составные обычных коллекционных описей инструментария и предметов быта. Монотонно-описательные тексты лишь по необходимости «оживляются» указаниями на вдруг замеченные авторами «живой трепет поднятого вверх хвоста» какого-нибудь горного козла, «тяжеловесную поступь» бега быка или «пугливую настороженность» морды лося и пр. Самое опасное заключается в том, что подобная манера исследования первобытного искусства освящена высокого ранга именами.

Никто не станет, разумеется, отрицать необходимости презентационной части в издании, посвященном, положим, наскальным изображениям. Разговор идет о соблюдении меры в обращении внимания читателя на и без того очевидное в копии рисунка, разумной соразмерности разделов описательного, аналитического и интерпретационного — семантического и смыслового. Настораживает, что итоговые разделы публикаций обычно ограничиваются (помимо, конечно же, вполне уместного решения вопросов хронологии, технологии и стилистики) давно ставшими банальными рассуждениями о тотемизме, культах плодородия и охоты, а то и (при «авангардизме» позиции автора) туманными по смыслу, т. е. бездоказательными, оценками «космичности анималистических образов», подбором подходящих «мифологических аналогий» со всех концов света, искусствоведческими реминисценциями субъективного характера или сомнительной ценности статистическими подсчетами, на основании которых делаются глубокомысленные выводы относительно специализации «охотничьего промысла» или «скотоводческого хозяйства». Если к значительным достижениям в изучении писаниц всерьез относят открытие у их подножия костей животных, что позволяет сделать вывод о принесении здесь жертв и наличии «жертвенников», то о каких же заметных сдвигах в понимании древних святилищ можно говорить?

Самое удручающее впечатление производят попытки «философского осмысления» образов первобытного художественного творчества: они выглядят, как правило, надуманным суесловием. Иного, впрочем, ожидать не приходится, если допустимо не искать осмысленных композиций, произвольно разрывать наскальные изображения на отдельные фигуры, считать возможным рассматривать писаницы вне «контекста», т. е. без учета связи их со скалой, а шире — со всей, вплоть до горизонта, природной округой и другими объектами культуры, прилегающими к святилищу. Главное же заключается в том, что наивно надеяться на успех интерпретации.

ретационного поиска в археологии древнего искусства, если не заниматься кропотливым и длительным изучением базовых памятников. Осмотр их во время туристических вояжей, а также кабинетные раздумья над чужими альбомами наскальных изображений и предметов мобильного искусства ничего достойного не давали и дать не могут без серьезной разработки новой методики изучения первобытного художественного творчества, без доказательного выявления генеральной идеи, которая питала и вдохновляла его на протяжении нескольких десятков тысячелетий.

При этом речь не идет о полном отказе от достигнутого ранее, хотя хотелось бы получить наконец убедительные подтверждения предлагаемым толкованиям смысла персонажей древнего искусства, связанных с местонахождениями, которые именуются святилищами. Имеется в виду совсем иное: поиск альтернативных классических приемов изучения писаниц с целью получения живого импульса к более глубокому и всестороннему пониманию предназначения такого рода памятников культуры. В качестве весьма нетрадиционного инструмента познания предлагается новая, не воспринимаемая пока многими отрасль науки о первобытности — палеоастрономия с ее весьма характерными и своеобразными методическими подходами к общей оценке источников, а затем их расшифровке и прочтению. Экспериментальные исследования именно такого плана уже несколько лет ведутся Июсской археологической экспедицией в районе так называемых Сундуков — цепочки эффектных возвышенностей красноцветного песчаника предгорий Кузнецкого Алатау, которые протянулись вдоль левого берега р. Белый Июс недалеко от пос. Июс в Северной Хакасии.

Открытые здесь наскальные изображения — лишь один из разнообразных по типу памятников, сконцентрированных в этой весьма своеобразной ландшафтно-климатической зоне горного юга Сибири. Однако все они изучаются под одним и тем же методическим углом — с точки зрения отражения в них «астрономических аспектов», т. е. наличия четких признаков внимания создателей таких объектов к главным, по крайней мере, светилам Неба — Солнцу и Луне, а также странам света и, возможно, созвездиям и планетам. Такая установка, которая определялась в интерпретации образцов палеолитического искусства со знаками на них — календарно-астрономическими «записями» весьма высокого уровня¹, оказалась чрезвычайно плодотворной. Она, в частности, позволила иначе взглянуть на вопрос о том, что определяло особенности размещения на территории тагарского могильника отдельных погребальных камер с вертикально поставленными на углах плитами, понять, чем руководствовались те, кто выбирал для размещения наскальных изображений совершенно определенные плоскости скалы, наметить пути нетривиального решения проблемы взаимосвязи памятников разного рода. К самым интересным результатам, достигнутым в ходе «астрономических» ориентированных исследований, относятся открытия солнечных часов, вероятно, окуневского времени, площадки для фиксации с помощью наскального изображения астрономического полудня, астропунктов для наблюдения восходов и заходов Солнца и полной Луны в стадии высокой и низкой, а также

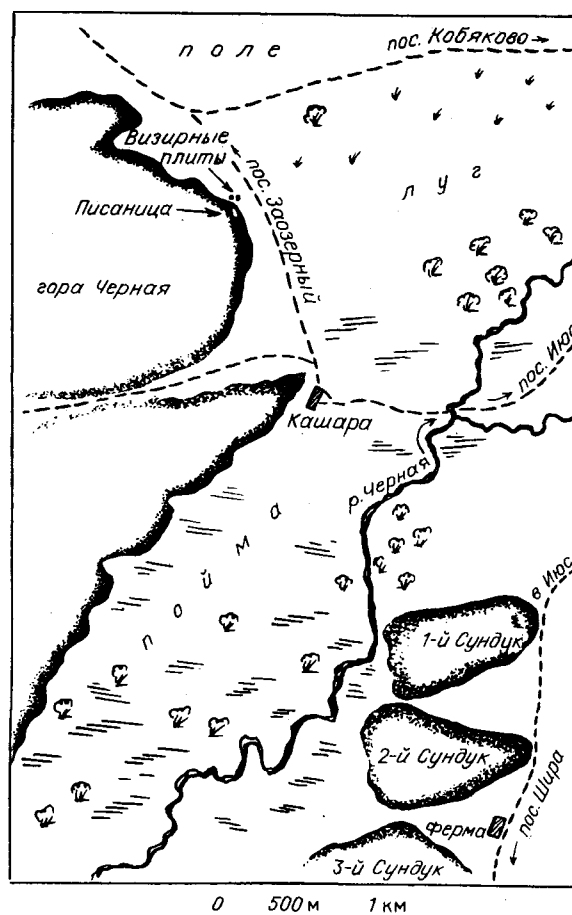

Рис. 1. Схематический план местности района горы Черной.

астрономических точек юга и севера, наблюдательных площадок фиксирования моментов летнего и зимнего солнцестояний, осеннего и весеннего равноденствий. Главной методической установкой в поисках было стремление выявить искусственно сооруженные объекты, ориентирующие взгляд на совершенно определенную точку горизонта, или весьма своеобразные природные визиры, под которые явно «подстраивалось» размещение соответствующих памятников.

Рассмотрим конкретно, какие перспективы открылись при использовании палеоастрономических методов оценки памятника с наскальными рисунками, на примере одного из них, открытого в ходе обследования Черной Горы, что находится на левом берегу небольшой речки Черной, приблизительно в 3 км к западу от пос. Июс (рис. 1). Вершина горы Черной, круто поднимающейся над широкой болотистой долиной Белого Июса на высоту около 120 м, представляет собой своего рода «шапку» из вертикально срезанных пластов темно-розового песчаника (рис. 2). В одном из укромных уголков почти на уровне относительно ровной площадки подножия скального обрыва вершины было обнаружено несколько исполненных четкими и глубокими резными линиями контурных изображений. Центральную часть безусловно единой по замыслу художественной композиции занимает фигура медведя с гипертрофированно длинным хвостом, а вокруг главного персонажа рассредоточены девять стрел, среди которых лишь у одной отсутствует часть древка с оперением (рис. 3). Обращает на себя внимание высокое мастерство, с каким вы-

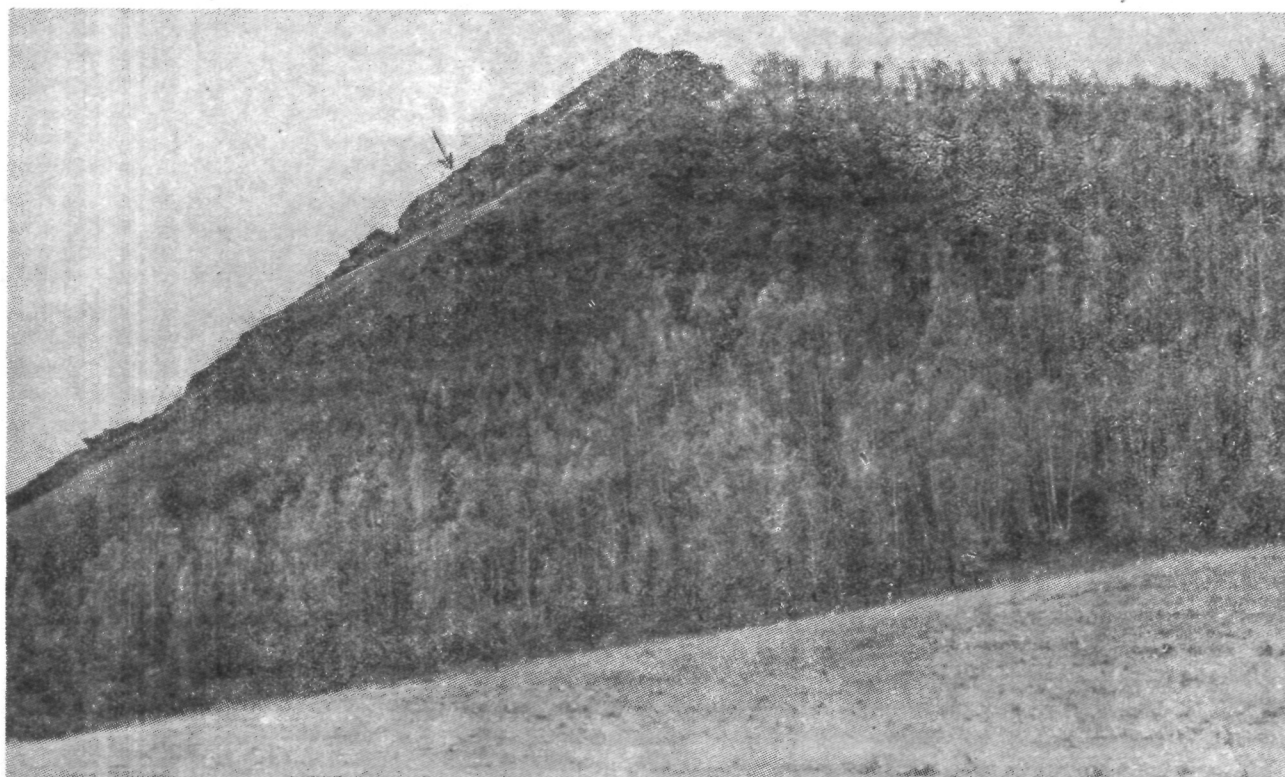

Рис. 2. Гора Черная. Вид северного склона (стрелкой указано место, на котором у самого подножия скальной вершины находятся писаницы).

полнено изображение медведя, кажется, уверенно выписанного единым, без отрыва от скальной поверхности росчерком. Гармоничная плавность резного контура столь совершенна, что создается впечатление об использовании древним художником какого-то предварительно

изготовленного трафарета, ибо ему не пришлось поправлять рисунок ни на одном из участков прохождения линий. Фигура зверя лишена детализации, но это не мешает зрителю сразу узнать в животном медведя. Иначе исполнены изображения стрел. Акцент на детализацию особенностей каждой из них очевиден: граверу, вероятно, было важно подчеркнуть форму наконечника каждой стрелы, была у нее свистунка или нет. На конце оперения четырех стрел тщательно вырезана развилка, в которой при подготовке стрельбы из лука размещалась тетива.

Приступая к интерпретации композиции, решим сначала вопрос о ее датировке. Резная техника контурных рисунков на скалах Хакасии получила широкое распространение на тепсейском этапе таштыкской культуры (III—V вв. н. э.) и продолжала применяться позднее, в периоды раннего и развитого средневековья. Типы наконечников стрел позволяют увереннее определить время появления изображений. Обратимся поэтому к анализу особенностей стрел. Массивный наконечник, примечательная линия древка, овальное двулопастное сечение оперения, которое заканчивается перекрещивающимися линиями (вероятно, ушко), — все это можно считать типичными чертами таштыкской манеры изображения стрел. Именно такие стрелы были вырезаны на деревянных планках, найденных при раскопках таштыкского склепа Тепсей III². Правда, заслуживают упоминания некоторые отличия: на тепсейских рисунках у стрел линия древка, как правило, продолжена на перо, образуя ось его продольной симметрии. Вероятно, так изображалась третья лопасть трехлопастного в сечении пера. Тепсейские стрелы лишены свистунок, а часть стрел с горы Черной изображена с круглыми

Рис. 3. Писаница горы Черной.

шариками — свистунками. Впрочем, указанные различия не следует абсолютизировать. Так, ось симметрии не прослеживается на тепсейских наконечниках³, в то же время ее можно видеть на одной из свистунок стрелы с горы Черной. Выходит, такой прием был в действительности известен создателям композиции. По форме наконечники, изображенные на горе Черной, более всего, пожалуй, соответствуют таштыкскому типологическому набору стрел. В композицию включены два наконечника с асимметрично-ромбическим пером, два — с ярусным, четыре — с удлинено-ромбическим и один — с шипастым пером. Все эти типы стрел хорошо известны в таштыкской культуре⁴. Правда, ярусные стрелы таштыкцев преимущественно иные в пропорциях по сравнению с такими же стрелами писаницы. Для них обычны удлинённый боек и узкие лопасти. Однако и среди них иногда встречаются стрелы, подобные изображенным на горе Черной.

Асимметрично- и удлинённо-ромбические стрелы из таштыкского набора могут быть трехлопастными и плоскими в сечении, ярусные — только трехлопастными, шипастые — только плоскими. К сожалению, рисунки на горе Черной не позволяют детализировать сечение. Что касается свистунок, то они отмечаются среди предметов таштыкской культуры⁵. Все вышесказанное позволяет датировать композицию с резными рисунками с горы Черной тепсейским этапом таштыкской культуры или чуть более поздним временем.

Раскрытие сюжетной канвы композиции не составляет на первый взгляд значительных трудностей. Гравюра, конечно же, представляет собой традиционную в первобытном искусстве сцену охоты на медведя или ритуального убийства его. На ней изображены не все участники промыслового или, скорее, культово-ритуального действия. Но летящие в медведя со всех сторон стрелы подсказывают, кто остался за кадром драматического события: по меньшей мере четыре, если не вдвое больше, охотника или участника культового обряда; они выпустили из луков почти одновременно стрелы сзади, спереди, а также с боков. Какая-то из них явно прошла (или пройдет) мимо, из чего можно заключить, что стрельба, вероятнее всего, велась с мест, удаленных на достаточно большое расстояние от животного. Но четыре стрелы поразили зверя — одна в заднюю ногу, очевидно, навывлет, другая — в место соединения хвоста с туловищем, третья — в место заднего прохода с глубоким проникновением в тело до района сердца, а четвертая, тоже смертельная, угодила в лобную, куполообразно выступающую часть головы. Обреченность жертвы не подлежит сомнению.

Возможны несколько вариантов интерпретации композиции. Традиционные оценки смысла сцены напрашиваются сами собой и ввиду относительно детальной разработанности их этнографами и религиоведами архаических обществ не заслуживают пространного изложения. Как нетрудно сообразить, речь идет о комплексах упомянутых выше давно устоявшихся представлений, связанных с магией охоты, медвежьим культом, чрезвычайно популярным среди большинства аборигенных народов Сибири, а также с тотемизмом, с разными аспектами культа плодородия и сезонными ритуалами. В данном случае можно смело отказаться от традицион-

ных форм анализа и предложить неординарный ракурс толкования композиции, исполненной в стиле гравюры. Законное право на то дает результат поиска астрономической обусловленности места размещения резных рисунков позднего этапа таштыкской эпохи. Воспользоваться этим результатом необходимо, тем более что исследование памятника в таком ключе позволяет наполнить содержанием обычные рассуждения о культовости или ритуальности предназначения объектов культуры, именуемых святилищами или местами жертвоприношений.

Первым толчком к ориентации интерпретационного исследования на астральные изыскания послужила чрезвычайно бросающаяся в необычности деталь в общем-то весьма схематичного изображения медведя — размеры его тонкого, характерным образом изогнутого хвоста, по длине равного, пожалуй, протяженности всего туловища животного, чуть сжатого в галопирующем, очевидно, беге. Такого хвоста не может быть у медведя реального, *земного*, но наличие у зверя именно подобных длины и вида хвоста не удивит знатока астрально-мифологических сюжетов эпохи античности. Эта деталь — самый бросающийся признак двух *небесных* медведей: дочери царя Ликаона аркадской нимфы Каллисто, возлюбленной Зевса, которую ревнивая Гера превратила в безобразную медведицу, а всемогущий бог, спасая ее и обеспечивая бессмертие, вынужден был поспешно тащить за хвост на Небо (из-за чего он и стал таким невероятно для медведей длинным), и Меиссы (она же Киноскура — Полярная звезда, «Кормилица Зевса», «Хвост собаки»), одной из двух медведей, которые вскармливали в пещере младенца Зевса, спрятанного Реей от пожирателя собственных детей Кронаса, и за то благодарно вознесенной в полярную область неба, зону вечности, бессмертия и покоя, самую благодатную сферу звездного купола, прикрывающего Землю⁶.

Итак, изображенная на горе Черной медведица с длинным хвостом, возможно, была персонажем не земным, а, напротив, небесным и потому не могла быть жертвой обычной охоты, а, как известно по мифам, той, что случается в небесах. Если продолжить отбор в качестве аналогий подходящих астральных сказаний античности средиземноморского региона, то можно найти примеры, объясняющие смысл летящих со всех сторон в медведицу стрел. Один из них — сказание о сыне Каллисто «непревзойденном охотнике» Аркасе, который, охотясь в лесу, напал на след медведицы и, не подозревая о том, что она его мать, начал стрелять в нее из лука. Зевс не допустил, однако, святотатственного убийства, отклонив стрелу, превратил своего сына в медвежонка и тоже, продолжая «созвездиетворчество», вознес его на небо. Аркас (в переводе с греческого это означает «медведь»), по одной версии, стал Малой Медведицей, а по другой — Волопасом, сторожем своей матери Каллисто — Большой Медведицы. Заметим, что Волопас входит в ряд древнейших созвездий античного мира. Достаточно сказать, что оно — одно из самых красивых созвездий Севера — включается в список тех немногих «олицетворенных» групп звезд, которые упоминаются Гомером и Гесиодом. Ярчайшая звезда Волопаса — Арктур (альфа Волопаса), в переводе с греческого «страж медведя» («арктос» — медведица, «урос» — сторож). Афиняне видели в

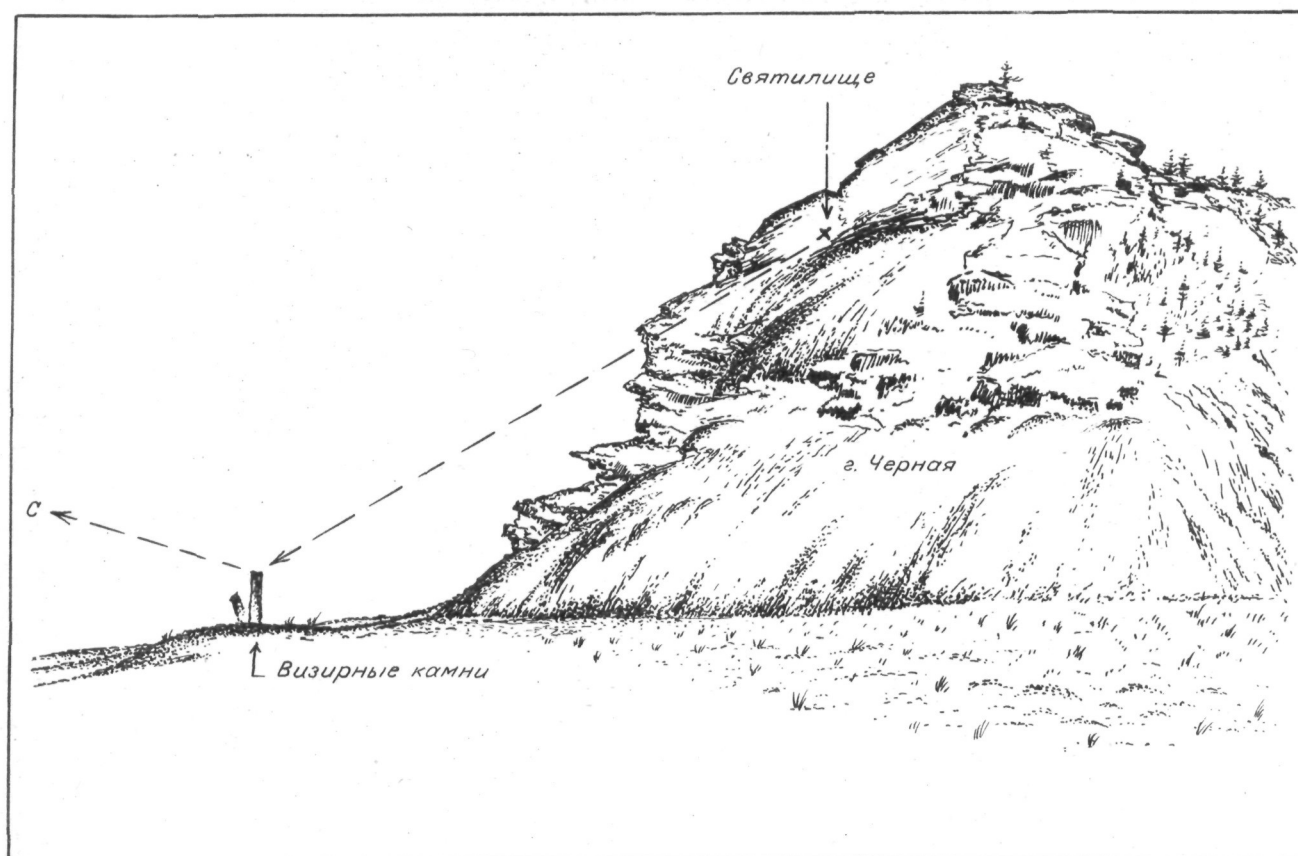

Рис. 4. Визирование по азимуту астрономического севера через плиты, установленные около могильного кургана.

нем образ брата царя Эрехтея, лишённого власти, бедного охотника и пастуха, или благодетельствованного самим Дионисом Икария, коварно убитого захмелевшими гостями его дома.

Такие аналогии из области астральной мифологии отдаленного от Сибири региона, как бы они ни казались оправданными, не могут, разумеется, считаться достаточно корректными, а значит, и допустимыми впредь до специальных исследований. Они, однако, приведены потому, что астрономический аспект местонахождения гравюры медведя и

стрел позволяет вести интерпретационный поиск именно в плане оценки композиции как своего рода иллюстрации сибирского астрального мифа, связанного с практическими наблюдениями приполярных созвездий таштыкским жречеством. Этот вывод определяется преднамеренностью выбора места, где была выгравирована композиция с медведем. Дело в том, что у северного подножия горы Черной располагаются обширный, сильно расплывшийся могильный курган и явно связанные с ним две крупные стелы (рис. 4, 5). Так вот, когда

Рис. 5. Визирные плиты у северного подножия горы Черной. На переднем плане — левая плита.

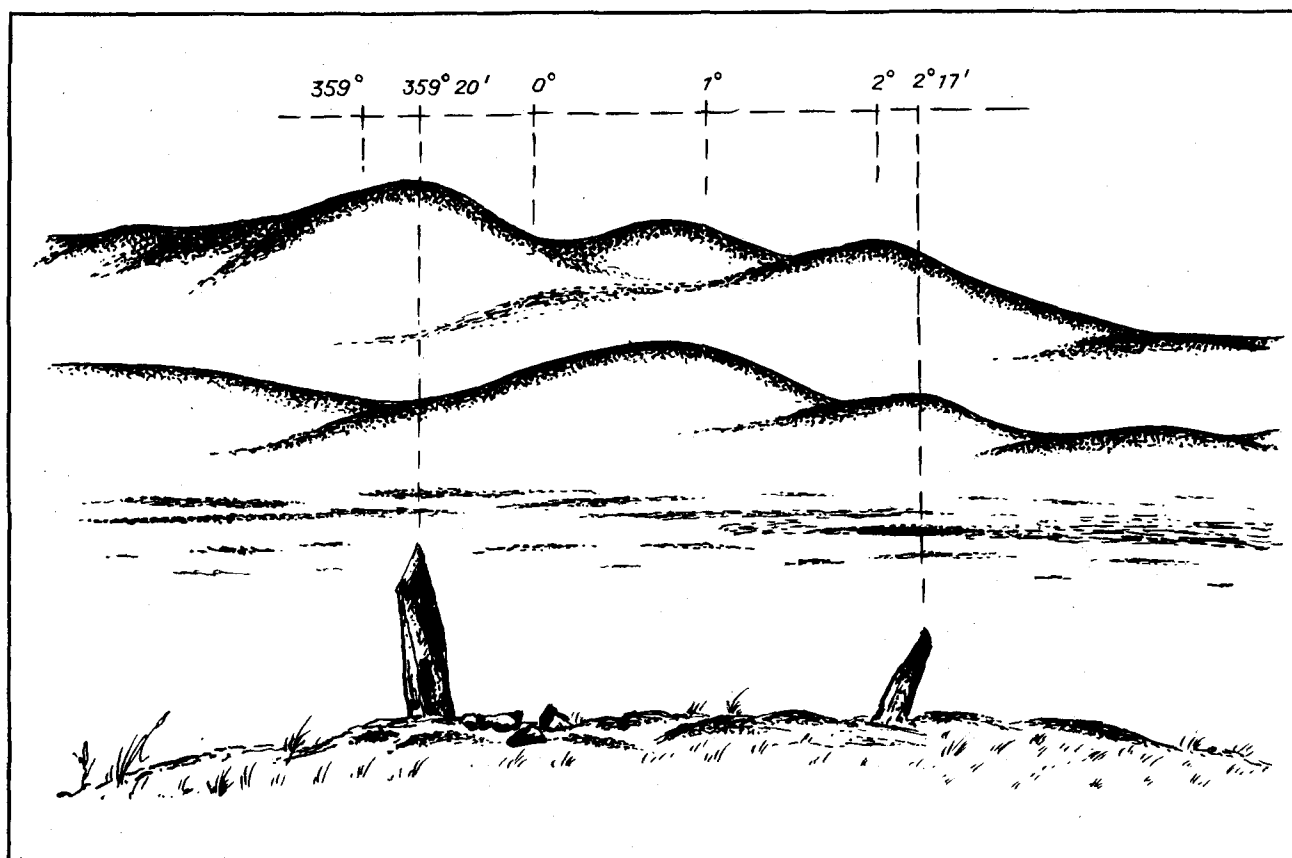

Рис. 6. Астрономические азимуты, определяемые визирными плитами при наблюдении с площадки около писаницы горы Черной.

наблюдение за небом ведется с площадки около композиции с медведем, левая из этих глубоко вкопанных в землю плит в качестве преднамеренно установленных визиров на линиях особо астрономически значимых азимутов достаточно точно направит взгляд на точку горизонта, которая определит *астрономический* (а не магнитный!) север. На рис. 6 представлены результаты замеров астрономических азимутов, осуществленных с упомянутой выше площадки через плиты-визеры могильного комплекса. Как видим, левая плита определяет азимут, весьма близкий ориентации на истинный север — $359^{\circ}20'$ (несоответствие, равное $40'$), а правая — на некую точку, отстоящую от него на $2^{\circ}17'$.

Таким образом, впервые можно с уверенностью констатировать бесспорную взаимосвязь рисунка медведя святилища горы Черной с областью неба, где размещается созвездие, которое со времени античности именовалось не как-нибудь, а именно Малой Медведицей. Ведь звезды, в сторону которых ориентируют взгляд плиты у северного подножия горы, суть, конечно же, какие-то из звезд ручки Малого ковша и самого ковша, близкие к северному Полюсу Мира эпохи таштыка. Признаем, что ни одна из отраслей науки, помимо палеоастрономии, не позволит со столь мощной степенью доказательности констатировать факт внимания жречества эпохи раннего средневековья Сибири к созвездию Малая Медведица. Но ясно, что сказанное — лишь начало захватывающего интерпретационного исследования, связанного с реконструкцией функционирования святилища с изображениями медведя и стрел, а также с восстановле-

нием идей, которые лежали в основе погребального культа, что, надо полагать, и предопределило размещение гробницы у северного подножия горы Черной в зоне азимутов, ориентированных в сторону Полюса Мира. Такая исключительной сложности работа по вскрытию глубинной семантики писаницы и мировоззренческой концепции, выраженной при сооружении гробницы и установке визирных плит, должна вестись с учетом неразрывной взаимосвязи всех этих трех составных культового комплекса.

Столь трудный поиск требует выхода на решение двух отнюдь не второстепенных задач. Сначала с чисто астрономической и календарной точек зрения необходимо рассмотреть, чем могли быть примечательны три околополярных созвездия — Малая Медведица, Большая Медведица и Волопас, которые вместе, судя по этнографическим сведениям, привлекали несравненно чаще, чем другие, внимание почти всех без исключения народов Сибири. Затем важно провести предварительный анализ образного восприятия коренными обитателями Северной Азии всех этих созвездий, а также наиболее примечательных звезд, включенных в них, их мифологического осмысления. Все это, как следует надеяться, откроет возможность перейти к аналитической части публикации. Сказанным можно ограничить вводные замечания и приступить к исследованию.

Большая и Малая Медведицы вместе с соседним Волопасом относятся к тем немногим созвездиям, самое пристальное внимание к которым характерно, по существу, для всех без исключения народов не только Сибири, но и всего Северного

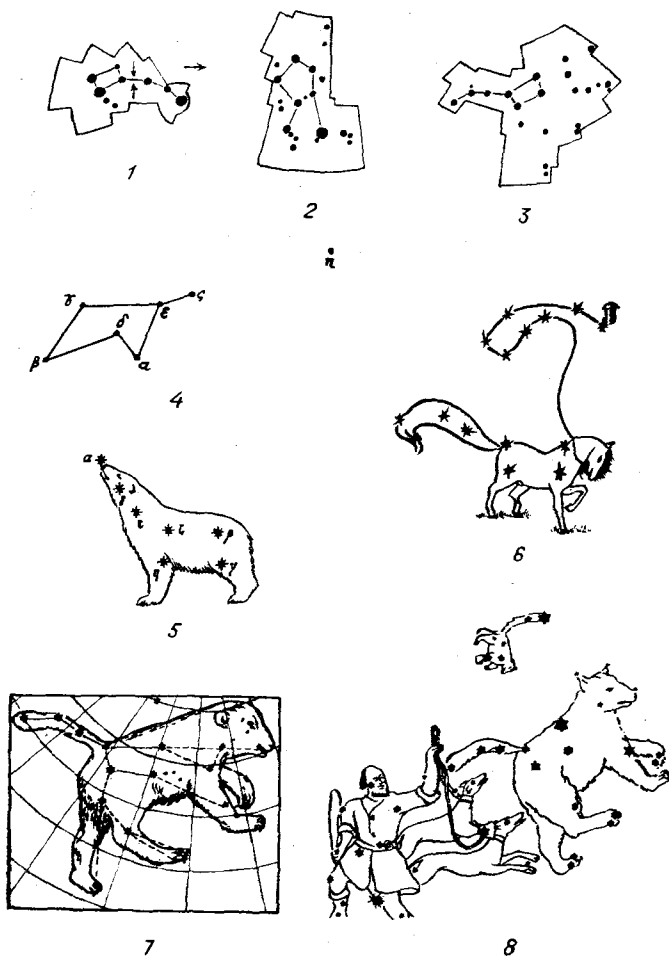

Рис. 7. Графическое (1—4) и образное (5—8) изображение созвездий

1 — Малая Медведица (стрелкой указано местоположение астрономического севера около V в. н. э.); 2 — Волопас; 3 — Большая Медведица; 4 — контуры Малой Медведицы около 100000 лет назад; 5 — Малая Медведица в образном восприятии обитателей приполярной зоны Сибири; 6 — образное восприятие Малой и Большой Медведицы у тюркских народов; 7 — Большая Медведица; 8 — звездная мифологическая композиция — Волопас, Большая и Малая Медведицы.

полушария. Итак, ответим вначале на поставленный выше вопрос: чем примечательны они астрономически и календарно? Прежде всего заслуживает упоминания то важное обстоятельство, что оба эти созвездия размещаются в околополярной области неба, к северу от зодиакального пояса, «дороги» Солнца, Луны и планет, *никогда не заходят за горизонт* и, значит, всегда доступны наблюдению⁷. Большая Медведица — самое большое из 30 созвездий неба, примечательных четкими контурами, которые определяются весьма яркими звездами. Оно замечательно еще и тем, что невооруженный глаз может различить в этом околополярном созвездии поразительно много отдельных звезд — 118! Основу же скопления составляют семь ярких звезд, образующих известные всем «ковш» и «рукоятку», и дюжина достаточно сильно светящихся. Все они вместе со слабо светящимися и воспринимаются наделенным достаточной степенью воображения и фантазии (чем определено не были обделены представители жреческих кланов всех эпох первобытности) человеком как фигура гигантского животного, чаще всего медведя (рис. 7, 3; 8). Подчеркнем еще одно важное для сюжета публикации обстоятельство — в созвездии Большая Медведица выделяется так называемый астеризм — группа называемых особо звезд. Речь идет о хвосте этого

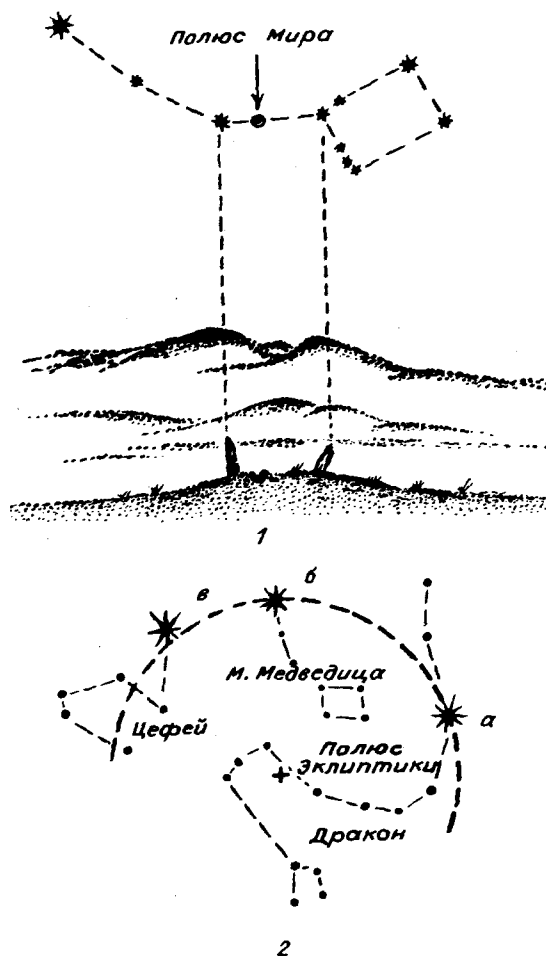

Рис. 8. Позиция Полюса Мира (1) в эпоху позднего этапа ташкентской культуры, позиция Полярной звезды (2) в начале III тыс. до н. э. (а), в IV тыс. н. э. (б), в настоящее время (в).

животного, оконтуренного размещенными по дуге звездами.

Судя по всему, видение в созвездии Большой Медведицы именно этого животного относится к эпохе мустье, когда группировка звезд в наибольшей степени соответствовала такому восприятию (см. рис. 7, 4). Этим обстоятельством можно объяснить очевидное проявление в духовной культуре неандертальцев так называемого культа медведя. Если так оно и есть, то созвездие Большая Медведица было одним из первых, которое человек выделил около 50 тыс. лет назад.

Большая Медведица примечательна, помимо прочего, о чем пойдет речь далее, связью с этим созвездием радианта метеорного потока эта Урсиды (Ursa — медведь). Место истечения метеоритов располагается около предпоследней звезды «ручки» ковша-Мицар (Конь) и размещенной рядом с нею звезды Алькор (Всадник), по которой обычно проверяется острота зрения. На поток метеоритов, быть может, не следовало обращать внимания, если бы не вспышки метеоритов, которые начинают наблюдаться в небе в дни летнего солнцестоятия, с 18 июня по 8 июля; максимум приходится на 28 июня — тогда наблюдается падение до шести метеоритов в час (в отдельные годы — до 22).

Календарный аспект, связанный с Большой Медведицей, весьма примечателен: на него важно обратить самое пристальное внимание из-за разного рода культово-ритуальных представлений. Наибольшего «могущества» это созвездие достигает весной, когда оно, начиная с месяца весеннего равноденствия — марта — и вплоть до мая, кульминирует на небосводе в полночь. Созвездие «возносится» тогда необычайно высоко, ибо оказывается над головой наблюдателя, совсем близко от зенита. Эта пора — важнейшая в тропическом году, ибо Солнце в начале последней декады марта пересекает небесный экватор (выходит из южной сферы мироздания в северную) и стремительно сдвигается в точках своих восходов на горизонте все ближе к северу, а полная Луна начинает наблюдаться при восходах и заходах соответственно на юго-востоке и юго-западе (а не на северо-востоке и северо-западе, как в зимние месяцы). В это время года «ручка» ковша Большой Медведицы в первые часы после заката Солнца оказывается ориентированной на восток, что и могло служить верным показателем — какой именно наступил сезон. Летом созвездие сдвигается от зенита к западу, а «хвост» Медведицы с наступлением темноты направляет взгляд наблюдателя на юг, куда в последующее время начнет смещаться в своих восходах и заходах Солнце. Осенью Большая Медведица появляется низко над северным горизонтом, а «хвост» ее ориентирует взгляд на запад. В античные времена созвездие было навигационным ориентиром, однако Фалес Милетский отмечал высокую степень ($\pm 30^\circ$) погрешности при отыскании по нему точки севера.

В созвездии Малая Медведица ковш тоже образует семь звезд (см. рис. 7,1). Всего же невооруженным глазом в безлунную ночь можно различить около 20 звезд. На схематических картах, отбрасывая самые тусклые, изображают порой девять звезд (в скоплении вписываются также две звезды, располагающиеся по соседству с самой яркой звездой бэта; см. рис. 7,1). Древние наблюдатели особо отмечали также две образующие дно «ковша» более яркие звезды — гамма и эта. Поскольку они около 1 тыс. до н. э. размещались близко к бэта и вращались вокруг нее, их торжественно именовали стражами и часовыми. Народы севера Сибири, обитатели прибрежных зон Ледовитого океана, усматривали в сочетании звезд Малой Медведицы фигуру белого медведя в характерной позе — с вытянутой шеей и приподнятой головой. Полярная звезда при этом приходилась на кончик носа (см. рис. 7,5).

Заслуживает упоминания еще одна бросающаяся в глаза особенность, связанная с Малой Медведицей, которая, как можно предположить, не могла оставаться вне внимания древних наблюдателей северной зоны мира. Как отмечается астрономами, вблизи от звезды бэта располагается радиант (место истечения) метеоритного потока Урсиды. Метеориты можно наблюдать в районе этого участка неба в календарно весьма примечательное время — с 17 по 24 декабря, т. е. когда происходит зимний солнцеворот, а иначе говоря, *астрономический переход от зимы к весне*. Примечательно, что максимум числа падения метеоритов потока Урсид приходится как раз на 22 декабря — в этот день можно наблюдать до 10—20 вспышек. Бывают, однако, редкие годы, когда именно в дни зимнего солнце-

стояния наблюдается воистину «проливной звездный дождь» — в час удавалось порой фиксировать до 140 тыс. (!) метеоритных вспышек.

Календарный аспект Малой Медведицы, как и Большой, столь же знаменателен. Так, Малая Медведица кульминирует в полночь не весной, а в начале июня и, следовательно, такое знаменательное событие приходится на весьма важный календарно-астрономический момент — на канун летнего солнцестояния, когда ожидается астрономический поворот к осени. Указателем сезона можно считать, как и в случае с Большой Медведицей, «ручку» ковша, но при этом следует помнить, что ориентация ее прямо противоположна — весной она указывает на запад, летом — на север, а осенью — на восток!

Самая, однако, яркая особенность Малой Медведицы, которая привлекает к ней внимание на протяжении последних трех тысяч лет, заключается в размещении около двух ее звезд (сначала бэта, а затем — альфа) Полюса Мира — точки пересечения оси мира с небосводом, удивительной зоны севера, которая не участвует в суточном вращении купола неба. Если связать эту точку со звездой, что в конкретный хронологический период истории человечества (а именно — сейчас) остается для невооруженного оптикой глаза неподвижной (или в какую-то пору — почти неподвижной), в то время как все другие светила, подчиняясь величественному ритму суточного вращения небесного купола, выписывают в пространстве круги (или, как говорят астрономы, «суточные параллели»), то это и будет Полярная звезда определенного периода. Суточная круговерть всех звезд около одной не могла не придать ей особой значимости, окружить ее ореолом таинственного величия и могущества: такая звезда обозначала нечто невероятное во всех частях движущемся (а значит, по мнению древних, явно живом) космосе — «место недрожимости», «вечного покоя», «блаженного небытия», стабильности.

На такое обстоятельство не могли не обратить внимания древние астрономы-жрецы, которые усердно наблюдали за изменениями звездной картины в течение ночной части суток — от вечера до утра. Это было замечено, надо полагать, в эпоху верхнего палеолита, когда были разработаны высокосвершенные лунно-солнечные календари. Тогда же жрецы должны были прийти к выводу о том, что понятие «Полярная звезда» связано с явлением временным, ибо ось мира на протяжении так называемого платонического года (≈ 26 тыс. лет) оказывается ориентированной на целую череду вполне определенных звезд, которые последовательно, одна за другой, приобретали статус Полярной. Известно, что жречество древнего Египта эпохи первых династий за Полярную звезду принимало альфу Дракона — Тубан, которая таковой и была около III тыс. до н. э. (см. рис. 8,2). Столько же определенно известно, что около I тыс. до н. э. в качестве Полярной звезды выступала бэта Малой Медведицы — Кохаб, «Звезда Севера» арабов и «Царственная звезда» китайцев поздней поры бронзового и начала железного века. Северный полюс той поры отстоял от современного на 15° . Фалес Милетский советовал искать точку севера по Малой Медведице, ибо в таком случае погрешность составляла всего около $\pm 5^\circ$, что было несравненно точнее,

чем при ориентации на звезды Большой Медведицы. В последующем, век за веком, ось мира постепенно смещалась по направлению от бэта к альфа вдоль дуги слабо светящихся звезд, расположенных между ними. Современная Полярная звезда — желтоватая альфа Малой Медведицы — самая яркая (вторая звездная величина) в этом созвездии, не имеющая в нем соперниц по силе светимости, стала таковой в первые века нашей эры, когда она отстояла от Полюса Мира приблизительно на 8° . Сближение ее с Полюсом Мира достигло сейчас $50'$, и оно, это сближение, будет продолжаться до 2102 г. н. э., достигнув $28''$, после чего ось мира начнет сдвигаться в направлении к звезде гамма Цефея, где и окажется около 4000 г. н. э. (см. рис. 8). В эпоху бытования таштыкской культуры точка астрономического севера находилась где-то между звездами дзета и эпсилон Малой Медведицы, т. е. между «ковшом» и «рукояткой» созвездия.

Итак, подводя итоги, можно констатировать факт весьма важный для последующих заключений, связанных со святилищем на Черной Горе: особая роль Полярной звезды — временная — обусловлена неустанным «странствием» Полюса мира по созвездиям. Современная Полярная звезда настолько близко находится около Полюса Мира, что обнаружить ее движение по суточной параллели невооруженным взглядом нельзя. Иначе говоря, заметить изменение позиции звезды альфа невозможно. Однако этого не скажешь о первых веках нашей эры, когда, быть может, такое движение фиксировалось, ибо альфа тогда отстояла от Полюса Мира достаточно далеко. Последнее, на что следует указать в связи с Полярной звездой любой эпохи, касается фиксации направления движения созвездий вокруг нее в ночное время: при взгляде на север они совершают смещение против суточного вращения купола неба (т. е. против часовой стрелки), а если смотреть на восток или юг, то по суточному его вращению (т. е. по часовой стрелке).

Рассмотрим теперь, чем примечательно третье околуполярное созвездие, которое обычно осмысливалось мифологически в тесной связи с созвездиями Большой и Малой Медведиц. Прежде всего следует подчеркнуть, что Волопас (Bootes), уже в названии, намекающем на свою близость к Полюсу Мира, является одним из красивейших скоплений звезд севера, около 90 из которых различаются невооруженным глазом. Основу созвездия составляют, однако, семь звезд четвертой звездной величины, образующих многоугольник, и венчающая его восьмая первой величины — Арктур, третья по силе светимости звезда неба, которая сияет характерным оранжевым светом, что было замечено в давние времена (см. рис. 7,2). Она настолько ярка, что астрономы в XVII в. стали наблюдать ее в телескоп днем. Если включить в эту группу звезд самую яркую звезду альфа Гончих псов, созвездия, выделенного особо лишь в позднее средневековье, то Волопас в действительности могли составлять девять звезд. Волопас, как и Большая и Малая Медведицы, примечателен тем, что в его пределах размещается радиант метеорного потока Квадрантиды. Около бэты Волопаса в знаменательное календарное время — с 1 по 6 января (максимум приходится на 4 января), т. е. вскоре после зимне-

го солнцестояния, вспыхивают метеорные искры. Имеет смысл отметить еще одну особенность Арктура — эта звезда быстрее, чем любая другая яркая, перемещается по небу. Астрономы вычислили, что ее смещение на 1° (т. е. на два видимых диаметра Луны и Солнца) происходит в сторону зодиакального созвездия Девы за 1,6 тыс. лет. Поскольку теперь корни астрономии прослеживаются по меньшей мере до 30 тыс. лет, то столь масштабное смещение Арктура, как и изменение ориентации оси мира на звезды, могло быть замечено древними жрецами-астрономами, и сведения об этом, как особо важные, передавались последующим поколениям наблюдателей неба.

Волопас — календарно чрезвычайно примечательное созвездие, что тоже могло использоваться жречеством. В самом деле, это созвездие с ярчайшим Арктуром является одним из трех главнейших и столь же красивейших созвездий самого чтимого из сезонов тропического года — весны. Эту честь разделяют с Волопасом зодиакальные Дева со второй по силе сияния звездой весны — голубоватой Спикой — и Лев со зловеще отсвечивающим красным светом Регулум. Арктур ослепительно вспыхивает на темном весеннем небе в юго-восточной части звездного купола. Созвездие Волопаса появляется на востоке после полуночи вскоре после прихода Солнцем точки *весеннего равноденствия*, т. е. (ввиду важности момента повторимся) после перехода главного светила неба из южной сферы мироздания в северную, что и знаменует астрономическое начало весны. С этого времени наступает пора наиболее благоприятного наблюдения за Волопасом, она длится с апреля до сентября, т. е., в сущности, до *осеннего равноденствия*. Кульминации, т. е. наивысшего положения на небосводе, Волопас тоже достигает в календарно важное время: в конце мая — начале июня, т. е. в сроки, достаточно близкие к *летнему солнцестоянию*. Вот почему теплыми летними вечерами это созвездие вспыхивает к юго-западу от Большой Медведицы, хвост которой, как уже отмечалось, оказывается в ту пору ориентированным на юг. Арктур нацеливается на хвост Большой Медведицы, где размещается самая яркая в Большой Медведице звезда Дубхе — Зад Большого Медведя, поэтому Волопас и воспринимается то как охотник Аркас (Аркад), натягивающий лук и готовый поразить стрелами животное (Охотник за Медведицей), то как охранитель его — Артофилакс, Страж Медведицы (Пастух).

Таковы главные особенности, которые — в случае систематического слежения за созвездиями севера — бросаются в глаза в первую очередь. Эти детали картины «жизни верхнего мира», ввиду величайшей (сакральной) роли неба при формировании фундаментальной общемировоззренческой концепции происхождения и структурирования мира природы, а также определении места в нем человека, могли соответствующим образом оцениваться жречеством первобытной эпохи. В самом деле, история астрономии точно засвидетельствовала интерес древних наблюдателей неба главным образом к двум его зонам — «наклонному» к небесному экватору зодиакальному поясу, на фоне созвездий которого прослеживаются годовые пути Солнца и Луны, а также циклы смещения планет, и к северной, более, кажется, простой для уяснения

астрономических закономерностей, сфере, где созвездия в течение года совершают круговращения около некоей центральной точки, позволяя наблюдать не только верхние, как на юге, но и нижние кульминации звезд (прохождение через небесный меридиан, соединяющий на одной линии *север и юг*). Все эти исключительной важности календарно-астрономические приметы, увязанные с пространством космоса, составляли, как выясняется, сюжеты самого священного — мифологических повествований «начала времен». Исполнение таких сказаний при соответствующих культово-ритуальных действиях свершалось в строго определенные сроки тропического года, что способствовало закреплению в сознании людей естественно-научных знаний о природе, а также превратных религиозных представлений о ней.

Но есть ли основания утверждать, что коренные обитатели южных районов Сибири даже относительно недавнего времени проявляли интерес к наблюдениям северных созвездий, воспринимая их в фантастических образах зоо- или антропоморфных существ иного, чем Земля, мира? Положительный ответ не вызывает сомнений, ибо подтвердить его можно документально немногочисленными, а оттого особо ценными этнографическими свидетельствами. Обращение теперь к ним — закономерный шаг, результаты которого и должны предопределить интерпретационную часть исследования объектов культуры эпохи таштыка с Черной Горы⁸. Приводимые ниже факты позволят не ограничиваться, в частности, очевидными констатациями типа «Полярная звезда, „глава Малой Медведицы“, указывает направление на север и позволяет ориентироваться по странам света». Попробуем раскрыть, что из несравненно более значительного скрывается за Полярной звездой, а также за частью созвездий, близко прилегающих к ней.

Реконструкцию того, каким могло быть восприятие Полярной звезды и околполярных созвездий теми, кто создал святилище на Черной Горе и соорудил погребальный комплекс у ее северного подножия, следует начать с анализа представлений о северной сфере неба у коренных жителей Хакасии и прилегающих к ней районов Южной Сибири — Горного Алтая и Тувы. Хакасы, согласно сведениям В. Я. Бутанаева, придавали высочайшую значимость той точке неба, в которой находится астрономический север. Именно это место именовалось необычно — Тигір тундүгі («Дымовое отверстие неба»), а в других случаях еще более величественно — «Пуп Неба». С ним связывалась Алтын теек — «Золотая коновязь». Но, быть может, от стародавних времен хакасы сохранили воспоминание о движении Полярной звезды вокруг «Пупа Неба», ибо одно из названий предполагает смещение ее в небесном пространстве — «Стрела хана Чигетея». Примечательно, что воплощением самого Чигетея считалась главная из восьми звезд Волопаса — звезда Арктур, а следовательно, можно предположить, что и все это созвездие. В звездном мифе, посвященном Чигетею, рассказывается о преследовании им «Семи братьев», Большой Медведицы, которые похитили одну из сестер Плеяд.

Детализировать представления о приполярной области неба у тюркских народов горного пояса Южной Сибири помогают сведения, собранные на территории Алтая и Тувы. У алтайцев создатель Вселенной Ульгень (или высший дух Кёк-Мёнке

адазы — «Творец Мира и Земли») обитает в своем жилище, кошечной юрте, на Алтын-ту, Золотой горе, за Алтын кызык, «Золотым колом», т. е. за Полярной звездой, «недвижно стоящей на Небе». Алтын-ту — громадная, она как бы свисает с неба и всего лишь на высоту колена человека не достигает Земли. Место Полярной исключительно по значимости: когда Ульгень восседал на Алтын-ту, именно сюда, к «трем столбам», тянулся аркан, привязанный к крючку, на который была насажена под жабры главная из трех рыб, будто бы поддерживающих на плаву Землю. Эта рыба *центральная*, и головой она обращена на север. Местопребывание Ульгенья считается примечательным также тем, что ни Солнце, ни Луна никогда не достигают его, почему оно и носит название «Ай кунь тийгень Алтын-ту» — «Неприкасаемая к Солнцу и Луне Золотая гора». Это понятие четко объяснимо астрономически — Солнце и Луна в южных широтах Сибири никогда не восходят и не заходят по азимуту Золотого кола, а заметно южнее. Алтайцы включают эту звезду в созвездие Малая Медведица, различая в нем Алтын кызык, а также три звезды арамчи аркан и две звезды сары атлар. В них им виделись воплощения желтых и соловых лошадей, привязанных к Золотому колу. Как особое созвездие воспринималась также Большая Медведица. К Ульгению направлялись души умерших людей, достойно проживших жизнь. Именно этим обстоятельством можно объяснить высокое почитание алтайцами Алтын кызык. Недаром сюда же, к Полярной звезде, доставляли шаманы жертвенную лошадь, убитую при камланиях на восточной стороне горы или долины. Там, около алтын кызык, в таких же стойбищах, как на Земле, продолжали жить предки, занимаясь теми же делами, что и их потомки. В тех же местах обитало женское божество Кёк-Мёнке — творец женских душ и душ самок животных. Телесные души людей попадали в западный подземный мир, где господствует злое, ужасного облика божество Эрлик, одетое в семь *медвежьих* шкур. Весьма важно заметить, что Эрлик действует у *подножия* Алтын-ту в месте, именуемом арун-сидун. Оно мыслилось как обитель первых людей Земли, а позже стало хранилищем душ умерших. Их отсюда унес на вершину Алтын-ту Ульгень, низвергнув к ее подножию Эрлика. С тех пор Эрлик, проникая на Землю через подземный ход, уносит в арун-сидун души живых людей (речь, видимо, идет о телесных душах).

Сходные во многом представления, связанные с Полярной звездой, бытовали и у тувинцев. Они называли эту звезду Алтын кадык и включали в созвездие Малая Медведица. Большая Медведица именовалась Чеды-хан, или Долан-бурхан. Звезды ее считались воплощениями семи братьев, которые вознеслись на небо и превратились во всемогущих богов, наблюдающих за обитателями Земли. По существу, ежедневно Большая Медведица оказывала внимание. В честь ее устраивали моления, а после вечерней дойки коров брызгали молоком. Ежедневно почитали еще одно созвездие из пяти звезд — Тавын тенгир, или Хуун тавынот. Поскольку указывается, что оно размещается поблизости от Малой Медведицы, то, видимо, речь идет о Волопасе. В созвездии этом звезды, защитники людей от бед, воплощали отца и мать каждого человека, бурхана всех людей и бакши (учителя).

Исключительную ценность для понимания комплекса представлений, связанных с Большой и Малой Медведицей, а также с Полярной звездой, представляют материалы, собранные этнографами у кетов. В этой связи следует прежде всего заметить, что кеты видели и мифологически осмысливали наиболее примечательные (запоминающиеся) по очертаниям и величине занимаемого пространства группы звезд, закономерности движения которых могли использоваться для определения времени (очевидно, как текущего, так и сезонного) и для ориентировки на местности. Обращалось внимание и на яркость света и цвет звезд. Созвездия считались живыми существами, людьми или животными, которые некогда проживали на Земле, а затем переселились на самый дальний, седьмой круг неба. Там они, видимые обычными людьми, вели тот же, что и на Земле, образ жизни — охотились, рыбачили, ходили друг к другу в гости, болели и умирали. Они не порывали связи с Землей, ибо были связаны с ее центром — «пупом», воплощенным в образе женского существа. Другой «пуп», возможно в том же облике, размещался на небе, в центре купола, и за таковой кеты принимали Полярную звезду. Она именовалась ими весьма примечательно — «Мать звезд», «Пупок звезд» или «Середина Неба пупок». Где-то в том же месте, по их представлениям, находилась щель, откуда иногда на Землю вываливались небожители, и шаманам приходилось немало хлопотать, возвращая их на «седьмой круг».

С Большой, как и с Малой, Медведицей у кетов связан один и тот же миф о космической охоте на сохатого, но случившейся в разное время. Большая Медведица называлась ими «Сохатый». В мифе повествуется о том, как на земного лося охотились кет, эвенк и селькуп. Преследование ими животного продолжалось так долго, что они, незаметно для себя, оказались на небе. Созвездие представлялось кетам так: звезды ковша воспринимались как ноги, причем отодвинутая в сторону считалась левой передней ногой, пораженной стрелой. Три передние звезды считались одновременно носом и ушами лося, три звезды «ручки» представляли участников охоты, а одна — стрелу. Половина из шести стрел, выпущенных в сохатого кетом и селькупом, размещалась вне пределов Большой Медведицы. Они, надо полагать, относились еще к одному созвездию, но к какому именно — сведения отсутствуют. Вероятнее всего, то был Волопас, звезды которого располагаются как раз по соседству с Большой Медведицей.

В связи с темой публикации чрезвычайно важно отметить отношение кетов к северу. Как и северо-запад, он воспринимался весьма отрицательно, а определялось это тем, что северная сторона неба считалась «пустой», населенной враждебными человеку существами. Достаточно сказать, что именно на севере господствовала злая богиня Хоседам, действия которой обуславливали в конечном счете смерть людей. Недаром с северной стороной кеты связывали мир мертвых, куда попадала главная из семи душ человека — его основополагающая жизненная субстанция ульвэй, которая могла явиться людям в образе *медведя*. Человек умирал потому, что у Хоседам оказывалась как раз та из душ, которая обладала способностью отделиться от тела (ульвэй в рамках мифологии означает, в сущности,

«двойник тела»). Она могла сожрать ульвэй, и человек оказывался обреченным на исчезновение, но могла и благосклонно возвратить из живота своего в перевоплощенном виде эту главную из душ на Землю, и тогда с появлением новорожденного происходило важнейшее событие — реинкарнация ульвэй умерших: седьмая душа накануне родов проникала через половые органы внутрь матки и вселялась в готового появиться на свет ребенка. По другой версии реинкарнации, некое небесное божество высшего ранга отпускало ульвэй на Землю по желанию потомков и тогда на свет появлялся человек в точности того же пола и родовой принадлежности, что и некогда умерший, в коем этот дух находился. Иная судьба была у другого начала человека — «материального» воплощения его, тела. Оно погребалось в землю и как бы удалялось в преисподнюю.

Селькупы выделяют на небе несколько крупных звезд, а из созвездий особенно хорошо известна им Большая Медведица. Она виделась им, как и кетам, в образе небесного лося. Полярную звезду селькупы называли «Неба срединная звезда», из чего следует совершенно четкая оценка ее роли. Главный обитатель неба назывался Нум. Дух верхнего неба, его господин, представлялся селькупам лосем или оленем. На седьмом небе жила струхамат, жилище которой, очевидно, размещалось где-то около Полярной звезды. С этим же местом следует, вероятно, связывать понятие о «Неба щели», «Расщелине». Из этого отверстия божества направляли людям животных и птиц. В той же роли у подкаменнотунгусских эвенков выступал Сангин, образ которого прямо связывался с Полярной звездой. Он считался у охотников «Подателем пушнины». В северной стороне селькупы размещали верхний мир предков.

У эвенков район астрономического севера именовался сангар — «дыра», «отверстие», через которое можно было попасть в самый верхний из миров — угубуга. Это место зачастую прямо отождествлялось с Полярной звездой и считалось обителью могущественнейшего из богов — одетого в богатые меховые одежды старца Амака или самого священного из зверей — *медведя*, «Хозяина душ и судьбы людей», «Верховного держателя людских нитей жизни». Он воспринимался владельцем животных, а также всех иных мыслимых сокровищ. Ему были подвластны небожители, которые вели ту же жизнь, что и эвенки. Из других обитателей верхнего мира, упоминаемых в связи с сангаром, примечателен Дылыча — хозяин тепла и света. Это по его приказу к «дыре неба» подносится полутру берестяной факел, чтобы наступил рассвет, а затем и день. Старец Дылыча копит в своем чуме осенью и зимой тепло и собирает его в огромный кожаный мешок, а с наступлением *весны* вытряхивает его через сангар на Землю. По этому случаю эвенки совершали благодарственное моление.

С созвездиями Медведиц (Большой и Малой), а также с Волопасом, среди звезд которого эвенки выделяли Арктур, связывался интереснейший космогонический миф. В одном из самых архаических вариантов его Волопас отождествлялся с мифологическим первопредком эвенков *охотником-медведем* Манги. Он, надев лыжи, гнался, двигаясь с востока на запад, за лосем, воплощенным в созвездии Большая Медведица, настигал животное и по с

жирал его. Звезды Большой Медведицы представлялись ногами лося, не съеденными Манги, а Млечный путь — следами лыж. В более позднем варианте мифа охотником выступает богатырь Маин. Он на крылатых лыжах проникает в углубагу через Полярную звезду, сангар, чтобы настигнуть похитившего Солнце космического лося Хэглена. К полуночи преследование завершается: пронзенный стрелой Хэглен — Большая Медведица — погибает. Четыре звезды «ковша» созвездия воспринимались эвенками ногами лося, крайняя звезда «рукояти» — Маином, а две следующие — его стрелой. Малая Медведица виделась им теленком лося, которому предстояло при очередном акте бесконечной космической драмы стать похитителем Солнца, а затем жертвой охотника Маина, верховного духа-хранителя Солнца, подателя тепла, света и жизни, коим он становился, проникнув через сангар в верхний мир.

Мотив космической охоты исполнялся эвенками в ходе многодневного *весеннего* обряда оживления — икэнипкэ. Охотники разыгрывали погоню за мифическим животным, лосем или оленем, которая заканчивалась убиением его, а затем чудесным воскрешением, признанным возродить природу и обеспечить благосостояние жителей тайги. В ходе этого ритуала каждый из охотников, уподобляясь мифическому герою Маину, стрелял в деревянную скульптуру лося. Важно заметить, что это изображение затем разрубали на части и раздавали их всем участникам обряда для обеспечения успеха в промысле.

Помимо верхнего мира у эвенков существовали представления о нижнем мире мертвых — бун. В это место, хозяйкой которого выступала вселенская мать зверей и людей Бугады энинтын, уходила с Земли, из среднего мира, *телесная* душа умершего. Там, в бун, мертвые вели тот же образ жизни, что и на Земле.

Важные детали, связанные с оценками функций верховного божества, содержатся в представлениях нганасан. В частности, именно это божество принимает на небе душу умершего, тело которого, согласно верованиям этих приполярных обитателей Сибири, отправлялось в нижний мир. Верховное божество возвращало прибывшую к нему душу на Землю с совершенно определенной целью — для очередного воплощения ее в новорожденном. Заботой «создателя мира» было также поддержание связи с каждым из жителей Земли, что и осуществлялось посредством особых нитей — *batutu*, которые спускались из верхнего мира и соединялись с людьми. Нить ведала основными жизненными функциями человека, и, если она разрывалась, человек умирал.

Интереснейшие и самые, быть может, архаические (палеолитические по времени?) представления, связанные с Полярной звездой, содержатся в мифах чукчей. В одном из главных из них, названном весьма примечательно — «Известия о начале творения», описывается небесный свод, сферический, «подобный яранге». В верхней части этого купола размещается *отверстие* рыноургын, через которое можно наблюдать небосвод со всеми его светилами. Столь важное место неба определяется «высшей точкой» — размещением Полярной звезды — Унпэнэр. Она отмечает местопребывание существа высочайшего ранга — добродушного по

характеру создателя мироздания старца Тэнантомыгына, «Творца», или Гынонканона, «Центра вершины Вселенной». Эта зона неба, которую условно можно считать зенитом, называется Гынонканоургын. Тэнантомыгын — создатель всего живого на Земле, учитель человека во всем, связанном с его деятельностью. Это он оттуда, от Полярной звезды Унпэнэр, направляет на Землю промысловых животных, что в изобилии хранятся у него в ящиках. Отверстие в куполе неба около Полярной звезды — Гынонканоургын — хотя и невыразимо далеко, но доступно человеку, который при определенных обстоятельствах может не только доехать туда на оленьей упряжке, но и дойти пешком, а то и подняться по лучу Солнца, звезды или просто по нити, спускающейся от иглы, закрепленной, очевидно, в точке Унпэнэр. Особенно легко этого благодатного места достигали умершие, останки коих сжигались вместе с вещами и оленьей упряжкой на погребальном костре. Их до Унпэнэр возносил столб дыма. Оттуда же, от Унпэнэр, души могли возвращаться на Землю, возродившись в облике человека, животных, насекомых или червей. При взгляде через дыру рыноургын можно во всех деталях видеть, что в данный момент происходит на стойбище и в его округе.

Из других звезд околополярной области неба чукчи выделяют ввиду исключительной яркости звезду «Вождь», или «Предводитель», Янотляут, «Передняя голова». По-видимому, она является «предводительницей» группы звезд Волопаса, соседствующих с Большой Медведицей (очевидно, Арктур).

Много сходного с чукотскими представлениями о верховном существе выявлено этнографами у коряков. Взгляды их в отдельных весьма существенных аспектах детализируют изложенное выше. Примечательны прежде всего названия верховного существа — «Природа», «Вселенная», «Бытие», «Наблюдающий», «Созерцающий», «Тот, кто наверху». Он — глава «Верхнего поселка» «небесных» или «облачных людей» верхнего мира, но и определяющий многое из происходящего на Земле, обеспечивает промыслы или борется со злыми духами, которые приносят людям болезни и смерть. «Тот, кто наверху» владеет калалвын — главными душами умерших людей, которые он, снимая со столбов своего жилища, в должное время направляет в живот женщины, чтобы состоялось возрождение. Верховное существо определяет им меру времени для очередного существования на Земле, на что указывает длина ремешка на шее главной души. Тело умершего, между тем, направлялось по длинной дороге совсем в другую сферу мироздания — в «Нижний поселок», в подземный мир пэниннэлгу — «предков» или н'анэнхалальо — «потусторонних».

Из других дальневосточных народов в той же связи интересны нивхи и нанайцы, у которых тоже сохранились определенного плана мифологические представления, связанные с околополярными созвездиями. Первые из них точно выделяли таковые. В частности, Большая Медведица называлась ими «Крысиный амбар», а Малая — «Много звезд». Что касается Полярной звезды, то она имевалась нивхами «Звезда небесного живота», в чем можно усмотреть намек на восприятие ее в качестве «пула Неба», что скрывает, очевидно, мно-

гое из связанного с этим понятием у народов Северной Азии. Что касается нанайцев, то один из их самых популярных культурных героев — Хадо — считался Полярной звездой. Она так и называлась — «Хада хосикта» («Звезда Хада»). Самое выдающееся деяние его — стрельба из лука в «лишние Солнца», которые делали жизнь на земле для людей невыносимой. Примечательно, что Хадо воспринимался хозяином загробного мира мертвых — бун, что у эвенков означает «смерть», «покойник», «могила», а также определяет понятия, связанные с обрядами похорон и поминок. Шаманы сопровождали души умерших в их путешествии в бун, ибо то был путь, полный преодоления трудностей, естественных преград и противодействий злых духов. Поскольку шаман передвигался на птице, то ясно, что мир бун находился на небесах. Туда же возносились через огонь и дым ритуальные угощения и вещи умерших. Сами же души их передвигались на лодках, нартах и оленях. Бун обеспечивал возвращение на Землю и возрождение. В роли создательницы мира бун выступает также жена Хадо — Мимилджи.

Изложенным выше следует ограничить представление источниковой базы исследования и приступить наконец к самому сложному его аналитическому отделу. Для этого сначала установим главные объекты предстоящего интерпретационного анализа, что, как можно надеяться, позволит определиться и концептуально с темами семантико-мировоззренческих реконструкций. Очевидно, истолкованиям и оценкам подлежат следующие элементы (земные и небесные), допустимая взаимосвязь которых друг с другом была выяснена ранее: во-первых, сама гора Черная с каменистой вершиной и изображением осыпаемого стрелами медведя на плоскости у основания обрыва и подножием с погребальным комплексом, сопровождаемым двумя плитами, которые от площадки с писаницей направляют взгляд на Полюс Мира и Полярную звезду; во-вторых, околополярная область неба с полюсом севера, Полярной звездой и тремя самыми популярными в астральной мифологии народов Сибири созвездиями — Малой и Большой Медведицами, а также Волопасом.

Семантико-смысловые реконструкции всех этих элементов и структур плодотворнее всего вести с учетом основополагающих постулатов так называемого мифологического сознания древних, с их весьма своеобразными архетипами и парадигмами, на основании коих люди архайческих обществ создавали свои первые представления о мире — обстоятельствах возникновения, формирования и утверждения главных конструктивных деталей Вселенной, появления разных в сущностных характеристиках обитателей земли, преисподней и неба, их судьбах в бесконечных круговоротах времени. Интерпретации, однако, должны осуществляться с бережным отысканием должных аналогов в представлениях обо всем этом прежде всего у коренных народов Южной Сибири, а также у соседних и более отдаленных обитателей Северной Азии. Такой подход определяется уверенностью в том, что их мировосприятие в глубинной подоснове базировалось на сходных (хотя и с вариациями) идеях, которые начали формироваться в весьма отдаленные эпохи освоения человеком Сибири. И еще одна оговорка: занимаясь поиском ключей к истолкованию памят-

ников культуры, связанных с горой Черной, нельзя допустить, чтобы иррациональное (метафизическое или мифическое) в сознании и мировоззрении создателей этого прекрасного культово-религиозного комплекса таштыкской эпохи полностью закрыло собой рациональное, в сущности научное (разумеется, на уровне своего времени) познание. Только с таким подходом можно будет воссоздать уравновешенный в акцентах интеллектуально-духовный образ человека поздней поры железного века юга Сибири, ибо, надо полагать, он не существовал лишь в сакрально-мифологическом мире.

Учитывая изложенное выше в сюжетах, посвященных астральной мифологии народов Сибири и астрономии околополярной области неба, установив вначале, как могла восприниматься гора Черная теми, кто разместил на ее вершине святилище с писаницей, а у подножия — погребальный комплекс и визирные плиты. Ответ определяется главными и, что особенно важно, доказательными доводами — астрономическим аспектом святилища у подножия скальной вершины и астральным содержанием мифа, который иллюстрирован композицией, составленной из фигуры медведя и девяти летящих в животное стрел. При упоминании аспекта космического (отношения святилища в небу) имеется в виду четкая пространственная увязка места размещения писаницы с Полюсом Мира и Полярной звездой, что подтверждается установкой у подножия Черной визирных плит, ориентирующих взгляд наблюдателя именно в ту сторону. Так открывается возможность точно восстановить отношение таштыкцев к этой горе. Поскольку Полюс Мира и Полярная звезда в мировоззрении народов юга Сибири — приверженцев шаманизма — были сакральным центром («Пуп»), который виделся огромной горой верхнего мира, обителью высшего существа, создателя Вселенной, то ему в качестве своеобразного зеркального отражения непременно должна была противостоять земная Мировая гора, священное место обитателей определенного региона. Вероятно, именно это обстоятельство определяло в первую очередь благоговейное отношение хакасов, алтайцев, тувинцев и других народов Саяно-Алтайской страны к горам, трепетно называемым Сумеру, при нелегком восхождении на кои возникала возможность максимально приблизиться к небу, самому желанному и почитаемому в мироздании воплощению божества или святому месту его пребывания, где «во время оно» осуществлялось творение мира, где находятся души глубокочтимых предков.

Такая гора, очевидно, воспринималась, подобно индийской Меру, центром космоса, и тогда восхождение на вершину ее становилось событием величайшим, ибо именно там, над чем мерцает ежедневно Полярная звезда и находится «отверстие» — священный центр неба, сближаются друг с другом мир земной с двумя главными мирами внеземными: у вершины — с верхним, космическим, а у подножия — с нижним, преисподней. Подобные или сходные с ними идеи лежали, как можно предположить, в основе восприятия горы Черной теми из таштыкцев, кто избрал ее в качестве места размещения на ее вершине святилища — писаницы и площадки, откуда осуществлялись наблюдения за небом и где жрецы совершали культово-ритуальные действия, а у подножия — погребального комплекса.

Рис. 9. Левая визирная плита.

Иначе говоря, Черную Гору следует воспринимать как своего рода «реплику», земную «копию» самой возвышенной части небесного купола — горы небесной, связанной с Полюсом Мира и Полярной звездой. Она, эта небесная гора, как бы проецировалась в воображении на Землю и затем находила свое воплощение, в сущности материализовалась, в реальной горе конкретной местности, избранной жрецами (которые руководствовались при этом определенными соображениями) в качестве таковой.

На Землю проецировалась не только сама небесная гора, но и, конечно же, все главное, связанное с нею в дальнем космосе. Что именно усматривало там, в околополюсном пространстве верхнего мира, таштыкское жречество, позволяло представить главные «культовые объекты», открытые при обследовании горы Черной (мира среднего, земного, обители людей), — площадка с писаницей на вершине и гробница с визирными плитами у подножия. Идея переноса на Землю самого значительного в небе позволяет соответствующим образом оценить все перечисленные структуры.

При таком методическом подходе площадку с писаницей на скальной вершине горы Черной следует воспринимать как *сакральное пространство высшего порядка, за которое на небе принималось местоположение Полярной звезды*. Сделанный вывод подтверждается сюжетом наскального изображения — медведь с длинным хвостом, существо, разумеется же, не земное в необычности, а космическое, есть порождение мифологического создания, образное воплощение созвездия Малая

Медведица. Недаром оно зачастую виделось древним в облике именно этого животного. Высказанную мысль можно было бы, пожалуй, без труда опровергнуть, если бы с горой Черной не оказались связанными установленные у ее северного подножия визирные плиты (рис. 9, 10). Разве можно считать случайным, что при взгляде на них с прилегающей к писанице площадки святилища они определяют азимуты на те точки горизонта, над которыми размещается как раз та околополярная область, где день за днем именно Малая Медведица совершает свои обороты вокруг астрономической точки севера, «Пула мироздания»? Такое решающее в убедительности соображение может отвергнуть лишь противник идеи тесной взаимосвязи памятников культуры друг с другом, но такая мысль позволяет уяснить суть каждого из них значительно глубже, чем при рассмотрении в изоляции от окружения (так археологи, к сожалению, предпочитают работать до сих пор, невольно обделяя себя и читателей).

Строго следуя принятому методическому постулату, займемся теперь решением следующего вопроса: воплощение чего было спроецировано на Землю и приняло вид двух установленных у подножия горы Черной визирных плит? Ответ подсказывает небо, а точнее, тот его участок, который ограничивает азимуты, проведенные через плиты при взгляде на них с площадки около писаницы на вершине горы. Анализируя проблему, вновь обратимся к рис. 6. Как видим, ни одна из плит не определяет точно астрономический север, т. е. ту точку неба,

Рис. 10. Правая визирная плита.

вокруг которой в ночные часы совершают видимые круговороты околополярные созвездия, в том числе ближайшее к ней — Малая Медведица. Левая плита визирует взгляд по линии, отстоящей от места пересечения оси мира с небосводом на $40'$, а правая — на $2^{\circ}17'$. Примечательно, что оба азимута связаны с вершинами двух гор северного сектора горизонта (у правой плиты азимут чуть смещен на восточный склон, но там находится вершина горы дальнего горизонта, не изображенная на схеме). Как представляется, сделано это намеренно и со значительным смыслом, выходящим за рамки тривиальной мысли облегчения поиска должного азимута. Но бесспорно, что Полюс Мира при таких позициях визирных плит удобнее всего искать по линии, проходящей как раз посередине той части подножия горы Черной, которая заключена между этими визирными плитами. В таком случае направление на астрономический север определяет менее высокая возвышенность, расположенная между горами, через вершины которых проходят азимут от визирных плит (см. рис. 6).

Обратим внимание на то, что дуга горизонта, ограниченная азимутом визирных плит, составляет около 3° ($40' + 2^{\circ}17' = 2^{\circ}57' \approx 3^{\circ}$), т. е. $1/120$ часть круга. Следовательно, азимут через точку, расположенную на равном расстоянии от той и другой визирных плит, составит около $1,5^{\circ}$. Этот азимут и определит достаточно точно центр той необычной зоны неба, вокруг которой совершают суточные обороты околополярные созвездия. В V в. н. э., когда яркие альфа и бета Малой Медведицы отсто-

яли от Полюса Мира достаточно далеко (приблизительно на 8°), можно было видеть их движение по кругу, на приблизительную середину которого указывала линия, проведенная мысленно между визирными плитами северного подножия горы Черной.

Возникает вопрос: не определяют ли сами визирные плиты азимуты на совершенно конкретные звезды Малой Медведицы, между которыми около V в. н. э. размещалась астрономическая точка севера? Вполне возможно. И тогда такими звездами были дзета «ковша» и эпсилон «ручки» (см. рис. 7, 1; 8, 1), а север легко отыскивался в пространстве, отделяющем друг от друга две характерные части созвездия — четырехугольник и дугообразную линию. Значимость такого заключения трудно переоценить. Оно прежде всего свидетельствует о высоком уровне наблюдательной астрономии времени таштыкской культуры. Не менее важно и то, что таштыкские жрецы знали о размещении Полюса Мира между «ковшом» и «ручкой» («хвостом») созвездия Малая Медведица. Это косвенно, но весьма сильно подтверждает астральность изображения медведя на скале, от вершины которой производилось визирирование на север через плиты у подножия горы Черной. И наконец, последнее очень интересное обстоятельство, позволяющее установить еще одно исключительно важное предназначение визирных плит (помимо сравнительно точной фиксации с помощью их местоположения зоны Полюса Мира). Они, располагаясь слева и справа от астрономической точки севера, обращали вни-

мание на вечернее местоположение звездного четырехугольника и «хвоста» Малой Медведицы в определенные сезоны. Так, если «хвост» был повернут на восток, а четырехугольник — на запад, то это значило, что наступала осень. Если же ориентация тех же частей созвездия по странам света была обратной, то можно было делать вывод, что наступила весна. Как представляется, такие наблюдения с наибольшей вероятностью велись в ночи весьма примечательных моментов тропического года: когда ожидалось наступление осеннего и весеннего равноденствий и когда Солнце уходило в южную сферу мироздания, знаменуя наступление времени зимы, или, напротив, возвращалось в северную сферу, определяя рубеж начала весны.

Высказанные соображения позволяют с той же невиданной ранее определенностью дать интерпретацию того пространства, которое на Земле заключено *между двумя плитами*, а на небе соответственно *между позициями двух звезд* — дзэта и эпсилон Малой Медведицы. Ясно, что в небесах это пространство определяет границы той загадочной для таштыкцев неподвижной зоны, вокруг которой обращались околополярные созвездия, в частности обе части Малой Медведицы, разделенные точкой севера, — «ковш» и «ручка». Это и есть знаменитая, вроде сангара эвенков, «Дыра неба», «проход» для душ умерших в надзвездную сферу, ворота в мир великих богов и предков. В том же ключе следует оценивать проекцию «Дыры неба» на Землю — каменные «ворота» из плит, установленные у северного подножия горы Черной. Пройдя через них и следуя на юг, после преодоления очень крутых склонов можно попасть к земному подобию вершины космической горы — к святилищу с писаницей, а двигаясь через них же под уклон на север, — оказаться у могильного холма, места ухода в преисподнюю предков, их тел и телесных душ. Но место размещения кургана есть, очевидно, и зона вознесения к «Дыре неба» иных, бестелесных душ, обеспечивающих людям бессмертие и возвращение в желанный для них средний мир — на Землю. Могильное сооружение у *подножия горы Черной* (рядом с «земным сангаром», ограниченным визирными плитами) можно оценивать как проекцию на Землю гробницы небожителей (четырехугольник «ковша» Малой Медведицы, образуемый звездами бэта, гамма, эта и дзэта), что, согласно мифологической космологии, располагается у *подножия горы небесной*, поблизости от «сангара космического» — «Дыры неба». Связь погребенных с околополярной областью неба и ее подобием на земле у подножия горы Черной осуществлялась, надо полагать, через невидимые нити, по которым скользит взгляд наблюдателя, когда он от зоны писаницы визирует азимуты на север (а от могилы — на юг) через плиты, установленные около погребального комплекса. Высказанное представляет собой, в сущности, сжатый до предела концепт космологии таштыкцев, т. е. *их концепцию устройства мироздания*, в коем, как видим, выделялись верхний мир богов и небожителей, средний мир землян и нижний мир ушедших из жизни.

Объем публикации не позволяет реконструировать в подробностях, какие божества размещались на вершине небесной горы, как таштыкцы представляли жизнь своих предков, обитателей неба и мира подземного, как мыслилось ими взаимодейст-

вие с небесными божествами, богами преисподней, а также отошедшими в «мир иной» небесный и подземный, как представлялись миграция душ в мир верхний и возвращение их оттуда же в мир земной для инкарнации. При желании читатель может вернуться к предшествующим страницам, на которых излагаются соответствующие этнографические сведения, и попытаться восстановить картину. Но делать это надо непременно с широким привлечением фактов, связанных с материальной и духовной культурой таштыкской эпохи. Единственное, на что, быть может, следует обратить внимание особо, связано с астрономией: возможность восприятия древними метеорных потоков, которые вырываются в строго определенные календарные сроки из тех зон неба, где размещались в ту пору созвездия Малой и Большой Медведицы. Возможно, они виделись следами пролета душ предков, устремлявшихся тогда из мира верхнего божества на Землю, или искрами тепла, что вытряхивалось им из мешков весной, после чего и наступало возрождение природы, а вместе с ним реинкарнация умерших.

Обратимся теперь к толкованию назначения святилища на вершине горы Черной и «прочтению» содержания писаницы, т. е. осмыслению мифологической информации, заложенной в композиции, тема которой кажется очевидной: «убиение» (принесение в жертву?) медведя в обрядовых ритуалах, сходных со сценами, которые сопровождают медвежий праздник. Астрономические аспекты святилища, его связь с погребальным комплексом у подножия горы Черной — земного подобия небесной Мировой горы — позволяют оценивать участок вершины, где находятся писаница и площадка, как сакральное место высшего ранга, аналог которому в космосе только один — вершина Мироздания, т. е. точка астрономического севера, около которой в таштыкскую эпоху находились дзэта и эпсилон Малой Медведицы. Отныне сказать просто, что на гору Черную приносили «жертвенные дары» и на ее вершине «совершались культовые обряды», означает воспроизвести банальное суждение. Палеоастрономия открывает возможность конкретизировать его, т. е. вдохнуть жизнь в правильную идею восприятия местонахождений писаниц как исключительной важности мест отправления культов и ритуалов.

Назначение святилища было, судя по всему, двояким. Отсюда, с площадки на вершине горы, велись наблюдения за небом, во всяком случае, за приполярной областью его, где вокруг недвижной точки севера вращаются Малая и Большая Медведицы. Ведь связь писаницы с погребальным комплексом, которые оказались на одной и той же линии, астрономически строго ориентированной на север, предполагает *предварительный, весьма тщательный и целенаправленный выбор* в округе наиболее подходящего места, откуда можно было, *используя особенности рельефа северного сектора горизонта*, без труда устанавливать азимут астрономического севера. При таком угле зрения святилище следует воспринимать как своего рода астрономическую обсерваторию, астропункт, наблюдательную площадку, откуда велось, как говорили в античные времена, «слежение за жизнью Неба». Однако то, что таштыкцы, выбрав место для наблюдения за звездами, определили и участок под-

ножая горы для погребального комплекса, позволяет сделать вывод еще об одном важном назначении местоположения писаницы. Здесь должны были свершаться священнодействия, связанные с культом предков — их почитанием, что предполагает исполнение классических ритуалов, направленных на обеспечение благополучного существования умерших в мирах иных, верхнем и нижнем, на проводы туда душ и на возвращение их обратно, на поддержание прочности нитей, связующих живых с верхним божеством...

Совершенно четкие астрономические аспекты святилища позволяют определиться в исключительно важном вопросе: в какое именно время жрецы исполняли положенное? Такая задача решается следующим образом. Визирные плиты, находящиеся около гробницы, ориентировали взгляд на «ручку ковша» Малой Медведицы, когда она вечером могла находиться или правее астрономического севера, или, напротив, левее. Первая позиция означала, что началась осень, когда природа умирала, вторая же знаменовала приход весны, а с нею и наступление «времени возрождения». Календарные церемонии, осуществляемые на площадке около писаницы в дни, близкие к осеннему и весеннему равноденствиям, разумеется, были самым тесным образом увязаны все с теми же погребальными культами, ибо ничто столь наглядно и с такой же обнадеживающей очевидностью не демонстрировало человеку, жившему в тесной гармонии с природой, переходящий характер смерти, ее бессилие навсегда уничтожить живое. В качестве поруки тому рассматривалось неизменное возвращение всеоживляющей весны после смертных дыханий осени и зимы. По случаю столь важных моментов на площадке святилища, а быть может, также около визирных плит, соседствующих с гробницей, и приносились жертвы, призванные гарантировать неизменность сезонных циклов природы, а вместе с ними круговорот жизни и смерти соплеменников, в качестве своеобразных «утешителей» коих выступали представители жреческого клана таштыкского общества.

Композиция святилища позволяет обратиться к теме еще более значительной, ибо за сюжетом, представленным изображениями на плоскости розоватого песчаника скальной вершины горы Черной, просматривается *космогоническая концепция* таштыкцев. Сцена, в сущности, как раз и представляет событие сакральное — принесение в жертву самого, надо полагать, высокочтимого из представителей животного мира предгорий Кузнецкого Алатау — медведя, жителя здешней черновой тайги и скалистых взгорий. Эта драматическая сцена могла, конечно, разыгрываться в реальности здесь же, на вершине горы. Однако у нее был прототип космический, поскольку все связанное с Мировой горой на Земле есть, согласно главному постулату мифологического сознания, всего лишь проекция существующего на горе центра мира небесного и происходящего там же. Длиннохвостый медведь, как уже отмечалось, принадлежал вероятно к существам из мира не реального, а мифического и, следовательно, космического, небесного. Значит там, в околуполярной области, куда направляли взгляд жреца визирные плиты, и осуществлялось принесение в жертву небесного медведя, контуры которого усматривались в россыпи звезд Малой Медведицы.

Возникает очередной вопрос: в чем заключается сокровенная суть события, постоянно наблюдаемого в небе, и что в определенное время должно воспроизводиться на Земле представителями богов верхнего мира — жрецами? Ответ на первый взгляд прост: его подсказывают вариации одного и того же мифа разных народов Сибири, в котором излагаются перипетии охоты космического богатыря или первопредка на небесное животное, будь то олень, лось или медведь. Миф этот безусловно астральный, ибо действующие лица в нем видятся обычно в очертаниях созвездий Волопаса (охотника), а также Большой и Малой Медведицы (жертвы стрелка из лука — самка зверя и ее детеныш, обеспечивающий в последующем, в очередной сезон, повторение космической охоты). Повествование отражает реальные события в небе — изменение позиций созвездий относительно друг друга при наблюдениях их в разные сезоны. В наиболее понятной форме толкование мифа сводится, как правило, к похищению небесным животным Солнца, что и служит завязкой последующей трагедии: богатырь пускается в погоню за похитителем света и тепла и, убив его, возвращает миру светило, что увязывается порой с определенным календарно-астрономическим событием тропического года. Едва ли можно заслужить упрек, если ограничить интерпретацию писаницы горы Черной рамками традиционного осмысления представленного в композиции, указав предварительно, что фигура медведя символизирует Малую и Большую Медведицы, а летящие в животное девять стрел выпущены оставшимся вне рисунка Волопасом (они символизируют, положим, девять звезд, возможно составлявших в эпоху таштыка это созвездие). Подобное событие целесообразно было бы увязать с календарным сроком появления Волопаса на небосклоне (весна) и кульминацией его в дни, близкие к летнему солнцестоянию (начало июня). Метеорный поток, исходящий из зоны неба, занятой Волопасом, мог бы восприниматься стрелами, которыми охотник осыпает медведя.

Отнюдь не отвергая традиционно напрашивающегося варианта семантического восприятия писаницы горы Черной можно вместе с тем представить другую трактовку мифической сцены, куда более значительную по содержанию и к тому же делающую доступной пониманию основополагающую идею самого акта жертвоприношения. Толчок к иной расшифровке рисунков дало ясное осознание астрономического севера как того места Мировой горы неба, где высшее божество творит «в начале времен» мироздание. Ведь то же самое должно быть прежде всего отражено как не сравнимое ни с чем по величию явления на писанице — проекции Малой Медведицы на вершину земной Мировой горы, «пула Земли», горы Черной. Мироздание, как известно, творится в мифологической космогонии по разным сценариям. Но к одному из самых популярных и широко распространенных относится миф о формировании Вселенной из тела самого божества, которое приносится в жертву ради «рождения» мира физически реального, со всеми его главными структурами — небом со светилами, Землей с ее обитателями и преисподней. Зримая и ощущаемая людьми Вселенная создавалась из отдельных частей тела жертвенного божества, а таковым у таштыкцев севера Хакасии был, судя по всему, мед-

ведь. Сцена убийства его ради последующего расчленения (что и означало творение мироздания) представлена на писанице горы Черной. Это событие, которое должным образом увязывалось с погребальным культом и идеями возрождения жрецов сообщества ранних кочевников предгорий Кузнецкого Алатау, происходило в совершенно определенный момент тропического года. Тогда созвездия — божественные воплощения участников космогонического мифа — занимали на небосводе соответствующие позиции, взаимодействуя друг с другом. В своеобразном астральном повествовании на тему акта творения и смерти иносказательно трактовались события земные — чередование осени и зимы, когда природа «умирала», с весной и летом, когда она «возрождалась» к жизни и достигала наибольшей мощи в проявлении ее. В этом ритме бесконечных колебаний между жизнью и смертью рассматривалось также бытие и небытие человека, одной из главных структурных частей мира природы.

Таков краткий итог использования нетрадиционных, а именно палеоастрономических, методов в изучении комплекса археологических памятников, увязанных друг с другом как раз посредством этих же методов. Указанное обстоятельство и обеспечило выход на принципиально новый уровень познания наиболее значительных объектов древней культуры. Правильность и плодотворность предложенной методики проведения археологического поиска подтверждаются исследованиями под тем же углом зрения других астропунктов, открытых в последнее десятилетие на той же горе Черной, ибо, как выяснилось, наблюдения с вершины ее за небом начались еще в палеолите и осуществлялись, помимо времени таштыка, также в эпоху тагара. В последующих публикациях о астропунктах тагарской культуры и палеолита горы Черной будет предпринята попытка с большой степенью точности доказать, что в сферу внимания древнего человека горного пояса Южной Сибири с незапамятных времен древнекаменного века входили, как и следовало ожидать, не только околополярные созвездия, но и Солнце, Луна и зодиакальные созвездия, по которым (для первого светила — в течение года, а для второго — в течение месяца) пролегли их пути в бездне космоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири (опыт расшифровки спирального орнамента ачинского ритуально-символического жезла). — Препр. — Новосибирск, 1983; Он же. Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества // Проблемы реконструкций в археологии. — Новосибирск, 1985. — С. 74—104; Он же. Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблема палео-космогонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. — Новосибирск, 1985. — С. 60—86; Он же. Мальтинская пластина — счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. — Новосибирск, 1988. — С. 184—225; Он же. Скульптурное изображение женщины и лунно-солнечный календарь поселения Малая Сыя (семантика образа и реконструкция способа счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири) // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. — 1984. — Вып. 1. — № 3. — С. 20—31; Он же. Драконический календарь древнекаменного века Сибири. Мальтинский жезл. — В 4-х ч. — Препр. — Новосибирск, 1990—1991.

² Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск, 1979. — Рис. 59; 61, 3.

³ Там же. — Рис. 61, 3.

⁴ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — С. 92, рис. 36, 38.

⁵ Худяков Ю. С. О вооружении таштыцкого воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 164, рис. 2, 10.

⁶ Детали античных и прочих мифологических сюжетов, связанных с созвездиями, см.: Карпенко Ю. А. Названия звездного Неба. — М., 1981; Бонов А. Мифы и легенды о созвездиях. — Алма-Ата, 1985; Щеглов П. В. Отраженные в Небе мифы Земли. — М., 1986. См. также: Соколова З. П. Культ животных в религиях. — М., 1972.

⁷ Астрономические сведения, например, см.: Дагаев М. М. Наблюдения звездного Неба. — М., 1979; Цесевич В. П. Что и как наблюдать на Небе. — М., 1979; Зигель Ф. Ю. Сокровища звездного Неба: Путеводитель по созвездиям и Луне. — М., 1980. В них же указана дополнительная литература.

⁸ Сведения о Полярной звезде, околополярных созвездиях, а также о мифологических сюжетах см.: Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — М., 1976. — С. 268—291; Алексеев Е. А. Представления кетов о мире // Там же. — С. 67—105; Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Там же. — С. 106—128; Попов А. А. Душа и смерть по воззрениям иганасанов // Там же. — С. 31—43; Грачева Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у иганасанов // Там же. — С. 44—66; Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Там же. — С. 217—253; Антропова В. В. Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Там же. — С. 254—267; Смоляк А. В. Представление нанайцев о мире // Там же. — С. 129—160; Таксами Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов // Там же. — С. 203—216. См. также: Анисимов А. Ф. Космогонические представления народов Севера. — М.; Л., 1959; Бутанаев В. Я. Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов // Учен. зап. Казанского ИИЯЛИ. Сер. филол. № 3. — Абакан, 1979. — № 20. — С. 231—241.

В. Д. КУБАРЕВ

ПАЛАШ С СОГДИЙСКОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА АЛТАЕ

Летом 1983 г. Восточно-алтайским отрядом Североазиатской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР проводились полевые работы в урочище Джолин, расположенном в истоках р. Юстыд (Кош-Агачский район Горно-Алтайской автономной области). Исследовался курганный могильник, насчитывающий 10 каменных насыпей, относящихся к основному к эпохе древних кочевников (V—III вв. до н. э.). Из них два кургана (№ 9, 10), сооруженные вне основной цепочки могильника, содержали древнетюркские погребения.

Исключительный интерес вызвал найденный в погребении кург. № 9 железный инкрустированный золотом на клинке палаш с согдийской надписью. Надпись на палаше просматривалась уже при первой предварительной реставрации в полевых условиях. Окончательно палаш был расчищен только в 1984 г. реставратором Г. К. Ревуцкой. По просьбе известного востоковеда В. А. Лившица в начале 1985 г. редкостная находка была доставлена в Ленинград для более тщательного изучения. По мнению Б. И. Маршака и В. И. Располовой, палаш и весь сопроводительный инвентарь погребения мо-

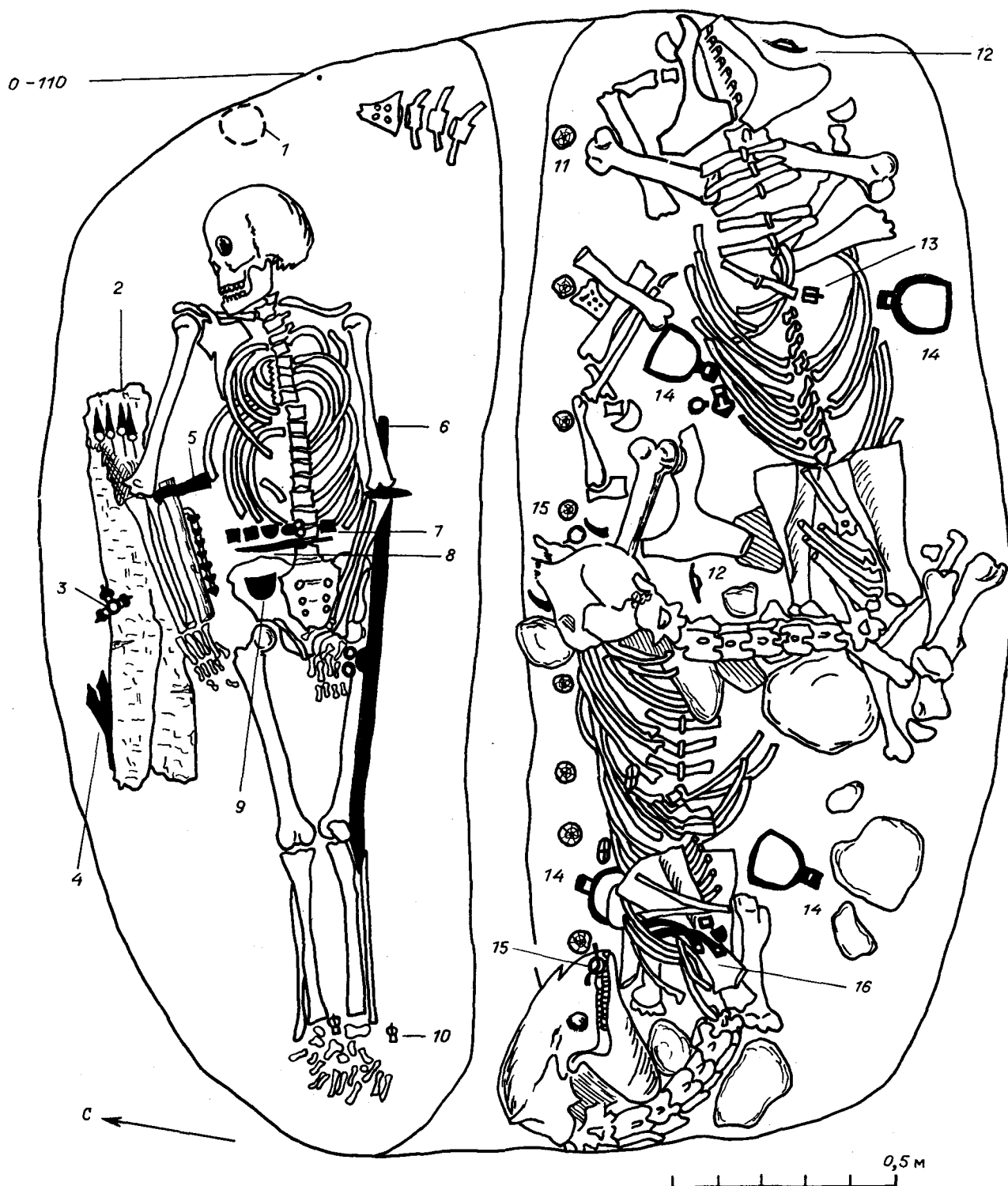

Рис. 1. Погребение кург. № 9. Могильник Джолин I.

1 — остатки кружки; 2 — колчан с наконечниками стрел; 3 — тройники для крепления колчана к поясу; 4 — накладки на лук; 5 — топор; 6 — палаш; 7 — поясной набор; 8 — нож; 9 — сумочка-огниво; 10 — пряжка от ремешков для сапог; 11 — колья; 12 — застёжки от пут; 13 — пряжка; 14 — стремяна, пряжки, обоймы и т. п.; 15 — удила; 16 — накладки на луку седла, обойма и наконечник ремня. (1, 11 — дерево; 2 — береста, железо; 3 — бронза; 4, 12 — рог; 5, 6, 8, 13—16 — железо; 7 — кожа, бронза; 9 — кожа, железо; 10 — серебро.)

гут быть датированы VIII в.¹ Д. Г. Савинов склонен датировать весь комплекс второй половиной IX — началом X в.²

Для того чтобы обосновать свою позицию в вопросе датировки, обратимся к краткому описанию памятника и сделаем анализ имеющегося в нашем распоряжении материала. До раскопок курган представлял собой округлую в плане насыпь диаметром 10 м, высотой 0,5—0,6 м над дневной

поверхностью. Насыпь сложена незадернованными валунами и рваным камнем. В центре небольшая западина глубиной около 0,5 м. В восточной части среди камней найдены кости лошади (обломки черепа, зубы, пястные). Насыпь была сложена очень тщательно, особенно первый слой камней, лежавший на древней поверхности. Крупные камни были пригнаны друг к другу, свободное пространство между ними заполнено мелкой галькой.

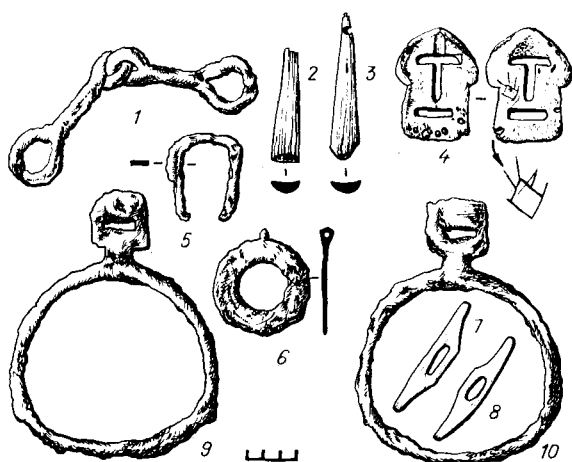

Рис. 2. Предметы, найденные около восточного коня.

1 — удила; 2, 3 — украшения (?) узды; 4, 5 — подпружные пряжки; 6 — седельное (?) кольцо; 7, 8 — застёжки от пут; 9, 10 — стремяна. (1, 5, 6, 9, 10 — железо; 2—4, 7, 8 — рог.)

В разрезах насыпи четко прослеживались остатки земляного могильного холма. Под центром насыпи находилась овальная в плане яма, размерами 250×210×110 см. На глубине 0,3—0,4 м по продольной оси восток — запад, т.е. почти точно посередине ямы, прослежены остатки восьми листовидных колов (каждый диаметром 4—5 см), установленных вертикально на расстоянии 15—20 см друг от друга. Они шли до дна ямы, отделяя, как затем выяснилось, погребение человека от захоронений коней (рис. 1).

Костяки двух коней находились в южной части могильной ямы, несколько выше погребения человека. Позы обоих идентичны: на брюхе, с поджатыми под него ногами, головами вниз, мордой к северу, т.е. в сторону человека. Общая ориентация захоронения коней западная. При этом череп первого (восточного) коня налегал на тазовые кости второго (западного) коня. Оба были заседланы, спутаны и взнузданы. Экипировка восточного коня включала хорошо сохранившиеся однокольчатые железные удила (рис. 2, 1), украшение узды из рога дзерена (рис. 2, 2, 3), два железных стремяна (рис. 2, 9, 10), обломанную железную пряжку с прямоугольной рамкой-приемником (рис. 2, 5) и роговую подпружную пряжку (рис. 2, 4). На тыльной стороне последней нанесен тамгообразный знак. Здесь же было найдено железное кольцо с небольшим выступом (рис. 2, 6).

На ребрах коня прослежен органический тлен темно-коричневого, почти черного, цвета от деревянных и кожаных деталей седла. Рядом в анатомическом порядке лежали тазовая, бедренная и берцовая кости барана. Вместе с костями задних ног восточного коня найдены также две роговые застёжки от пут (рис. 2, 7, 8).

Снаряжение западного коня отличалось формой железных удили с железными пластинчатыми S-видными псалиями (рис. 3, 1), дополнительной обкладкой лука седла железными массивными пластинками (рис. 3, 2, 3), железными обоймой (рис. 3, 7) и наконечником подпружного ремня (рис. 3, 4). Две железные пряжки (рис. 3, 8, 9) от подпружных ремней обнаружены рядом с ребрами коня, справа от него. Пара железных стремян (рис. 3, 10, 11) и пара роговых застёжек для пут

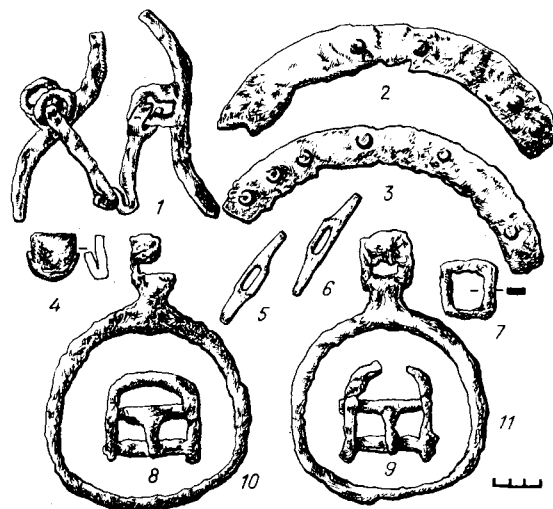

Рис. 3. Предметы, найденные около западного коня.

1 — удила; 2, 3 — накладки на переднюю луку седла; 4 — наконечник ремня; 5, 6 — застёжки от пут; 7 — обойма; 8, 9 — подпружные пряжки; 10, 11 — стремяна. (1—4, 7—11 — железо; 5, 6 — рог.)

(рис. 3, 5, 6) совершенно аналогичны по форме и размерам предметам снаряжения восточного коня.

Костяк человека (длина — 180 см) находился в северной части ямы. Могильная яма в головах и ногах погребенного была расширена подбоем. Положение костяка вытянутое, на спине, головой на восток. Руки, слегка согнутые в локтях, вытянуты вдоль тела, кистями у тазовых костей. Под левой рукой, вдоль левого бока человека, лежал острием вниз железный палаш.

Под локтем правой руки погребенного — железный боевой топор на деревянной рукояти

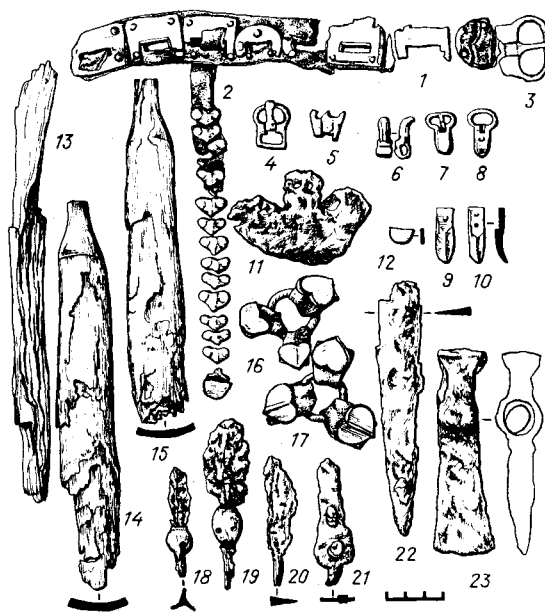

Рис. 4. Предметы из погребения человека.

1 — пояс с бляхами двух типов; 2 — подвесной (португальский) ремень с нашитыми бляшками; 3 — поясная пряжка; 4 — пряжка для подвесного ремня; 5, 6 — обломки пряжек; 7, 8 — пряжки обувных ремней; 9, 10 — наконечники обувных ремней; 11 — накладка на сумочку-кресало; 12 — наконечник ремня; 13 — часть лука; 14, 15 — накладки на лук; 16, 17 — тройники для крепления колчана; 18—20 — наконечники стрел со свистунками; 21 — колчаный крюк; 22 — нож; 23 — топор. (1, 16, 17 — кожа, бронза; 2 — кожа, серебро; 3—10, 12 — серебро; 11, 20—23 — железо; 13 — дерево; 14, 15 — рог; 18, 19 — железо; 20, 21 — рог.)

(рис. 4, 23). Топор также был подвешен на портупейном ремне, украшенном серебряными бляшками сердцевидной формы (рис. 4, 2). Над правой рукой погребенного, вдоль северной стенки ямы, прослежены остатки берестяного колчана с железными трехлопастными наконечниками стрел (рис. 4, 18—20). На отдельных наконечниках сохранились костяные свистунки. Колчан крепился при помощи бронзовых колец с тремя отходящими от них ремешками, украшенными серебряными сердцевидными бляшками (рис. 4, 16, 17). Под колчаном найдены срединные роговые накладки на лук (рис. 4, 14, 15) и железный крюк (рис. 4, 21).

На правой тазовой кости погребенного — плохо сохранившиеся остатки сумочки-кресала с железной пластиной-основой (рис. 4, 11). В ней найдены две обломанные челюсти мелкого грызуна (пищуха даурская?), кусочки краски (?) бежевого цвета, несколько кремешков из горного хрусталя, остатки трута (черная спекшаяся масса), несколько бляшек и пряжка, служившие для крепления и украшения сумочки (рис. 4, 5, 12).

У поясных позвонков погребенного обнаружены обломки бронзовых поясных бляшек подквадратной и полукруглой формы, фрагмент кожаного пояса (рис. 4, 1). Поясная пряжка из серебра с железным щитком (рис. 4, 3). Под бляшками пояса сохранились кусочки войлока, меха и шелка от одежды погребенного. Под поясными позвонками в деревянных ножнах найден железный однолезвийный нож (рис. 4, 22). У пястных костей ног погребенного лежали две пряжки и два наконечника ремней (рис. 4, 7—10) от мягких кожаных сапог. Над головой погребенного — древесный тлен от небольшой округлой кружки (диаметр тулова 12—14 см). Рядом с ней сохранились остатки погребальной пищи — позвонки барана.

Под погребенным прослежен темно-коричневый органический тлен от подостланной кошмы (?).

Топография могильного поля в урочище Джолин удивительно точно повторяет планировку десятков могильников алтайских кочевников. В исследованных памятниках близ Курая, Катанды, Туяхты, Узунтала, Уландрыка, Юстыда, Боротала, Барбургазы, Балык-Соока и других древнетюркские курганы всегда располагаются к востоку от курганов эпохи ранних кочевников. На Алтае к древним кладбищам «пристраивается», как правило, не более двух-трех средневековых курганов, но в отдельных случаях (Туяхта, Курай, Балык-Соок) они образуют цепочки из пяти-шести курганов. Другая топографическая особенность средневековых могильников обусловлена, вероятно, социальной дифференциацией погребенных. Она выражена в планировке и структуре могильника, на котором наиболее монументальные погребальные сооружения с богатейшим набором инвентаря почти всегда находятся в северной, а рядовые захоронения — в южной части курганной цепочки. Подобное известно и по могильнику Кудыргэ: «богатые могилы 14, 17 находились на одном холме — северном, а рядовые — на другом, южном»³. Социальная стратификация проявляется и при анализе половозрастных различий погребенных мужчин и женщин. В нескольких алтайских могильниках (Балык-Соок I, Юстыд XII, Джолин I) курганы с мужскими погребениями были сооружены в северной половине, с женскими — в южной, причем в могильниках Юс-

тыд XII и Джолин I возможно, синхронных, это были захоронения мужа и жены, могильник состоял фактически только из двух одинаково богатых погребений. И хотя у нас нет веских оснований, но эти могильники хочется назвать семейными кладбищами с могилами супружеских пар. Если исходить из этой версии назначения памятника, то становится понятным известный в ту же эпоху на Алтае и в других регионах Центральной Азии обычай древних тюрков устанавливать у поминальных сооружений парные каменные стелы или изваяния⁴. В одних случаях они изображают знатных супругов⁵, в других — двух мужчин-воинов (каменные фигуры последних стоят у оградок, окруженных одним общим валом и рвом)⁶. Подобные сооружения, возводившиеся, как известно, в честь особо выдающихся представителей древнетюркской знати и дружинной верхушки, необходимо связать с немногими пока открытыми на Алтае парными курганами (Боротал I, Балык-Соок I). В алтайских памятниках найдены парные (явно одновременные) погребения мужчин, резко выделяющиеся среди основной массы древнетюркских рядовых курганов обособленностью больших каменных насыпей, совершенно идентичным погребальным обрядом и сходным набором богатого инвентаря. Возможно, эти курганы возведены в честь двух сопративителей — бегов, шадов или других знатных представителей правящей элиты. Обычай парных захоронений воинов в одной могиле существовал и в среде дружинной аристократии⁷.

Другим коррелирующим признаком, позволяющим включить курган из Джолина в большую группу средневековых курганов Алтая, являются сопровождающие их ритуальные сооружения и выкладки. Каменная оградка, небольшая (95×95×15 см), находящаяся в 8,5 м на восток от каменной насыпи кургана, составлена из восьми плит (по две на каждой стороне), внутри заполнена мелкими сланцевыми плитками. По конструкции и размерам эта оградка совершенно аналогична миниатюрным (дополнительным) оградкам, зафиксированным рядом с древнетюркскими поминальными сооружениями на Алтае⁸ и в Туве⁹. Они возведены примерно на таком же расстоянии и в том же направлении от памятника, как и описанные выше. Примечательно, что дополнительные оградки чаще всего встречаются у поминальных комплексов в честь знатных тюрков. Тот же принцип расположения оградок зафиксирован у ряда древнетюркских курганов Алтая, которые отличаются разнообразным и богатым сопроводительным инвентарем погребений.

Второе «поминальное» сооружение в Джолине располагалось в 13 м к востоку от насыпи кургана. Оно представляло собой ряд из шести-семи каменных колец диаметром 1,5—2 м каждое. Это сооружение по топографическим признакам аналогично отдельным поминальным оградкам урочища Согонду в Кош-Агачском районе¹⁰. Оградки и кольца сопровождали с восточной стороны курганы-кенотафы в Боротале¹¹ и курганы в могильнике Юстыд XII¹². Во всех случаях при раскопках внутри них отмечены прокаленный грунт, древесные угольки и мелкие кальцинированные косточки животных — следы свершавшихся здесь жертвоприношений.

Разумеется, все приведенные здесь сведения о «поминальных» сооружениях не позволяют пока более точно установить характер ритуальных дей-

ствий и время их проведения (до похорон, в момент похорон или после них). Однако эта информация дает возможность синхронизировать многие курганы, существенно дополнив знания о погребальном обряде древних тюрков.

Во всех основных чертах погребальный обряд, бытовавший у населения Джолына, отражает религиозные представления большой группы алтае-телеских тюрков, многочисленные памятники которых отнесены к курайской культуре¹³. Расцвет культуры приходится на VIII—IX вв., что совпадает со временем падения Второго тюркского каганата и сменившего его Уйгурского каганата (745—840 гг.). Именно в этот период на Алтае, в Туве и Монголии широко распространяется обычай погребения с конем. Унаследованный от предшествующей пазырыкской культуры, этот обычай на Алтае остался практически неизменным до этнографической современности. Судя по захоронениям двух-трех лошадей в одном погребении, кочевники и в реальной жизни почти всегда использовали столько же лошадей для верховой езды, причем количество коней в могиле во все эпохи в кочевом обществе служило свидетельством материального достатка и социального положения погребенного. Так, в пазырыкских курганах в одном погребении вождя и племенной знати могло быть 7—22 коня, а в погребениях рядовых кочевников Уландрыка — редко два-три коня.

В первые века нашей эры в погребальном обряде населения Алтая происходят существенные изменения. Исчезают большие курганы. Погребальные комплексы знати внешне мало отличаются от захоронений рядовых воинов. Не встречаются больше и парные захоронения мужчины и женщины, коллективные погребения. Теперь в одной могиле погребают не более двух-трех коней. В раннетюркских памятниках, например в Берели (кург. № 3), лошади ориентированы еще в том же направлении, что и человек, т. е. так же, как и в курганах пазырыкской культуры. А. А. Гаврилова датировала такие курганы IV—V вв.¹⁴ Очевидно, в этот период или несколько позже ориентировка коней меняется на противоположную, что становится на несколько веков доминирующим признаком погребального обряда тюркоязычного населения Алтая. В силу древней традиции кони остаются мерилом богатства, социальной значимости погребенных и в древнетюркскую эпоху. В курганах Катанды, Курая, Туяхты и курганах-кенотафах Боротала вместе со знатными тюрками погребали, как правило, не более трех коней¹⁵. В Курае и Боротале в захоронениях трех коней были погребены и конюхи, что свидетельствует о знатности погребенных. Относящиеся к древнетюркскому времени рядовые погребения с двумя или даже одним конем выглядят намного скромнее, хотя и содержат нередко богатый сопроводительный инвентарь. К этой группе погребений относится и погребение в Джолыне I. В южной половине могильной ямы, слева от человека, находилась пара взызданных и оседланных коней. В традиционном обряде, типичном для алтае-телеских тюрков, присутствует новая черта: оба коня имели верховые седла со стремянами в отличие от других известных сопребений коней, где заседлана бывает всегда только одна лошадь¹⁶. Отклонение от традиционного погребального ритуала, прослеживаемое в Джолыне I, хотя и редко, но встречается на других памятниках.

Так, в соседней Туве, в одном из «больших» древнетюркских курганов Улуг-Хову (№ 54) С. А. Теплоуховым расчищены костяки трех заседланных коней с тремя парами железных стремян¹⁷. Такие погребения, наверное, свидетельствуют о появлении в военном деле древних тюрков каких-то изменений, обусловленных, несомненно, большой мобильностью вооруженной конницы, когда при быстрых переходах или преследовании врага необходимо было быстро пересестя на уже оседланного коня. Изготовленное в основном из железа снаряжение и убранство боевых коней из Джолына I и Улуг-Хову отличается подчеркнутой простотой и надежностью, отсутствием престижных украшений. Да и весьма стандартные комплекты вооружения (сабля или палаш, топоры, ножи, луки и колчаны со стрелами) позволяют говорить о принадлежности обоих погребений профессиональным воинам, входившим в дружинную аристократию. Л. Р. Кызласов относит погребение из Улуг-Хову (кург. № 54) к VII—VIII вв. Для уточнения возраста кургана в Джолыне рассмотрим сопроводительный инвентарь погребения. Эта задача отчасти уже решена в монографиях, посвященных древнетюркской эпохе Южной Сибири¹⁸.

Найденные в кургане удила конструктивно различаются между собой. У восточного коня железные однокольчатые удила традиционной формы (см. рис. 2, 1). Вместе с ними найдена пара роговидных предметов с гладкой срезанной поверхностью с внутренней, вогнутой, стороны и ребристой — с наружной (см. рис. 2, 2). Они, по заключению палеонтолога Н. Д. Оводова, вырезаны из рога дзерена. Такие предметы, впервые встреченные в одном из кенотафов Боротала¹⁹, были обнаружены в одном из памятников, исследованных в Кара-Кообы²⁰. Предметы во всех случаях находились рядом с мордой коня: ясно, что они конструктивно связаны с уздой, но каким образом — неизвестно. Назначение их также непонятно, хотя было высказано предположение об использовании предметов как имитаций стержневых псалий²¹. Все же логичнее видеть в них украшения узды — анахронизм, унаследованный от эпохи ранних кочевников, когда на Алтае были распространены роговые и деревянные имитации кабаньих клыков, оформлявшие перекрестья ремней узды²². Аргументов в пользу нашего предположения может послужить находка «клыковидных» предметов в одном комплекте с двудырчатыми роговидными псалиями катандинского типа VII—VIII вв.²³ К тому же на джолынинских находках имеются отверстия для подвешивания (см. рис. 2, 2). Важно, что неизвестные ранее в древнетюркских курганах «клыковидные» предметы как бы связывают джолынский погребальный комплекс, найденный на границе с Тувой и Монголией, с кенотафами Боротала и погребениями Кара-Кообы Центрального Алтая. Это свидетельствует о культурно-хронологической взаимосвязи упомянутых памятников.

Удила западного коня из Джолына I интересны сочетанием различных S-видных псалий: со скобой и петлей (см. рис. 3, 1). Аналогичные по конструкции удила с разнотипными псалиями известны и в погребении Узунтала²⁴. Такие варианты удил с металлическими псалиями с плоской петлей и кольцами для крепления повода наиболее часто встречаются в древнетюркских курганах²⁵ и даже в инвентаре поминальных сооружений с каменными

изваяниями²⁶ на Алтае. С VII в. удила такого типа широко распространяются от Забайкалья²⁷ до Восточной Европы²⁸. Они не помогают уточнить дату джолинского комплекса, так как на Алтае бытовали, очевидно, длительное время (VII—IX вв.), охватывая II и III стадии развития удил, по периодизации А. А. Гавриловой²⁹. На примере рассмотренных удил с разнотипным псалиями хорошо видно, насколько искусственны и условны бывают рамки классификаций, в которых иногда нет места отдельным категориям инвентаря. Но если все-таки придерживаться периодизации А. А. Гавриловой, то джолинские и узунтальские удила должны занять промежуточное место между II и III стадиями развития удил и соответственно датироваться VIII в. Подобные удила после IX в. у оседлых и кочевых народов Восточной Европы встречаются все реже³⁰, но доживают в Центральной Азии (значительно видоизмененные — с зооморфными окончаниями псалий и фигурными скобами) до X в.³¹

Две пары железных стремян от седел коней (см. рис. 2, 9, 10; 3, 10, 11) однотипны (с петлей на пластине и плавно изогнутым подножием). Они, как и удила, длительное время (VI—X вв.) использовались в Евразии³². Известно много вариантов стремян, и типология их до сих пор не разработана. Но уже сейчас представляется возможным вычленивать из основной массы стремян «с выделенной пластиной с закраинами и прорезью для путлища в нижней части дужки»³³. В группу этих же изделий, датированных VIII—IX вв., входят и стремяна из Джолина.

Второй раз на Алтае найдены дуговидные металлические пластины — накладки на переднюю луку седла (см. рис. 3, 2, 3). Они аналогичны по форме и назначению парным роговым накладкам на дуги седельных луков Катанды и Кудыргэ³⁴, но отличаются от них материалом и отсутствием орнамента на лицевой стороне. Металлические накладки делали с целью усиления военного седла. Известно, что у многих кочевых народов одновременно бытовали разные по назначению седла: военные, праздничные, охотничьи, женские, детские, выючные и т. д.³⁵ Надо полагать, что и у древних тюрков Алтая уже существовало подобное разнообразие типов седел. Поэтому вполне реально параллельное развитие нескольких форм седел, что затрудняет их классификацию и датировку. Происхождение седла «центрально-азиатского типа» остается дискуссионным³⁶.

Кроме джолинских и туяхтинских³⁷ металлических накладок на луку седла следует назвать оригинальную железную накладку на высокую арочную форму луку седла из кург. № 54 памятника Улуг-Хова в Туве³⁸. Ей близки по форме и назначению инкрустированные серебром металлические накладки, найденные в кыргызских могильниках Ортызы-Оба и Тербен-Хол³⁹. Появление окованных железом седел в снаряжении средневековых всадников несомненно связано с развитием защитного вооружения в конце I тыс. н. э., выделением особого рода войск — тяжеловооруженной панцирной конницы. Военное седло из Джолина датируется не ранее VIII—IX вв. — временем повсеместного внедрения многих видов защитного доспеха. Традиция украшать луки седел декоративными костяными и металлическими (чаще серебряными) накладками до сих пор жива у алтайцев⁴⁰, тувинцев⁴¹ и монголов⁴².

Обязательной деталью седла были кольца для крепления тороков. Одно такое кольцо сохранилось и

в снаряжении седла запасного коня в Джолине (см. рис. 2, 6). Оно найдено у правого бока коня, рядом с костями ноги барана. Вполне очевидным представляется, что задняя нога барана находилась в тороках с правой стороны седла. Эта весьма характерная черта погребальной обрядности отмечена во многих исследованных курганах алтае-телесских тюрков. Седельные кольца представляют категорию редких находок в древнетюркских погребениях. Единичные экземпляры их относятся к концу I тыс. н. э.⁴³

Седла на конях из Джолина имели по две подпруги, что особенно характерно и для ряда погребений с конем в Кудыргэ⁴⁴. Применение двух подпруг (от которых сохраняется пара пряжек) было необходимо для передвижения в горах и, очевидно, для обеспечения надежности военного седла тяжеловооруженного всадника. Подпругные пряжки из Джолина трех типов: 1-й — железная рамчатая подпрямоугольной формы с подвижным язычком (см. рис. 2, 5); 2-й — железная рамчатая подквадратная с язычком, вращающимся вместе с осью («с язычком на вертлюге») (см. рис. 3, 9, 10); 3-й — костяная «сердцевидной» формы с острым носиком и подвижным язычком (см. рис. 2, 4). Пряжки 1-го типа (II—I вв. до н. э., различные варианты доживают до XVII—XVIII вв.) были распространены по всей полосе евразийских степей от Забайкалья до Венгрии⁴⁵. Так же широко и длительно (V—XI вв.) применялись пряжки 2-го типа⁴⁶. Таким образом, оба первых типа подпругных пряжек не являются узко датирующими предметами. Их возраст, как и всего джолинского комплекса, уточняет костяная пряжка 3-го типа (см. рис. 2, 4). По мнению многих исследователей, подобные пряжки «сросткинского типа» относятся к периоду не ранее начала IX в.⁴⁷ Довольно часто в древнетюркских погребениях встречаются разнотипные не только стремяна, но и подпругные пряжки. В Джолине на восточном коне были найдены подпругные пряжки 1-го и 3-го типов. Точно в таком же сочетании они встречены, например, и в одном из типичных алтае-телесских погребений IX—X вв. в Хакасии⁴⁸. Пряжки разных (1-го и 2-го) типов находились и в предметном комплексе (узды и седло) древнетюркского поминального сооружения на р. Юстыд⁴⁹.

Комплект снаряжения западного коня в погребении Джолина (две пары однотипных стремян и подпругных пряжек, удила, застежки от пут) совершенно аналогичен набору конского снаряжения из кург. № 2 Узунтала, который автор раскопок датирует IX—X вв.⁵⁰

Особый интерес представляет и тамга на костяной подпругной пряжке (см. рис. 2, 4) от седла первого коня. В основе ее начертания лежит один из знаков орхоно-енисейской письменности. Знак, несколько усложненный дополнительными элементами, является, вероятно, личной или семейно-родовой тамгой. Обычай ставить тамгу на различные предметы и особенно на скалы и стелы (в начале рунических надписей) был особенно распространен в Центральной Азии⁵¹.

Тамги и знаки, короткие рунические надписи встречаются чаще всего на золотых и серебряных сосудах, пряжках поясов, зеркалах, монетах и оружии⁵², принадлежавших, как известно, представителям древнетюркской знати. Тамги (основное значение этого слова во многих тюркских языках —

«тавро, знак собственности»)⁵³ закрепляли право собственности на владение не только скотом, материальными ценностями, но и определенной территорией⁵⁴. Можно предположить, что тамга на подпругной пряжке из Джолына I, являясь личным знаком погребенного, была призвана выполнять те же функции.

Непременной частью снаряжения коней были плетеные кожаные путы, от которых в Джолыне сохранились две пары костяных застёжек (см. рис. 2, 7, 8; 3, 5, 6). У коней из древнетюркских погребений Восточного Алтая (в частности, в Джолыне) спутанными чаще оказываются задние ноги, а в Кудыргэ у лошадей были спутаны передние ноги, в отдельных могилах даже стреножены⁵⁵.

Инвентарь, связанный с погребением человека, представлен остатками пояса, сумочки и оружия.

Пояс набран бронзовыми бляхами с прямоугольным и округлым верхним краем, с прямой прорезью для крепления ремешков (см. рис. 4, 1). Такой поясной набор чаще всего изображался на древнетюркских каменных изваяниях Алтая⁵⁶. Несмотря на длительное бытование в Центральной Азии подобных поясных наборов⁵⁷, возраст пояса погребенного из Джолына I может быть определен по подвесным ремням с миниатюрными бляшками сердцевидной формы (см. рис. 4, 2) в пределах конца VIII—IX в. Совершенно такие же подвесные ремни с бляшками найдены в Ак-Кообы⁵⁸. А. А. Гаврилова связывает появление на Алтае украшенных подвесных ремней с влиянием уйгурской культуры, ссылаясь на изображения уйгуров в росписях из Турфана, датированных VIII—IX вв.⁵⁹ Такой вывод не лишен оснований, если учесть, что идентичной формы бляшки для подвесных ремней из третьего слоя Пенджикента относятся к более раннему периоду (третья четверть VIII в.)⁶⁰, чем аналогичные находки на Алтае и в кыргызских погребениях IX—X вв. Хакасии⁶¹. Уйгурскими считают отдельные каменные изваяния Тувы с изображенными на них поясами с подвесными ремнями и Л. Р. Кызласов⁶². Возможно, к этой группе скульптур, выполненных в реалистической манере, близки и некоторые алтайские изваяния, на которых также показаны подвесные ремни⁶³. Учитывая многочисленность миниатюрных сердцевидных бляшек для подвесных ремней в алтайских погребениях, можно предположить их местное происхождение. Подобные бляшки также найдены в средневековых погребениях у с. Красный Яр в Новосибирском Приобье⁶⁴.

В Джолыне I обнаружено шесть пряжек. Все они выполнены из серебра. Самая большая — поясная (овальноремчатая с коротким язычком, не выступающим за передний конец пряжки), с железным пластинчатым щитком на шарнире (см. рис. 4, 3). Три одинаковые пряжки (см. рис. 4, 4—6) были связаны с подвесными ремнями для сумочки, палаша и колчана. Две небольшие совершенно одинаковые пряжечки (см. рис. 4, 7, 8) от обувных ремней с серебряными наконечниками в виде узкого язычка с продольным ребром (см. рис. 4, 9, 10) найдены около пястных костей погребенного. Обувные пряжки — нередкая находка во многих исследованных могилах Алтая⁶⁵, но наконечники обувных ремней обнаружены впервые. По форме к ним близки некоторые уздечные бляшки из Кудыргэ⁶⁶, но тождествен (вплоть до

крепления к ремню) пока только единственный аналог из Педжикента — два бронзовых наконечника, происходящих из слоя, датированного серединой VIII в. Такие наконечники, до сих пор неизвестные в средневековых памятниках Центральной Азии, неоднократно встречались в погребениях алтае-телеских тюрков (могильники Уландрык I, Юстыд XII, Барбургазы I, Балык-Соок I)⁶⁷.

На поясе погребенного из Джолына I в кожаной сумочке находились кремь и трут. Огнем служила стальная фигурная пластина (см. рис. 4, 11), пришитая снаружи сумочки. Близкие по форме сумочки-огнива, датируемые последними веками I тыс. н. э., известны на Алтае⁶⁸, в Туве⁶⁹ и Хакасии⁷⁰. Изображены они и на многих каменных изваяниях древних тюрков⁷¹.

Обнаруженное в Джолыне I оружие составляет практически полный комплект вооружения средневекового воина азиатских степей. Лук и стрелы — оружие дальнего боя — сохранились в погребении в виде двух костяных срединных накладок (см. рис. 4, 14, 15) и нескольких фрагментов железных наконечников со свистунками (см. рис. 4, 18—21). Лук из Джолына I по конструкции (две боковые срединные накладки) типично тюркский, остатки подобных наиболее часто встречаются в алтайских курганах. Исследователи, занимавшиеся вопросами эволюции центрально-азиатских луков, единодушно относят лук «тюркского» типа к VII—X вв.⁷² В какой-то мере, очевидно, «сужают» дату (до VIII—IX вв.) лука из Джолына I размеры и форма окончаний срединных накладок, весьма сходные с параметрами таких же накладок на лук из кург. 2 памятника Сростки⁷³.

Наконечники стрел из Джолына самой распространенной формы: трехлопастные черешковые, с костяным полым шариком-свистунком. Плохая сохранность наконечников не позволяет более подробно остановиться на их сравнительном анализе. Стрелы лежали остриями вверх в берестяном колчане, от которого остались только небольшие фрагменты, а также детали крепежа в виде «тройников» (см. рис. 4, 16, 17) и колчанного крюка (см. рис. 4, 22).

Колчаные «тройники», представляющие собой бронзовые кольца с обрывками трех кожаных ремней, закрытых в местах их крепления бронзовыми бляшками сердцевидной формы, мало известные в тюркских памятниках Алтая (Узунтал)⁷⁴, недавно в большом количестве обнаружены в Туве⁷⁵. Одинаковая конструкция джолыинских, узунталских и аргалыктинских тройников свидетельствует о единой системе крепления колчанов к подвесным ремням. Те и другие дополнены железным колчаным крюком. Украшение джолыинских тройников сердцевидными металлическими бляшками указывает на дальнейшее развитие этих деталей колчана и соответственно их более позднюю по сравнению с железными аргалыктинскими дату — VIII—IX вв.

Железный однолезвийный нож (см. рис. 4, 22), найденный в деревянных ножнах у пояса погребенного, судя по длине (14—15 см) сохранившейся части, мог применяться как боевой.

Боевой топор (см. рис. 4, 23) — третья находка подобного рода на Алтае. Первые два таких топора обнаружены в курганах Катанды⁷⁶, Узунтала⁷⁷ и

датированы VIII—IX вв. Все три экземпляра одинаковы по основным данным (длина 11—12 см, ширина лезвия 3—5, высота обушка 2—3,5, диаметр проуха 1,5—2 см; вес джолинского топора — 170 гр), но несколько различаются по форме обука и лезвия. Более близки друг другу топоры из Катанды и Узунтала, что хорошо видно, если сравнить форму узких вытянутых лезвий, скошенных в сторону рукояти и расширяющихся от проуха к острию. Так же слегка скошен в сторону рукояти и обух сравнимых топоров. Эти характерные особенности нечетко видны на джолинском топоре: линии изгиба лезвия и обука в сторону рукояти на нем едва улавливаются. Меньшие размеры, узкое лезвие, короткий обух в виде молоточка придают джолинскому топору более грацильные пропорции, чем у находок из Катанды и Узунтала, которые, очевидно, имеют раннюю дату. По крайней мере, это справедливо для топора из Катанды, найденного вместе с тюркешской монетой 740—742 (?) гг.⁷⁸ Джолинский топор «уйгурского» типа занимает, вероятно, промежуточное положение между тюркскими (Катанда, Узунтал) и кыргызскими топорами IX—X вв.⁷⁹ Последние отличаются от алтайских большими размерами (длина 12—15,5 см, ширина лезвия 3,5—6 см) и овальной или прямоугольной формой проуха большего диаметра. Топор из Джолына I выделяется среди других саяно-алтайских находок асимметрично-ромбическим сечением лезвия, необходимым, как представляется, для более эффективного разрушения брони. Это еще один признак поздней даты нашей находки, очень близкой по форме и назначению, например, к древнерусским боевым топорам, называемым в литературе чеканами-топорами, или топорами-молотками⁸⁰. Подобные грацильные топоры, использовавшиеся в VIII—IX вв. на большой территории от Прикамья до Венгрии и Румынии, считаются оружием восточного происхождения. В Сибири эти топоры, судя по малочисленности находок, не получили столь широкого распространения и всегда служили вспомогательным оружием ближнего боя. Еще реже они встречаются в Средней Азии⁸¹.

Причины редкого применения топора кочевниками заключаются в тактических особенностях конного боя; топор считается традиционным оружием пехоты. Однако он был единственным и действенным оружием в ближнем бою с тяжеловооруженной панцирной конницей, т. е. мог успешно «применяться во время затяжного кавалерийского боя, превратившегося в тесную схватку отдельных групп, когда длинное древковое оружие лишь мешало движению. Лучше всего здесь подходил легкий боевой топорик, например чекан, им можно было владеть одной рукой... топор при помощи темляка прочно удерживался в руке»⁸². Яркой иллюстрацией сказанному служит изображение кыргызского всадника на Сулесской писанице: боевой топор, удерживаемый темляком, свободно свисает с запястья руки воина, держащего обеими руками копье⁸³. В таком же положении средневековые всадники подвешивали топор во время похода⁸⁴. Рукоятью вверх изображен топор-секира на поясе у одного из редких алтайских каменных изваяний, запечатлевшего воина в панцирном доспехе⁸⁵.

Многие исследователи считают древнетюркский боевой топор каким-то недифференцированным ра-

бочим и военным инструментом⁸⁶. Не исключая возможности бытования в Сибири специальных рабочих топоров, подобных древнерусским (которые всегда в 2—3 раза по размерам и весу превосходят боевые топоры)⁸⁷, отметим, что в Южной Сибири они пока не найдены. Скорее всего, кочевники Саяно-Алтая для хозяйственных целей применяли традиционные топоры-тесла, известные здесь, судя по следам на бревнах погребальных срубов, уже в раннем железном веке. Такие топоры справедливо считают универсальным деревообделочным орудием⁸⁸ с оговоркой, что тесла могли служить в качестве военного рубящего оружия⁸⁹. Однако следует обратить внимание на давно известное погребение воина в катандинском кургане, в котором в одном предметном комплексе соседствуют оба вида орудий⁹⁰, что может указывать на разделение их по функциональному назначению на боевое (топор) и рабочее (тесло).

Нельзя отрицать и символического значения топора в погребении, призванного подчеркнуть степень знатности и социального положения воина. Топор как символ власти засвидетельствован, например, в росписях Пенджикента. Имеется в виду изображение царя в короне с топором в руках⁹¹. Поэтому весьма примечательно, что воин из погребения в Джолыне I держит топор в подчеркнuto церемониальной позе — с кистью правой руки на рукояти, боевой частью кверху, у правого плеча.

Столь же престижным и отличительным знаком воина из Джолына I является железный однолезвийный палаш (рис. 5, 1). Его полная длина — 86 см, рукояти — 12 см. Ширина лезвия клинка неравномерна (в верхней части у перекрестья — 3,5 см, в нижней — 2,5 см) при толщине 0,5—0,3 см. Клинок слабо изогнут в сторону спинки лезвия. Небольшое (длина — 7,5 см) прямое перекрестье напускное, пластинчатое, ромбическое в сечении. Острие клинка расковано на два лезвия. Судя по остаткам ножен, они были составлены из двух деревянных пластин, обернутых берестой (?). Толщина каждой не превышала 2—3 мм. Палаш подвешивался к поясу на двух портупейных ремнях, продетых сквозь два небольших железных кольца, которые крепились к двум железным полукруглым выступам — петлям ножен (один из них под перекрестьем, второй — посредине ножен, в 30 см от перекрестья). На спинке палаша, у основания клинка — инкрустированная золотой проволокой согдийская надпись.

Палаш из Джолына I — несомненно, уникальная находка, однако далеко не единственная в комплексах вооружения известных археологических памятников Алтая. Еще недавно коллекция найденного в этом регионе Азии оружия рубяще-колющего вида (мечи, палаши, сабли) едва насчитывала 10 экземпляров⁹². В последние годы в результате новых раскопок средневековых курганов она значительно пополнилась и в настоящий момент насчитывает более 30 единиц⁹³.

В развитии рассматриваемого оружия выделены две основные стадии: «на первой (II в. до н. э. — V в. н. э.) происходит слияние местной и привнесенной традиций, а на второй (VI—X вв. н. э.) меч вытесняется палашем, выделяется и самостоятельный вид сабли»⁹⁴. Оружие найдено в основном в памятниках трех регионов Центральной Азии: Восточный Казахстан, Западная Сибирь,

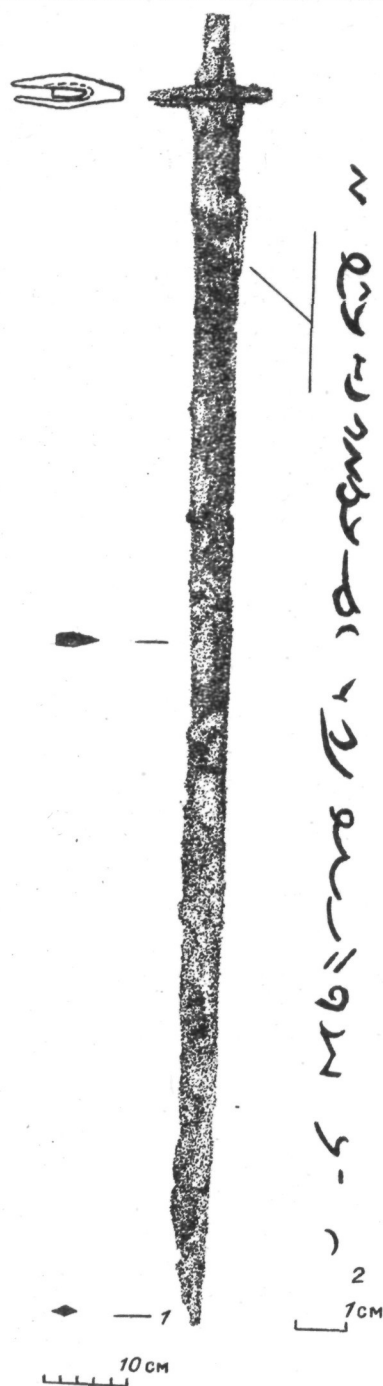

Рис. 5. Железный палаш с согдийской надписью (1), прорисовка надписи (2).

Саяно-Алтай. Неравномерность распространения оружия в указанных регионах отражает прежде всего слабую изученность средневековых памятников, особенно в горных районах Алтая. Большая часть находок приходится на Верхнее Прииртышье, степной и предгорный Алтай, а также на южные районы Приобья. Здесь в IX—X вв. была распространена сrostкинская культура⁹⁵. Среди разных типов оружия, найденного в погребальных комплексах сrostкинской культуры, к джолинской находке по всем параметрам наиболее близок однолезвийный палаш из кург. 1 (мог. 5) в Ближних Елбанах⁹⁶. Однако происхождение джолинского клинка, очевидно, следует связывать с оседлыми центрами Уйгурского или Кыргызского каганатов. Здесь, в глубине Сая-

но-Алтайских гор, уже в раннем средневековье «возникли специализированные поселения черных металлургов и кузнецов (на которых одновременно действовало не менее 10—15 плавильных горнов), уже выплавлялся металл высокого качества и было налажено производство цельностальных, наварных и цементированных орудий»⁹⁷. Местные оружейники славились производством длинных мечей, палашей и сабель, кинжалов и копий, прочного металлического доспеха⁹⁸. Кузнецы-оружейники знали секрет наварки стальных лезвий, разные виды сварки, освоили ювелирную инкрустацию золотом и серебром по железу⁹⁹. О широко налаженном производстве свидетельствуют письменные¹⁰⁰ и археологические источники¹⁰¹.

Подобные металлургические центры существовали и в высокогорных зонах Алтая, пограничных с Тувой и Монголией. Только в одном Кош-Агачском районе Горно-Алтайской автономной области, в котором находится урочище Джолин, было открыто и изучено 30 памятников черной металлургии VI—X вв. н. э.¹⁰² Все они концентрируются у богатых рудопоявлений Юго-Восточного Алтая. Совокупность местонахождений, открытых разработок и сыродутных железоплавильных печей позволила выделить крупный и самостоятельный горно-металлургический район, названный Чуйско-Курайским центром древней металлургии¹⁰³. Металлографический анализ более 200 предметов из 43 памятников Алтая показал, что «в целом для железообрабатывающего производства алтайского населения VI—X вв. характерно использование в качестве сырья кричного железа и стали... с постоянным соотношением в пользу последней»¹⁰⁴.

Таким образом, можно было бы прийти к выводу о местном алтайском производстве стального клинка из Джолина I. Но этому мешает согдийская надпись, нанесенная одновременно с поковкой палаша. Она ставит несколько взаимосвязанных вопросов. Местного или импортного происхождения клинок? Почему надпись выполнена на основе согдийской, а не древнетюркской письменности? Может ли в какой-то мере послужить ответом на вопросы краткий анализ и перевод надписи В. А. Лившица?

Надпись включает не менее восьми слов, но в них более половины букв разрушено (рис. 5, 2). Приведем сохранившуюся часть надписи (в круглых скобках частично поврежденные буквы, в квадратных — полностью уничтоженные; транслитерация — обычная, применяемая при издании согдийских текстов):

[ZN] H* (P?) [-] (r) K хур(б) n(t?Š) [-] h[-] (r)
[Z] > t riŠy h'gyp x[1]

Перевод: «Это собственность (буквально «свой, собственный») П., сына Н. И ему (-владельцу меча) вреда (или «ущерба») да не будет».

Как видно, надпись включает (1) указание на принадлежность палаша владельцу и (2) благопожелание. К сожалению, во второй части надписи имена собственные владельца палаша и его отца восстановить не удастся. Невозможно даже определить, согдийские это имена или тюркские. Слиш-

* Прописные буквы в согдиологии применяются для передачи арамейских идеограмм.

ком велики утраты в надписи: в первом имени из пяти букв целиком сохранилась лишь последняя; во втором (имя отца), содержащем, вероятно, восемь букв, только первая определяется достаточно ясно.

Формула (х-название предмета или местонахождение, это — ZNH, идеограмма для согдийского уи-уи + имя собственное (\pm имя отца) + хурб («свой, собственный») до сих пор была известна лишь по немногим согдийским надписям на серебряных сосудах, однако сомнений в том, что и на палаше эта формула присутствует, нет.

По палеографическим данным надпись может быть датирована весьма широко: от VII до IX — первой половины X в.

Итак, перевод надписи мало что прояснил и не ответил на поставленные вопросы. Мы даже не узнали имени владельца палаша. Однако лаконичность надписи, обусловленная скромной целью поставить свою мету на дорогом оружии, все же обладает той малой информацией, которую мы и попытаемся из нее извлечь. Первое, с чем следует сравнить содержание новой согдийской надписи, — это давно известные рунические тексты орхон-енисейских памятников Центральной Азии, оставленные в большом числе на видных местах: на скалах, стелах, у перекрестков дорог, — все они были выполнены в основном в честь знатных лиц древнетюркского господствующего класса. Рассматривая содержание этих надписей, исследователи пришли к выводу о трафаретности памятников, текст которых строится по одному шаблону и делится обычно на две части: 1) перечисление всего земного, от которого отделился умерший; 2) перечисление всего, чем не наслаждался умерший. В обоих случаях указываются иногда имущество, родственники и т. д.¹⁰⁵ В надписи на клинке из Джолина I наблюдается такое же деление текста на две части, хотя содержание иное. Другое сходство заключается в том, что многие древнетюркские эпитафии начинаются с имени человека, в честь которого водружен памятник или сделана надпись¹⁰⁶, и заканчиваются алкыша — благопожеланиями, сохранившимися в героическом эпосе тюркских народов¹⁰⁷. Да и в самом содержании, строе надписи чувствуется стиль рунических памятников. Отсюда можно предположить, что надпись выполнена по заказу тюркского воина согдийским мастером на его родном языке. Вместе с тем вторая часть надписи на клинке из Джолина I явно близка по форме к заклинанию, призванному выполнять оградительные, магические функции. Сходная традиция помещать на подписных клинках символы магического значения (кресты, круги и т. д.) была известна и средневековым оружейникам Восточной Европы¹⁰⁸. У нас нет достаточных оснований уверенно связывать джолинский палаш с импортными изделиями, хотя хорошо известно о торговых путях на территории Алтая, торговых факториях, основанных согдийскими купцами не только в Восточном Туркестане, Семиречье, но и в Ордосе, Китае¹⁰⁹ и даже в Прибайкалье¹¹⁰. «В кочевых государствах быстро распространились в воинской среде пояса и чаши»¹¹¹, среднеазиатский шелк¹¹², богато украшенное оружие и другие предметы¹¹³. Об этом свидетельствуют и находка на Алтае палаша из

волнистой дамасской стали¹¹⁴, и стальные клинки с арабскими надписями из Хакасии¹¹⁵ и Тувы¹¹⁶.

Наличие согдийской надписи на типично азиатском клинке объясняется тем, что в VII—VIII вв. согдийский язык становится языком международного общения на огромных территориях от Мерва до степей Центральной Азии. Быстрое распространение согдийского письма было связано с новой волной переселения согдийцев в Семиречье, заимствованием через согдийских миссионеров манихейства — новой государственной религии уйгуров¹¹⁷. Согдийские надписи появляются не только на различных предметах¹¹⁸, но и на тюркских (тюркешских) монетах¹¹⁹. Именно в этот сложный период, очевидно, и был изготовлен палаш с согдийской надписью по специальному заказу тюркского воина, потому что уже в конце IX в. «согдийская культура доживает последние свои дни не только в колониях, но и в метрополии. Здесь, в Семиречье, она становится составной частью культуры тюркских кочевников. Сообщения Махмуда Кашгарского о том, что согдийцы приняли одежду и нравы тюрков, что жители от Баласагуна до Испиджаба говорят по-согдийски и по-тюркски, причем уже не было людей, которые бы говорили только по-согдийски, свидетельствует об ассимиляции согдийцев местным тюркским населением»¹²⁰. Становится трудным «отличить то, что сделано кочевником, от того, что сделано для кочевников, и от того, что сделано оседлыми для оседлых, но под влиянием кочевников»¹²¹. Поэтому более конкретное определение культурной принадлежности уникальной находки из Джолина I пока представляется затруднительным. Ясно одно — надпись фактически закрепляла индивидуальную собственность владельца палаша, поэтому дорогостоящий клинок и оказался в его могиле. При этом социальный облик человека, погребенного с именованным оружием, не вызывает сомнений: палаш или сабля — всегда признак знатности и богатства¹²².

Суммируя результаты анализа всех данных о погребении из урочища Джолин, датированного ориентировочно началом или серединой IX в. Исследование и публикация древнетюркского погребального комплекса из Джолина I позволяют углубить наши представления о самом сложном и интересном периоде древней истории племен Центральной Азии — Уйгурском каганате, а также своевременно ввести в научный оборот еще один раритет вооружения средневекового воина, имя которого, к сожалению, осталось для нас неизвестным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из сообщения автору В. А. Лившица 11 янв. 1985 г.

² Из сообщения автору Д. Г. Савинова 4 янв. 1985 г.

³ Гаврилова А. А. Могиляник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.; Л., 1965. — С. 45.

⁴ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. — Новосибирск, 1984. — С. 85.

⁵ Кляшторный С. Г., Лубо-Лесниченко Е. И. Древние изваяния в Гоби // Тез. докл. к конф. «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии». — М., 1981. — С. 50; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — М., 1979. — С. 129.

⁶ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 212, табл. XXXIII.

⁷ Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтага // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 120.

⁸ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 209, табл. XXX, 1; с. 219, табл. X, 1; и др.

⁹ Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 132.

- 10 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 219, табл. XL, 1.
- 11 Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — С. 138.
- 12 Материалы хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН.
- 13 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984. — С. 65.
- 14 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 57.
- 15 На Алтае известно пока только одно древнетюркское погребение, сопровождаемое захоронением четырех коней (кург. № 11 в могилинике Балык-Соок I на р. Урсул Онгудайского района). — Материалы хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН.
- 16 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 34; Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы... — С. 140; и др.
- 17 Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 132—133.
- 18 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири...; Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986.
- 19 Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы... — С. 139, рис. 3, 3; 4, 8.
- 20 Могилиников В. А. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 87, рис. 19, 3.
- 21 Там же. — С. 68.
- 22 Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950. — С. 27, рис. 7.
- 23 Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы... — С. 139, рис. 3, 6; Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 83, рис. 16, 3.
- 24 Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы... — Рис. 12, 3.
- 25 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — Табл. XXXI, 58; Могилиников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 144, рис. 6, 1; Бородаев В. Б., Мамадаев Ю. Т. Могилиники Кырлык-1 и Кырлык-2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 87, рис. 12, 3.
- 26 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 223, 227.
- 27 Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 147, рис. 35, 14, 23.
- 28 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // Свод арх. источников. — Е1—36. — М., 1973. — Вып. 2. — С. 13, рис. 5, 1, 2.
- 29 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 83, рис. 16, 4, 5.
- 30 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 13.
- 31 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири... — С. 135.
- 32 Степи Евразии... — С. 107, рис. 4а, 40, 42; с. 123, рис. 19, 22, 23; с. 124, рис. 20, 40; с. 136, рис. 28, 2—4; и др.
- 33 Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири... — С. 133.
- 34 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 63, рис. 8, 1, 3; с. 85, рис. 17, 2.
- 35 Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 138.
- 36 Савинов Д. Г. Из истории убора верхнего коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.) // Сов. этнография. — 1977. — № 1. — С. 31; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 135.
- 37 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири... — С. 542.
- 38 Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 134, рис. 93, 1.
- 39 Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. — Новосибирск, 1982. — С. 156, рис. 102, 1, 3.
- 40 Савинов Д. Г. Из истории... — С. 44, рис. 11.
- 41 Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. — М., 1974. — С. 91, рис. 57.
- 42 Кочешков Н. В. Народное искусство монголов. — М., 1973. — С. 32, рис. 66.
- 43 Савинов Д. Г. Из истории... — С. 37.
- 44 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — Табл. VIII, 5, 6; XIV, 5, 6; XVIII, 20, 21.
- 45 Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1976. — Табл. XI; Кузьмин Н. Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Древние культуры евразийских степей. — Л., 1983. — С. 74, рис. 33, 40, 42; Вайнштейн С. И., Дьякова В. П. Памятники в могилинике Кокзель // Тр. Тув. комплекс. арх.-этногр. экспедиции. — М.; Л., 1966. — Т. 2. — Табл. XIII, 19; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — Рис. 153, 3; Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы... — С. 106, рис. 4, 1; Бородаев В. Б., Мамадаев Ю. Т. Могилиники Кырлык-1 и Кырлык-2... — С. 87, рис. 12, 4; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — Табл. XLVIII, 4; Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. — Л., 1980. — С. 100, рис. 70, 4; Симонова Е. Некоторые результаты раскопок позднесредневекового могилиника в Фесерлакпесте // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984. — С. 137, рис. 2, 143; и др.
- 46 Киселев С. В. Древняя история... — С. 520; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири... — С. 137; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 190, рис. 146, 11; и др.
- 47 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 67, рис. 9, 9; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири... — С. 137; Неверов С. В. Костяные пряжки сродкинской культуры (VIII—X вв. н. э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул, 1985. — С. 202—203; Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы... — С. 139, рис. 3, 9.
- 48 Нестеров С. П., Худяков Ю. С. Погребение с конем могилиника Тепсей III // Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979. — С. 89, рис. 2, 1, 2.
- 49 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 227, табл. XLXIII, 4.
- 50 Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы... — С. 106, рис. 4, 2, 3, 7, 8, 12, 13; с. 117.
- 51 Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. — М., 1980. — С. 92; Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983. — С. 52.
- 52 Киселев С. В. Древняя история... — С. 541; Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948. — С. 41, 43; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — С. 43; Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркол. сб. 1972 года. — М., 1973. — С. 306; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 51, рис. 12, 2; и др.
- 53 Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб, 1905. — Т. 3. — Стб. 1003—1004.
- 54 Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Сов. археология. — 1960. — № 3. — С. 104—118.
- 55 Гаврилова А. А. Могилиник Кыдыргэ... — С. 35.
- 56 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 37, рис. 7.
- 57 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 67, рис. 9, 7; с. 71, рис. 11, 26.
- 58 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 223, табл. XLIV, 7.
- 59 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 72.
- 60 Распопова В. И. Металлические изделия... — С. 90, рис. 63, 16.
- 61 Евтюхова Л. А. Археологические памятники... — С. 57.
- 62 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века... — С. 80, рис. 26.
- 63 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 181, изваяние 11; с. 208, изваяние 181.
- 64 Троицкая Т. Н. Красный Яр I — памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 103, рис. 3, 20; с. 110, рис. 7, 15.
- 65 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 39.
- 66 Там же. — Табл. XVIII, 8—10.
- 67 Материалы хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН.
- 68 Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы... — С. 108, Рис. 5, 18.
- 69 Кызласов Л. Р. Древняя Тува... — С. 104—105, рис. 34, 7.
- 70 Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. — Новосибирск, 1979. — Табл. XXII, XXIII.
- 71 Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния... — С. 42, рис. 9.
- 72 См.: Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 87; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири... — С. 129; Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — С. 141.
- 73 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 71, рис. 11, 9.
- 74 Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы... — Рис. 5, 13; Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы... — С. 145, рис. 10, 3.
- 75 Трифонов Ю. И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI—X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 194, рис. 2.
- 76 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — Рис. 9, 11.
- 77 Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы... — Рис. 5, 3.
- 78 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 67.
- 79 Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — Новосибирск, 1980. — С. 62—63, табл. XII.
- 80 Кирпичников В. И. Древнерусское оружие... — С. 33.
- 81 Распопова В. И. Металлические изделия... — С. 78.
- 82 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 45—46.
- 83 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века... — Рис. 41.
- 84 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 45.
- 85 Кубарев В. Д., Кочеев В. А. Новая серия каменных изваяний Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 219, табл. V, 6.
- 86 См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — С. 104; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — С. 63—64.
- 87 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 28.
- 88 Киселев С. В. Древняя история... — С. 516, 530; Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 172.
- 89 Нестеров С. П. Тесла... — С. 172; Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... — С. 221.
- 90 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 67, рис. 9, 11, 12.
- 91 Распопова В. И. Металлические изделия... — С. 78.
- 92 Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ... — С. 29.
- 93 Сводку см.: Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... — С. 131, 164, 190—195.

- ⁹⁴ Там же. — С. 219.
⁹⁵ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л., 1956. — № 48. — С. 145.
⁹⁶ Там же. — Табл. III, 1.
⁹⁷ Кызласов Л. Р. История Южной Сибири... — С. 27.
⁹⁸ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия... — С. 131—132.
⁹⁹ Хоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири // Сов. археология. — 1974. — № 4. — С. 120.
¹⁰⁰ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. — С. 59.
¹⁰¹ См.: Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов...
¹⁰² Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло алтайских племен VI—X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1983. — С. 6.
¹⁰³ Там же. — С. 6, 9.
¹⁰⁴ Там же. — С. 16.
¹⁰⁵ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.; Л., 1946. — С. 150.
¹⁰⁶ Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. — Фрунзе, 1959. — С. 146—147, 160—161 и след.
¹⁰⁷ Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. — М., 1985. — С. 80.
¹⁰⁸ Кирпичников А. Н. Древнетюркское оружие... — С. 40.
¹⁰⁹ Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. — М., 1979. — С. 25—36.
¹¹⁰ См.: Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // Тюркологические исследования. — М., 1963; Гохман И. И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. — М., 1968.
¹¹¹ Маршак Б. И. Согдийское серебро. — М., 1971. — С. 81.
¹¹² Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века... — С. 86.
¹¹³ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. — М.; Л., 1966. — С. 80.
¹¹⁴ Киселев С. В. Древняя история... — С. 554—556.
¹¹⁵ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия... — С. 132.
¹¹⁶ Грач А. Д. Исследования могильников Улуг-Оймак и Улуг-Хорум // Арх. открытия 1965 года. — М., 1966. — С. 31; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... — С. 42, 44.
¹¹⁷ Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья // Краткие сообщ. Ин-та материальной культуры. — М.; Л., 1940. — Вып. 6. — С. 41; Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских этнографических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. — Новосибирск, 1987. — С. 37.
¹¹⁸ Фрейман А. А. Древнейшая согдийская надпись // Вестн. древней истории. — 1939. — № 3. — С. 135; Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. — М., 1987. — С. 121.
¹¹⁹ Бернштам А. Н. Согдийская колонизация... — С. 42.
¹²⁰ Там же.
¹²¹ Маршак Б. И. Согдийское серебро. — С. 51.
¹²² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... — С. 65.

Ю. С. ХУДЯКОВ, Д. БАЯР

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК В МЕСТНОСТИ НАХИУГИЙН-МАНХАН В ПУСТЫНЕ МОНГОЛ ЭЛС

Памятники средневековой истории на территории Монголии изучены неравномерно. Если поминательные и мемориальные сооружения, эпиграфические памятники древних тюрок и уйгуров, городища Киданьской и Монгольской империй исследованы уже достаточно подробно, то погребальные памятники средневековых кочевников, обитавших в эпоху средневековья на территории Монголии: тюрок, уйгуров, кыргызов, монголов, изучены недостаточно. Памятники сяньби и жуэней до сих пор не выделены в составе монгольских древностей. В этой связи каждая новая находка средневековых погребений в различных районах Монголии представляет интерес для создания сплошной периодизации археологических культур Центральной Азии. Особенно важны такие данные, полученные из слабо пока исследованных западных районов Монголии.

Несомненный интерес представляет памятник, зафиксированный на северо-западе страны, в Заваханском аймаке. Он был обнаружен местными арабатами несколько лет назад во время прогона стада крупного рогатого скота через местность Нахиугийн-Манхан. Позднее памятник неоднократно посещали местные жители, и часть предметов, находившихся на поверхности, бесследно исчезла. В августе 1986 г. сбором находок для краеведческого кабинета Цэцэн-Уул-сомона здесь занимался В. Нацагдорж. Тогда же В. Нацагдорж сообщил о памятнике в Институт истории АН МНР. После этого для его исследования выехал руководимый Д. Баяром археологический отряд Института истории АН МНР¹. В результате исследования была собрана коллекция предметов средневекового вооружения, сбруи, украшений, зафиксированы условия их нахождения, что позволяет в общих чертах определить характер исследованного археологического объекта, время его сооружения и этнокультурную принадлежность.

Памятник расположен на северной окраине обширного песчаного массива Монгол Элс, в местно-

сти Нахиугийн-Манхан, расположенной в 60 км к юго-западу от Цэцэн-Уул-сомона, вдоль долины реки Хунгуйн-Гол, в бассейне оз. Кыргыс-Нур, в котловине великих озер Монголии. В момент посещения памятника Д. Баяром находки располагались на дне обширной котловины выдувания диаметром около 150 м, глубиной более 10 м. Все предметы лежали в полном беспорядке на поверхности песчаной котловины. Среди них имеется пять обломков деревянной колоды, выдолбленной из ствола лиственницы сибирской (*larix sibirica*)². Сохранилось несколько фрагментов колоды с пазами с двух сторон. Один из них — днище, его длина около 50 см, ширина 50, толщина 1—3 см. На внутренней поверхности днища колоды прослеживаются следы окислов железа от прикипевшего к днищу панциря. Кроме того, сохранились еще три небольших фрагмента колоды и, возможно, крышки. Судя по всему, колода была выдолблена из цельного бревна лиственницы и имела накладную крышку. В колоде и крышке имелось по два отверстия-паза для клиньев, скрепляющих крышку с колодой. Кости скелета сильно истлели, разрушились, но на некоторых из них видны следы металлических окислов. На обломке плечевой кости — следы соприкосновения с изделиями из медного сплава. Такие же следы прослеживаются на нескольких неопределимых обломках трубчатых костей. Положение погребенного в колоде и ориентировку установить не представляется возможным. Инвентарь памятника включает предметы вооружения и сбруи. Среди предметов вооружения имеется однолезвийный палаш, сохранившийся в обломках. Длина сохранившейся части клинка — 58 см, ширина клинка у перекрестья — 4, у острия — 3 см, высота сохранившейся части черена рукояти — 2,3 см. Палаш имел прямой, однолезвийный трехгранный в сечении обоюдоострый на конце клинок. На поверхности клинка на месте перехода в цельнокованный че-

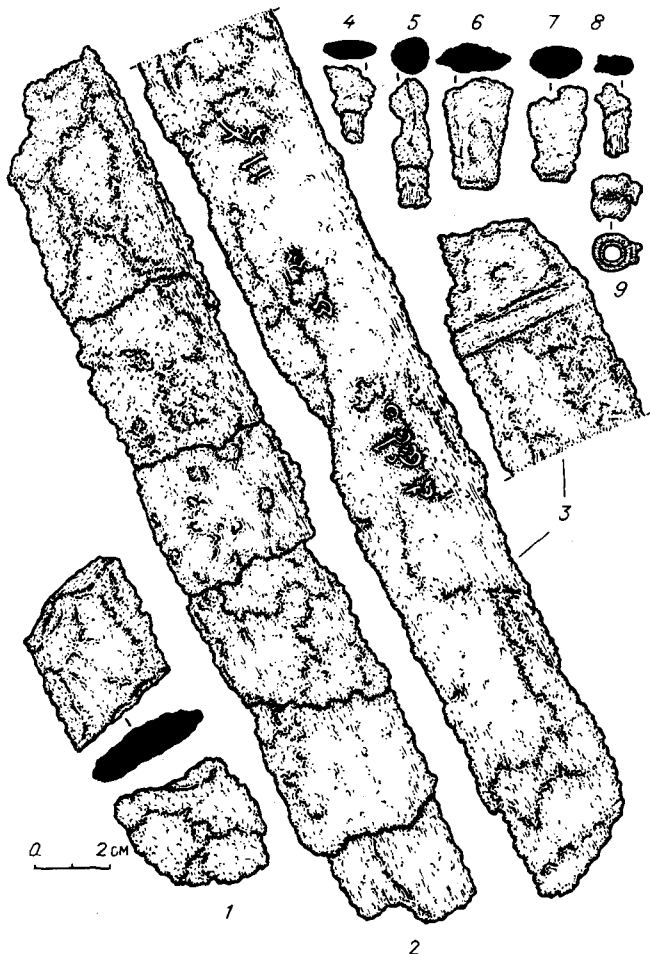

Рис. 1. Предметы вооружения из Нахиугийн-Манхана.
1—3 — обломки палаша; 4—8 — обломки наконечников стрел;
9 — железная трубочка.

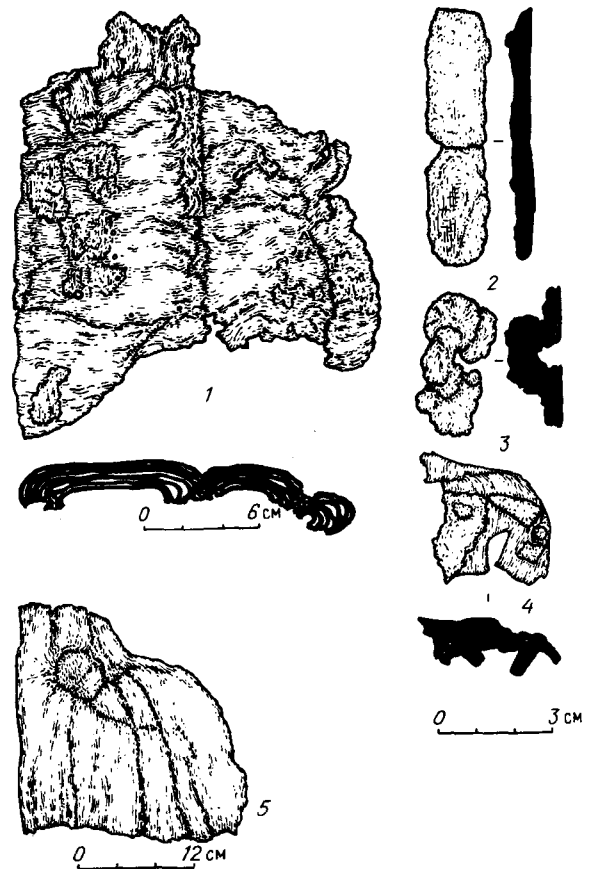

Рис. 2. Находки из Нахиугийн-Манхана.
1 — фрагмент колчана; 2—4 — детали крепления колчана; 5 —
фрагмент колоды.

рен рукояти сохранился след крепления перекрестья. Черен рукояти прямой, без заметных следов изгиба в сторону лезвия. На внешней поверхности правой (со стороны спинки) грани клинка на расстоянии от 6 до 16 см от места крепления перекрестья золотом отчеканена надпись. Сохранились детали восьми отдельных знаков. Очевидно, что арабская надпись, выполненная куфическим шрифтом³. Судя по всему, палаш был положен в колоду прямым. Никаких следов изгиба на полосе не прослеживается (рис. 1, 1—3).

Вместе с погребенным был положен колчан со стрелами, от которого сохранились часть берестяного приемника, крепежные принадлежности для ремней портупеи и обломки стрел. Сохранилось пять обломков железных наконечников стрел. Все они сильно корродированы. Три наконечника имели плоское сечение пера. У двух из них сохранились верхняя часть черешка, упор и часть основания пера с пологими плечиками. У третьего перо плоское, с обломанным основанием и острием, сохранило очертания наконечника асимметрично-ромбической формы. Четвертый наконечник — с округлыми в сечении черешком и основанием пера. Форму пера установить трудно, его поверхность сильно корродирована. Вероятно, это был бронебойный наконечник с округлой в сечении шейкой и граненым острием. У пятого наконечника обломан черешок, но сохранился упор, основание пера с пологими плечиками. Острие обломано. Сечение пера линзовидное. Это, очевидно, был наконечник

универсального назначения с линзовидным пером и тупым острием (рис. 1, 4—8).

Серия наконечников невелика, однако она достаточно показательна, поскольку дает основание для датировки всего комплекса началом — первой половины II тыс. н. э.⁴

От приемника колчана сохранились обрывки сложенной в несколько слоев и прошитой бересты. Один из фрагментов с внутренней стороны приемника располагался перпендикулярно берестяному покрытию. На внешней поверхности бересты видны следы коррозии от крепежных принадлежностей. От последних сохранились прямоугольная железная накладка с овальными концами, крепившаяся непосредственно к берестяной поверхности приемника; железная скоба для продевания ремня портупеи и обломки железной пластины, прикрепленные шпильками к плотному однослойному куску бересты (рис. 2, 1—4). Сохранившаяся часть приемника, возможно, является остатками тыльной стороны горловины, свернутой в несколько слоев и дополнительно укрепленной берестяной вставкой. К этой наиболее прочной части крепились железные накладки с ремнями и скобы для продевания ремней. Железная пластина со шпильками, вероятно, относится к берестяному покрытию деревянного дна колчана⁵.

Большую часть находок в составе комплекса составляют обломки железных пластин от панциря. Сохранилось свыше 30 фрагментов панциря из нескольких скрепленных между собой пластин, около

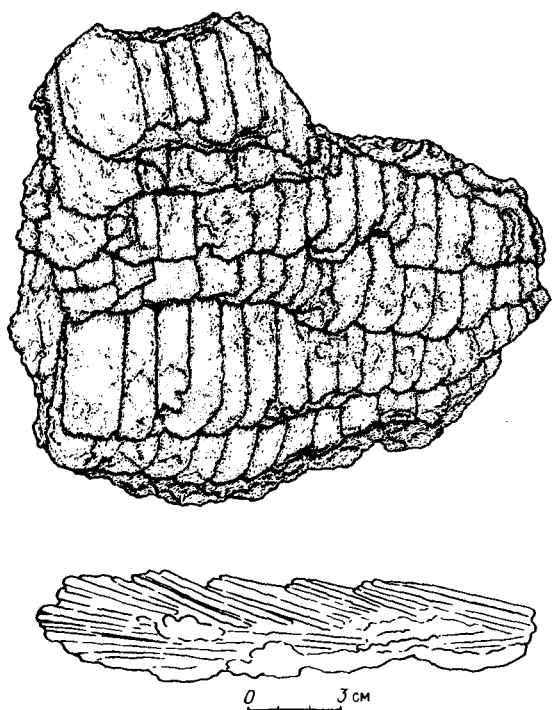

Рис. 3. Фрагмент панциря из Нахиугийн-Манхана.

10 обломков отдельных пластин и множество мелких фрагментов железных деталей панциря. Несколько фрагментов панциря было взято В. Нацагдоржем для краеведческого кабинета в Цэцэн-Уул-сомон⁶.

Комплект пластин из панцирного набора явно не полон, но в его составе имеются различные по форме и способам крепления фрагменты, что позволяет примерно реконструировать доспех. Среди находок есть достаточно крупные фрагменты из двух, четырех, шести рядов пластин. Большинство пластин однотипны. Это прямоугольные пластины с округлыми верхним и нижним концами и системой отверстий. Пластины крепились в ряд, вертикально по отношению к подолу доспеха. Каждая пластина накладывалась справа налево или слева направо на соседнюю, закрывая примерно половину ее ширины, и связывалась через отверстия ремешками. На большинстве фрагментов пластины связаны между собой на расстоянии примерно трети длины до концов. Система вязки на многих фрагментах различна. Чаще всего ремешки заплетены наподобие косы. Иногда они продеты в каждую следующую пару отверстий косым крестом. Пластины могли скрепляться одним наискось продетым ремнем. В редких случаях ремешки из одного ряда перекинуты в другой. Следует отметить, что система плетения ремней заметна только с внутренней стороны, с внешней поверхности панциря видны только пластины. Пластины связывались, очевидно, только в той части, которая перекрывалась соседней пластиной. Каждый ряд пластин с верхнего конца был обернут полосой кожи, которая прошита тонким ремешком. Такие ряды накладывались друг на друга таким образом, что ремешок крепления нижнего ряда перекрывалось округлыми нижними концами пластин верхнего ряда. В целом система соединения пластин и рядов пластин между собой в полной мере соответ-

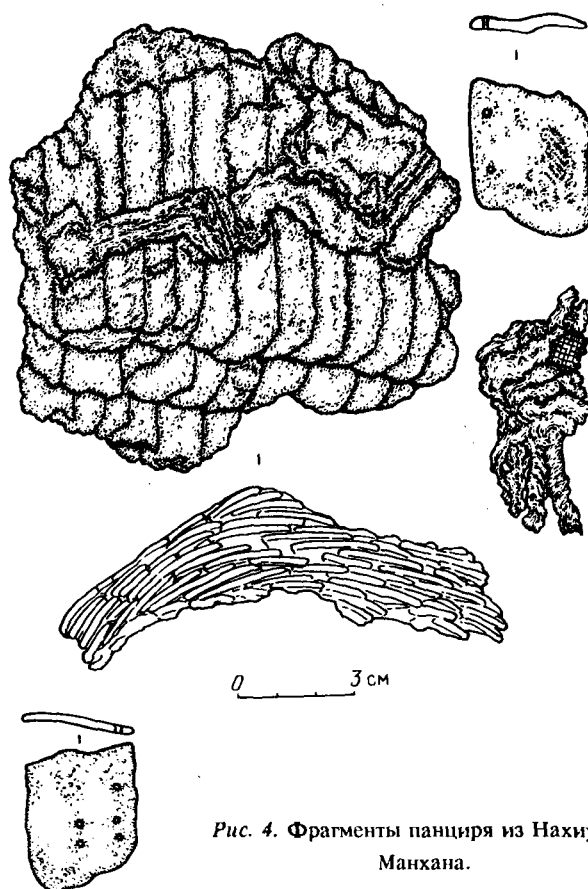

Рис. 4. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

ствует ламеллярному способу изготовления доспеха⁷.

Полную реконструкцию доспеха осуществить довольно сложно, однако можно попытаться сделать это, ориентируясь на различия в составе фрагментов.

Наиболее значительные по количеству пластин фрагменты очень плотно соединены, как бы сложенные по вертикали. Их внутренняя сторона покрыта ворсистым, вероятно войлочным, покрытием. На внешней поверхности отдельных рядов пластин сохранились следы позолоты. Вероятнее всего, эти фрагменты — составная часть неразъемного нагрудника, отделанного снаружи позолотой. Нагрудник, пластины которого могли несколько смещаться по вертикали, в колоду помещен вместе с войлочной подкладкой (рис. 3).

Один из фрагментов панциря аналогичной конструкции дугообразно изогнут по горизонтали, соответствуя объемной поверхности предохраняемого участка тела. На внешней поверхности пластин видны следы позолоты. Войлочной подкладки нет. Очевидно, это деталь рукава панциря, от предплечья до локтя, она могла собираться по вертикали «в гармошку» (рис. 4, 1).

В составе набора имеются отдельные ряды пластин, не соединенные с другими рядами. На внешней поверхности пластин не заметно следов позолоты. На внутренней поверхности отдельных фрагментов сохранились обрывки шелка. Все пластины прямые, только один ряд, на середине, изогнут так, что нижние концы пластин оказались расположены под тупым углом к верхним. По нашему мнению, эти детали могут относиться к подолу доспеха, который не имел войлочной подкладки (рис. 5—11).

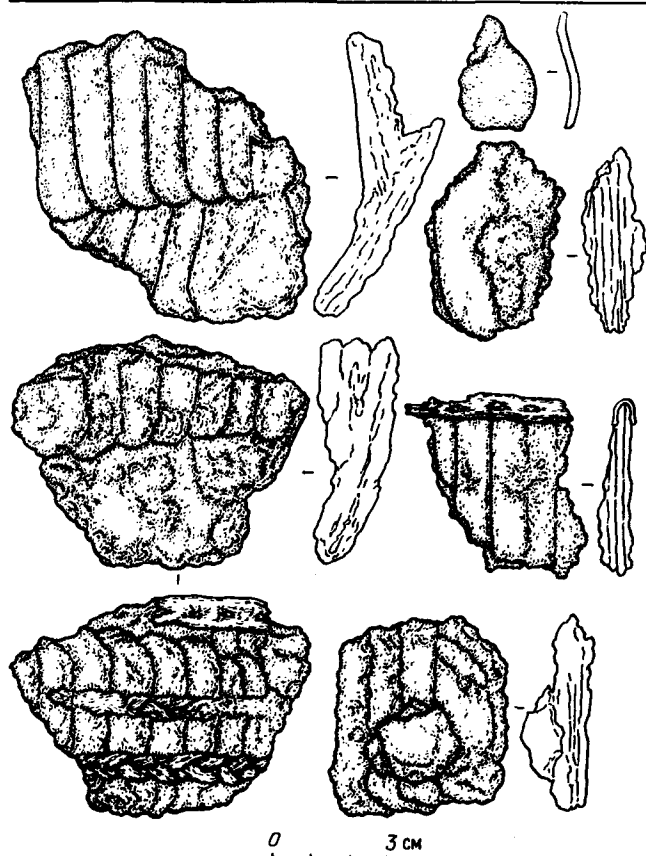

Рис. 5. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

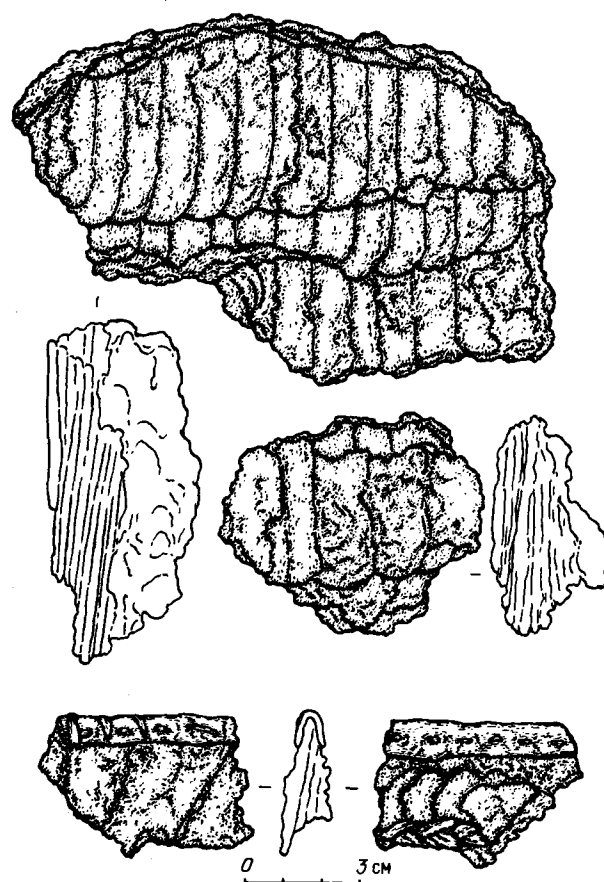

Рис. 6. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

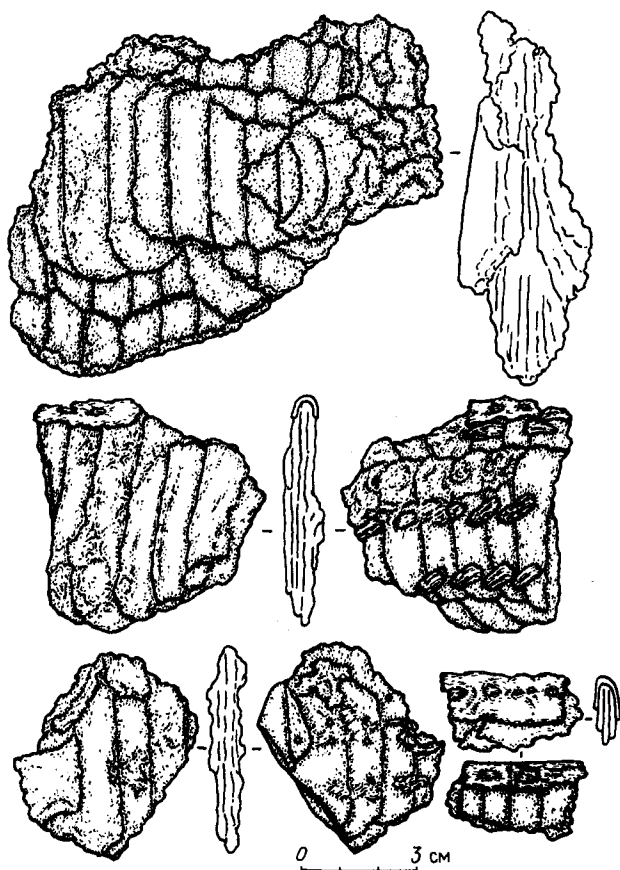

Рис. 7. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

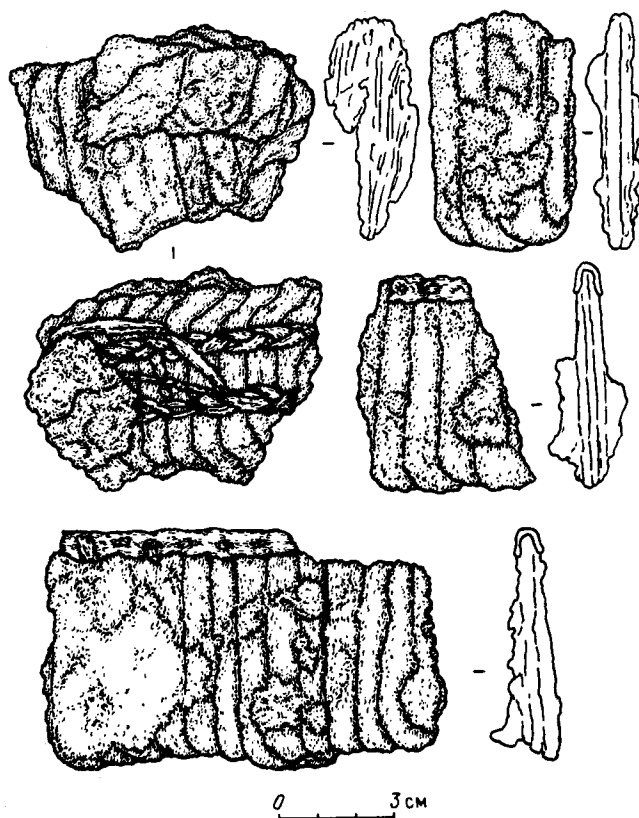

Рис. 8. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

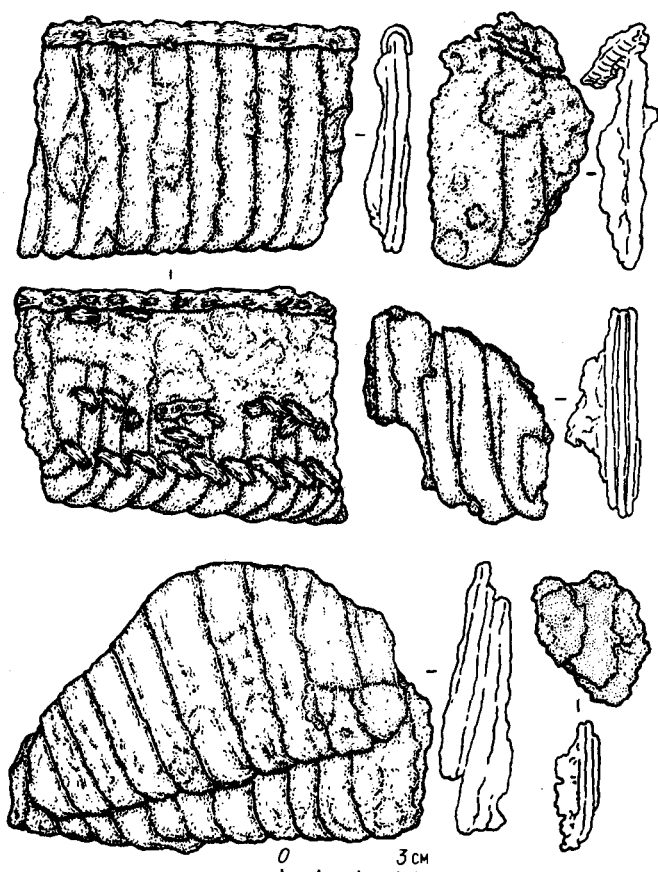

Рис. 9. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

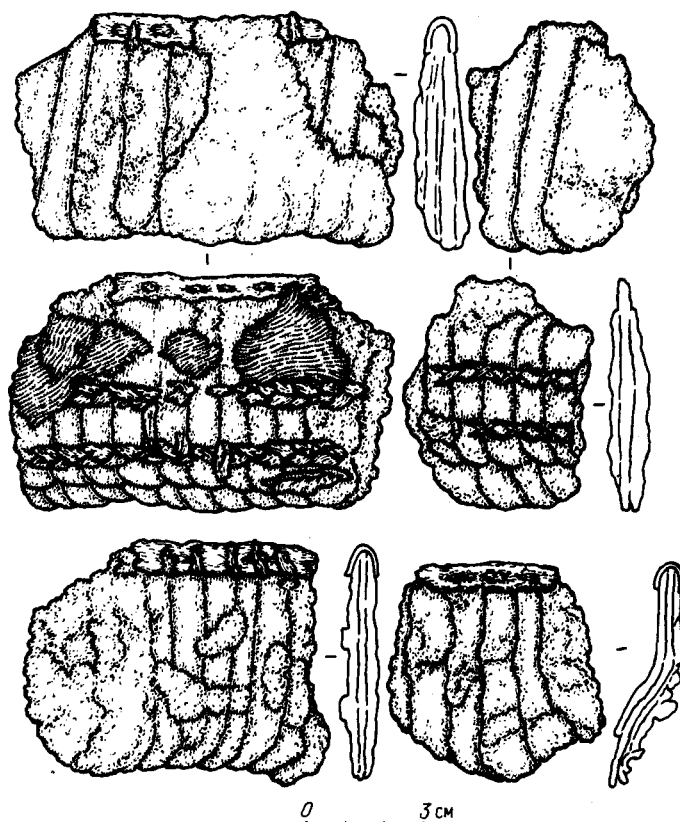

Рис. 10. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

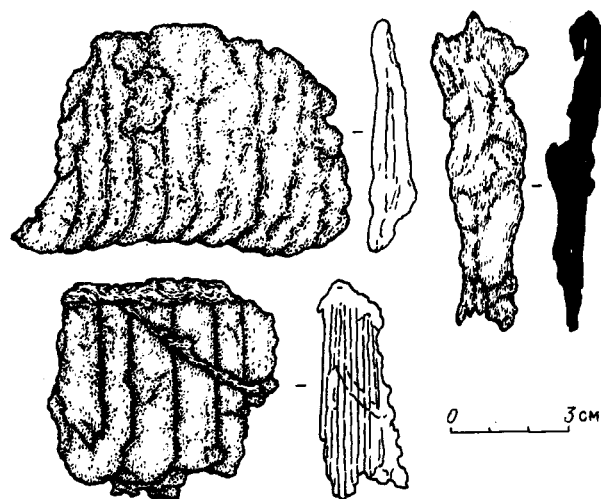

Рис. 11. Фрагменты панциря из Нахиугийн-Манхана.

Среди находок имеются отдельные обломки несимметричных пластин с отверстиями вдоль одной стороны и по центру, с выступом на нижнем конце. Такие пластины, вероятно, входили в состав различных частей панциря и крепились по краям горизонтальных рядов, вдоль бортов нагрудника, рукавов, подола (см. рис. 4, 2, 4).

К принадлежностям панциря можно отнести несколько приклепанных к бесформенному фрагменту корродированного железа кожаных ремешков, хотя определить их местоположение в составе панциря трудно (см. рис. 4, 3).

На внутренней стороне одного из фрагментов панциря поверх соединительных ремешков имеется бронзовая пластинка с пуансонным орнаментом.

Таким образом, панцирь из памятника Нахиугийн-Манхан включал нагрудную часть, рукава и подол. Такие доспехи ламеллярного способа соединения широко использовались кочевниками Центральной Азии в период раннего и развитого средневековья.

Среди находок есть несколько фрагментов бронзового сферического, куполообразного предмета. Купол образовывался путем соединения нескольких бронзовых полусфер, имевших в некоторых местах фигурные вырезы, а с внутренней стороны — какие-то выступы. По нашему мнению, данный предмет мог служить навершием парадного головного убора (вроде кожаной шапки с меховой оторочкой и султаном наверху), широко распространенным у кочевников эпохи развитого средневековья⁸ (рис. 12, 1—14). Значительную часть комплекса составляют металлические детали сбруи. Среди находок имеются четыре несомкнутых кольца и звенья от удил (рис. 13, 1—6). К деталям узды могут относиться длинные узкие орнаментированные ромбическим и сетчатым узором накладки на кожаных ремнях с фигурным вырезом на одном и выступом на другом концах, пластинчатый начельник с цилиндрической трубкой, в которой сохранился султан из конского волоса, изогнутая, орнаментированная по краям полосами ячеистого узора со свободным полем между ними накладка с полукольцом на одном из концов; длинная, орнаментированная точечным узором по краям со свободным полем в центре накладка

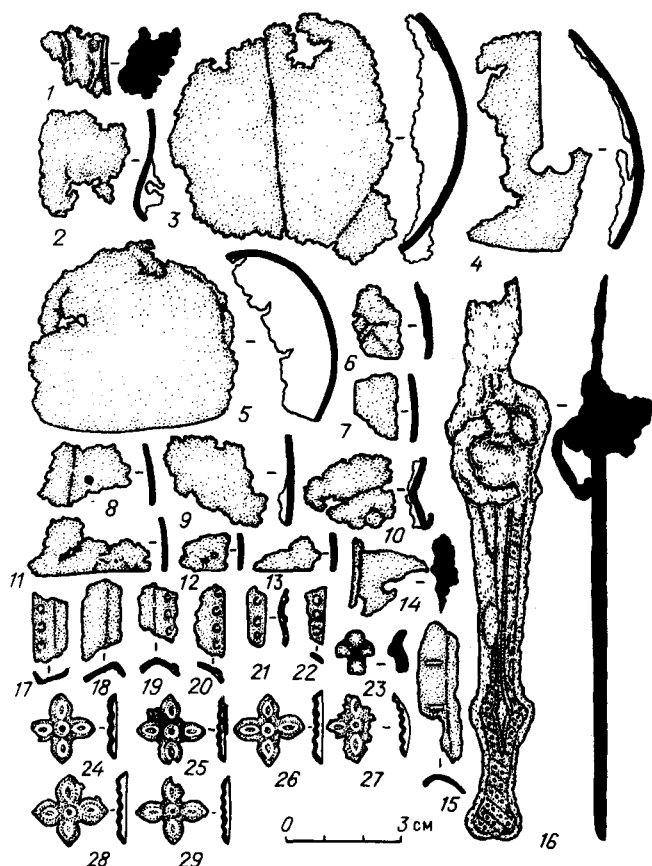

Рис. 12. Находки из Нахиугийн-Манхана.

1—14 — фрагменты напершия головного убора;
15—29 — украшения сбруи.

с фигурным концом и кольцом в центральной части. Орнамент на всех накладках наносился способом поверхностной таушировки с разметкой узора по железу и набивкой серебряной фольги⁹ (рис. 14). Украшениями ремней сбруи, узды и повода можно считать шесть четырехлепестковых накладок, тисненых серебряной фольгой (см. рис. 12, 24—29).

Вероятно, к уздечному ремню относится небольшая железная пряжка с округлой рамкой и язычком, щиток которой не сохранился (см. рис. 13, 20).

Как детали седла можно оценивать железные, с ячеистым орнаментом с одной и сетчатым — с другой стороны оковки дуги передней луки. Поверх железной пластины набита серебряная фольга. У некоторых фрагментов сохранилась деревянная основа (см. рис. 14, 12—23). Вероятно, задняя лука имела бронзовую оковку с пуансонным орнаментом по краю¹⁰ (см. рис. 12, 17—22). Не вполне ясно назначение небольшого бронзового обломка с трехлепестковым напершием. Возможно, это украшение бронзовой пряжки (см. рис. 12, 23).

Железное плоское кольцо с выступом с одной стороны может относиться к седельному пробою (см. рис. 14, 26).

В наборе представлены две деревянные полки ленчика от остова седла. На их внешней поверхности видны уступы для крепления луки. Полки имеют множество отверстий для крепления покрытия, пробоев, оковок (рис. 15).

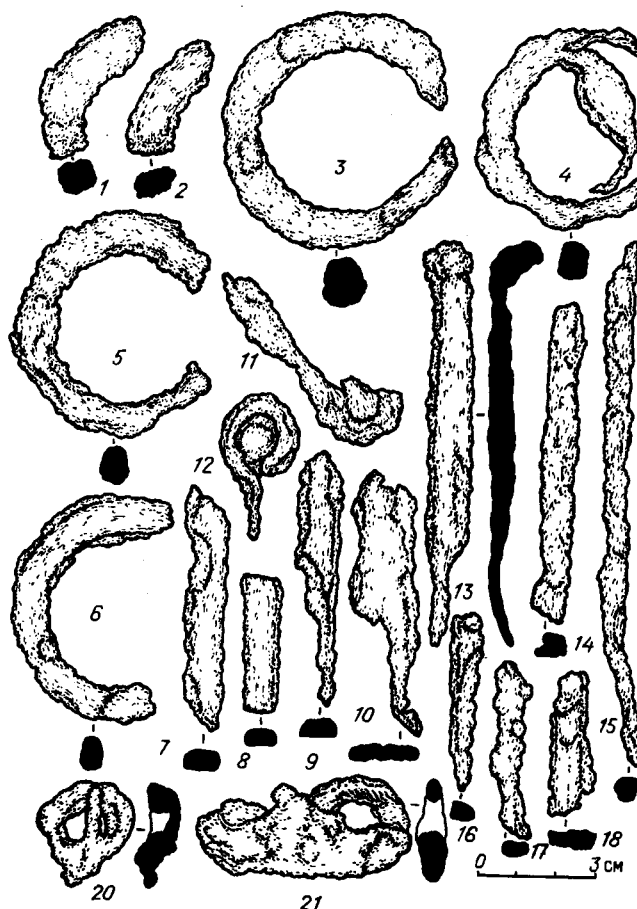

Рис. 13. Находки из Нахиугийн-Манхана.

1—6, 11, 12 — фрагменты удил; 7—10, 13—19 — стержни; 20 — пряжка; 21 — кресало.

К сожалению, ни одна металлическая деталь не сохранила своего местоположения в деревянной основе — будто седло было специально разобрано. Это вызывает некоторые сомнения относительно синхронности полок ленчика остальному комплексу находок, хотя изготовлены они из дерева той же породы, что и колода.

Среди находок имеются и некоторые бытовые предметы, например железное калачевидное кресало со следами шелковой материи от мешочка, в котором оно хранилось (см. рис. 13, 21). Обломанный стержень с петлей может быть частью железного шила или булавки (см. рис. 14, 11). В коллекции есть предметы, назначение которых не поддается определению. Это обломки железных стержней или пластин. Они прямоугольные и округлые в сечении, разной длины и ширины, иногда изогнутые на одном конце (см. рис. 13, 8—10, 13—19; 14, 24, 25).

Набор обнаруженных предметов соответствует вооружению и снаряжению воина-всадника (рис. 16).

Судя по сведениям, полученным от местных жителей, в составе комплекса имелись и другие предметы: серебряные сосуды и украшения, которые разошлись по рукам и в настоящее время утрачены. Однако в достоверности этих сообщений нет полной уверенности.

Весь комплекс находок из памятника Нахиугийн-Манхан отличается своеобразием состава и внешнего оформления. По облику металлических деталей сбруи памятник датируется первой по-

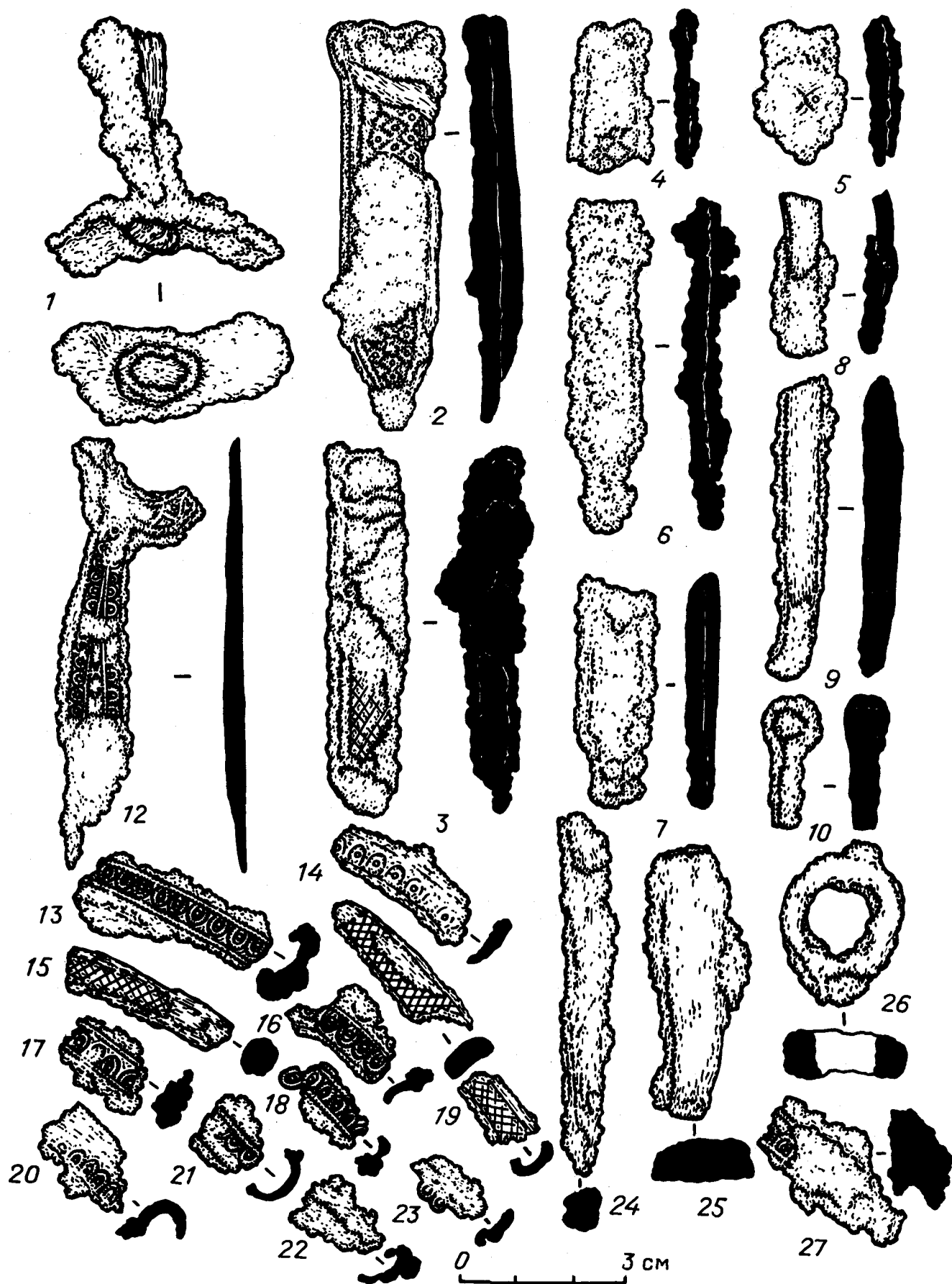

Рис. 14. Детали сбруи из Нахиугийн-Манхана.

1 — начельник; 2—10 — накладки; 11, 24, 25 — стержни; 12—23, 27 — оковки седла; 26 — кольцо.

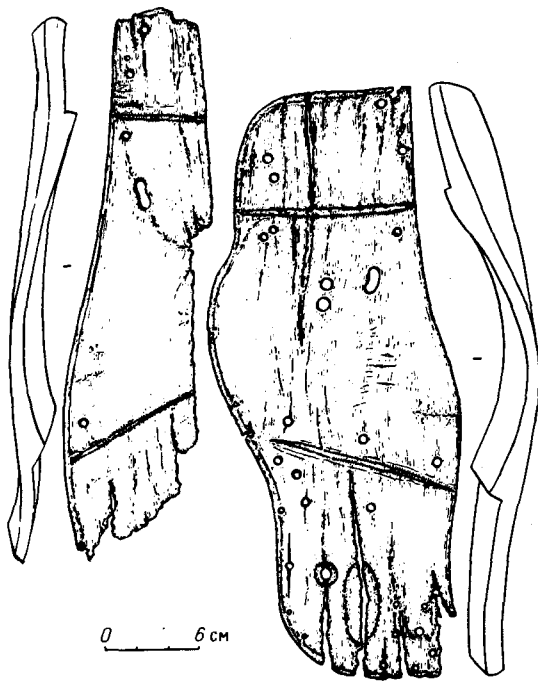

Рис. 15. Полки ленчика седла из Нахиугийн-Манхана.

ловиной II тыс. н. э.¹¹ Предметы такого рода в целом не характерны для раннемонгольских погребений этого периода¹². Вместе с тем они очень широко представлены в кыргызских захоронениях эпохи сууктэр и времени вхождения кыргызских княжеств в состав Монгольской империи¹³. Встречаются посеребренные железные украшения сбруи и в кыпчакских памятниках монгольской эпохи¹⁴. Подобная манера украшения сбруи становится общераспространенной в кочевом мире Евразии с позднего средневековья и сохраняется в декоративно-прикладном искусстве алтайцев, тувинцев, хакасов, киргизов, туркмен, узбеков, таджиков, каракалпаков, казахов, бурят и монголов вплоть до этнографической современности¹⁵. Предметы из Нахиугийн-Манхана по манере оформления наиболее близки кыргызской торовитке эпохи сууктэр (XI—XII вв. н. э.). Именно в кыргызской культуре рассматриваемого периода широкое распространение получили техника поверхностной таушировки, ячеистая, ромбическая и сетчатая орнаментация¹⁶. Особо следует подчеркнуть, что состав находок на памятнике: палаш, панцирь, колчан со стрелами, седло без стремян со сбруйными ремнями, узда с удилами и оголовьем, кресало — в полной мере соответствует набору сопроводительного инвентаря кыргызских дружинных погребений начала II тыс. н. э.¹⁷ От кыпчакских памятников существенно отличается состав инвентаря. Торовитка позднего средневековья отлична от обнаруженной в Нахиугийн-Манхане по форме и орнаментации предметов. Это позволяет датировать комплекс Нахиугийн-Манхана XI—XII вв. н. э. и отнести его к кыргызской культуре.

Против подобного отождествления, на первый взгляд, свидетельствуют некоторые особенности памятника. Действительно, его расположение в открытой песчаной равнине, отсутствие следов надмогильного сооружения, наличие с останками умершего предметов сопроводительного инвентаря

Рис. 16. Реконструкция внешнего облика кыргызского воина из Нахиугийн-Манхана.

в деревянной колоде, отсутствие следов огня на металлических вещах, сохранность деревянных, берестяных и кожаных изделий указывают на то, что над умершим не был совершен обряд кремирования, характерный для погребальной обрядности кыргызов.

Вполне возможно, что предполагаемые особенности погребальной обрядности: отсутствие надмогильного сооружения, погребение по обряду ингумации в деревянной колоде — отражают этнокультурную принадлежность умершего. Сходные черты погребальной обрядности были в начале II тыс. н. э. у расселявшихся на Енисее представителей племен кыштымов, которые находились в зависимости от кыргызов на протяжении всего периода средних веков¹⁸. Кыргызы неоднократно привлекали воинов из числа кыштымов в свои войска в моменты активных военных столкновений с кочевниками Центральной Азии. Кыштымы служили в легкой коннице, имели на вооружении лук и стрелы, реже тесла, кинжалы, но были лишены тяжелого защитного вооружения, которое имел воин, погребенный в местности Нахиугийн-Манхан. Это дает

основание предполагать, что в песках Монгол Элс найдены останки кыргызского воина, похороненного не по традиционному погребальному обряду. Такое могло произойти в том случае, если воин (видимо, знатный военачальник, обладавший позолоченным панцирем и палашем с чеканенной золотом надписью) погиб в неудачном сражении во время похода на юг, вдали от основных мест обитания кыргызов в Саяно-Алтае. Воины вынесли тело погибшего или умирающего военачальника с поля битвы и, не имея возможности предать его земле по традиционному обряду кремации, не желая бросить на поругание врагу, взяли его с собой в обратный путь. Для транспортировки останков была сооружена колода с крышкой, закрепленной на колоде с помощью клиньев. Уцелевшие воины отряда, возможно, надеялись совершить захоронение останков своего предводителя со всеми почестями в соответствии с нормами заупокойной обрядности, но, преследуемые врагом, не могли этого сделать и зарыли колоду в песчаной пустыне тайно, дабы предотвратить осквернение могилы идущим по пятам неприятелем.

Если наши предположения имеют право на существование, то памятник Нахиугийн-Манхан является таким тайным захоронением кыргызского воина, погибшего во время одного из южных походов кыргызских военных отрядов в первые века II тыс. н. э., когда кыргызам приходилось испытывать военное давление со стороны киданей и найманов. Это первый из обнаруженных кыргызский памятник эпохи сууктэр на территории Северо-Западной Монголии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Баяр Д. 1986 Оны хээрийн Шинжилгээний тайлан. — Улаанбаатар, 1986. — Тал. 59—84.

2 Определение заведующего сектором фитоценологии Института ботаники АН МНР Ч. Дугаржава.

3 Привозные сабли с арабскими надписями на полосе известны по находкам из кыргызских памятников в Туве и Минусинской котловине. — См.: Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. VI—XII вв. — Новосибирск, 1980. — С. 42—44.

4 Там же. — С. 95.

5 Трифонов Ю. И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI—X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 193—196.

6 Предметы из Нахиугийн-Манхан, хранящиеся в краеведческом кабинете Цэцэн-Уул-Сомона, в настоящей работе не анализируются.

7 Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 141.

8 Цултэм Н. Декоративно-прикладное искусство Монголии. — Улан-Батор, 1987. — Рис. 70.

9 Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. — Новосибирск, 1982. — С. 130—133.

10 Там же. — С. 124.

11 Там же. — С. 114—134.

12 Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск, 1975. — С. 178—186.

13 Худяков Ю. С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-алтаистика: Археология, Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 94—98.

14 Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 196.

15 Павлинская Л. Р. Художественный металл как источник для изучения этнокультурных контактов // Этнокультурные контакты народов Сибири. — Л., 1984. — С. 99.

16 Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. // Свод археологических источников. — ЕЗ-18. — М., 1983. — С. 42.

17 Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. — С. 117.

18 Худяков Ю. С. Типология и хронология... — С. 96—98.

Е. И. КЫЧАНОВ

ФОРМЫ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ЧЖУРЧЖЭНИ

Китайский историк Цзи Ши полагает, что чжурчжэни — это не самоназвание народа, а киданьское слово, происходящее от киданьского «ньюгу» — «золото». «Ньючжэнь», «ньюгучжэнь» — это «народ, живущий на реке Золотой»¹. В конце IX — начале X в. чжурчжэни заселяли центральные и северо-восточные районы Маньчжурии — верхнее и среднее течение р. Сунгари — и области, находившиеся к востоку от этого региона. «Из поколения в поколение они жили к востоку от реки Хуньгуцзян и гор Чанбайшань, которые являются истоками реки Ялу. Кроме того, эту местность называют Амухо (Ачжухо) по имени реки, которая здесь протекает»². Ачжухо — это современная река Ашэ, правый приток Сунгари³.

Чжурчжэни являлись частью племен мохэ и в VIII—IX вв. находились в подчинении государства Бохай, а в X в. были покорены киданями. В первой половине XI в. наблюдается смешение этнонимов «хэйшуй мохэ» и «чжурчжэни» и вытеснение первого этнонима вторым⁴. При династии Тан предки чжурчжэней подразделялись на 72 було,

каждым було управлял старейшина. Во времена зависимости от киданей чжурчжэни делились на цивилизованных, или покорных («шу»), которые жили у г. Ляоян, и нецивилизованных, диких («шэн»), расселявшихся к северу от Сунгари и северо-востоку от р. Нонни. Между теми и другими жили чжурчжэни и не цивилизованные, и не дикие — эти проживали в районе г. Кайюань. В «Цзинь ши» эта киданьская классификация чжурчжэней объяснена так: «Те, которые жили на юге и были занесены киданями в списки населения, назывались цивилизованными, а те, которые жили на севере и не включались в киданьские списки населения, назывались дикими чжурчжэнями»⁵. Нецивилизованных чжурчжэней насчитывалось более 100 тыс.; они занимали территорию площадью 1 тыс. либ. К началу X в. было 30 основных кланов («син») чжурчжэней, во главе каждого клана стоял старейшина⁷. Таким образом, часть чжурчжэней непосредственно входила в состав государства Ляо; таких чжурчжэней вносили в списки населения и именовали «хэсукуань». Другую часть чжурчжэней кидане именовали «хуйба». «Хуйба» признавали господство Ляо, но их в списки населения не вно-

сили. Они находились как бы посередине между цивилизованными и дикими чжурчжэнями. Нецивилизованных чжурчжэней в Ляо считали зависимыми от киданей, хотя сами они себя считали независимыми. Их «бу» не имели над собой государя, каждым «бу» управлял «великий правитель» («да цзюньчжан»). В прошлом эти правители были выборными. Источник сообщает, что «чжурчжэни сами выбирали наиболее сильных и храбрых старейшинами»⁸. С нашей точки зрения, у какой-то части чжурчжэней выборность старейшин сохранялась лишь в глубокой древности, ее не могло быть, когда они жили в составе Бохая, а когда чжурчжэни попали под власть киданей, «великие правители» уже передавали власть по наследству. Об этом сообщается в «Цидань го чжи»⁹. Вычленение семей, наследственно управлявших «бу», отмечает и китайский автор истории династии Мин Ян Сюньцзи¹⁰. Сильные «бу», наследственно управлявшие своими правителями, состояли из нескольких тысяч семей, менее сильные насчитывали около тысячи семей¹¹.

Сложение ранней государственности у чжурчжэней непосредственно связано с усилением одного из 30 кланов — клана Ваньянь — и с его борьбой за власть над основным ядром чжурчжэней с главами остальных чжурчжэньских «бу». Этот процесс происходил по меньшей мере после трехвекового приобщения чжурчжэней к государственности. Еще в первой половине VIII в. главы хэйшуй мохэ, вступив в контакт с двором Тан, получали титулы дуду и цыши, а глава хэйшуй мохэ был назначен цзинлюеши (военным комиссаром) Хэйшуй¹². Очевидно, что если социальные процессы, направленные на оформление государственности, у хэйшуй мохэ были более слабо выражены, чем у сунмо мохэ, из среды которых вышли правители Бохая, то ненамного. С подчинением Бохаю хэйшуй мохэ вошли в состав бохайского государства. Когда в X в. Бохай подчинили кидани, часть хэйшуй мохэ опять стали считать нецивилизованными, но не все чжурчжэни были непосредственно включены в состав Ляо. Нельзя не принимать во внимание и постоянные контакты хэйшуй мохэ с Кореей. «Цзинь ши» полагает, что будущий императорский род чжурчжэней уходил корнями в Корею. Основатель этого клана Ханьпу покинул Корею в возрасте 60 лет¹³. По сведениям «Сань чао бэй мэн хуйбянь», чжурчжэни — потомки Чжу Мэн (Чумона) из Гаоли (Корё)¹⁴. Здесь речь идет, как предполагает М. В. Воробьев, о переселениях «в район обитания племени ваньянь свежих родов из Корё, этнически, вероятно, принадлежавших к корейской ветви мохэ»¹⁵. Родство же с Чумоном он полагает вымышленным, продиктованным политическими соображениями¹⁶. «Корё са», однако, полагает, что основателем клана Ваньянь, а значит, и чжурчжэньской династии можно считать корейского монаха Кум Чуна, который бежал с родины и жил в деревне на берегу р. Аньчуху. Имеется и иной вариант имени монаха — Ким Хэн¹⁷. Эти сведения не поддаются проверке. Предки династии, перечисленные в «Цзинь ши», скорее культурные герои, чем исторические лица. Ханьпу добился успехов в борьбе с обычаем кровной мести и ввел уплату композиции за убийство или причинение ранения, хотя его меры (взимание в качестве платы за убийство одного человека или причинения ранения одному человеку 20 лошадей, 10 коров или быков,

6 лан золота) вполне могли иметь место. Позднее размер композиции за убийство у чжурчжэней определен в 30 лошадей и быков. Уплата композиции за убийство или причинение ранения была древним правилом: его считали старым, как полагает М. В. Воробьев на основании материалов «Корё са»¹⁸, уже в 1038 г. Описанный в «Цзинь ши» факт введения композиций, даже если он не связан с именем Ханьпу и кланом Ваньянь, позволяет сделать по крайней мере два вывода: о накоплении значительных богатств в одной семье (размер композиции таков, что ее мог выплатить только человек богатый. Никаких сведений о том, что уплату вносил весь «бу» или клан вместо семьи, в источниках нет); о стремлении людей богатых оградить себя от кровной мести. Только состоятельный человек, как мы уже отметили, был способен откупиться за совершенное преступление, причем большой суммой композиции, которая, как говорится, была не по карману человеку несостоятельному.

Имущественное неравенство, даже резкое социальное расслоение по признаку богатство—бедность, прочно укоренилось в чжурчжэньском обществе конца X — начала XI в. Письменные источники упоминают об этом многократно: «Богатые делают для себя украшения из жемчуга и яшмы и одеваются в шубы, тонкий холст, меха соболей, белок, лисиц и енотов. Бедные одеваются в кожи коров, лошадей, свиней, овец, кошек, собак, змей и рыб»¹⁹. «Их брачные обычаи таковы: богатые дают в качестве подарков при заключении брака коров и лошадей. У бедных, когда девушка достигает брачного возраста, то выходит гулять, петь песни». В песнях она рассказывала о своих достоинствах будущей жены и хозяйки. Тому, кто захотел бы жениться на ней, достаточно было взять ее за руку и увести в свой дом»²⁰.

Чжурчжэни конца X — начала XI в. знали рабство. Достаточно сказать, что в их обществе существовало уголовное рабство. Композиции за убийство, о которых рассказывается в «Цзинь ши», через какое-то время были отменены. В случае совершения убийства или ограбления преступника подвергали смертной казни (ему разбивали голову), а его семью обращали в рабство²¹. Когда хоронили знатного человека, то для услужения ему в загробной жизни заживо сжигали его рабов²². Начиная поход против Ляо, чжурчжэни приносили клятву, в которой, в частности, говорилось: «...Те, кто будет иметь заслуги, если они рабы или буцой, то станут лично свободными людьми, если они простолюдины, мы наградим их чином, а тех, кто имеет чин, повысим по службе»²³. Этот текст свидетельствует о том, что в начале XI в. у чжурчжэней были не только рабы, но и буцой. Население делилось на лично свободных и лично несвободных, а лично свободные люди — на простолюдины и чиновников. В рабство обращали пленных, например киданей²⁴. Рабство не только не утратило своего значения в чжурчжэньском государстве Цзинь, но и получило там огромное развитие. По данным переписи 1183 г. и подсчетам по ее материалам, произведенным профессором Г. Франке, в хозяйствах мэнъянь и моуке на 7,8 чел. населения Цзинь приходилось по 2,18 раба, т. е. от двух до трех рабов имел каждый двор²⁵. Рабство, как правильно заметил М. В. Воробьев, служило «верным свидетельством существования классовых отношений в чжурчжэньском обществе на рубеже XII в.»²⁶.

По заключению китайских историков Хуа Шаня и Ван Гэнтана, в XI в. чжурчжэни перешли от родового к классовому обществу²⁷.

По преданию, при Суйкэ (X в.) клан Ваньянь расселился по р. Аньчуху, притоку Сунгари. Здесь члены клана осели, стали строить жилища, именовавшиеся по-чжурчжэньски «нагэли». Дома чжурчжэни возводили из бревен или из досок, с кровлей. Двери были обращены на восток, для отопления делали кан, он же служил столом и постелью. По берегам Аньчуху чжурчжэни сеяли хлеб, разводили сады и огороды. Они издавна занимались земледелием. Об этом свидетельствуют и археологические данные. «В этих отдаленных районах много лесов и полей, земля годится под коноплю и хлеба, а чжурчжэни занимаются земледелием. Они не знают шелководства. Выращивают отличных лошадей, добывают золото, крупный жемчуг, женьшень, а также мед и воск»²⁸. Охота и скотоводство (разводили лошадей, коров, овец, свиней) играли видную роль в хозяйстве чжурчжэней.

Усиление клана Ваньянь было связано с именем Шилу, который жил на рубеже X—XI вв. Он «ввел законы и распоряжения» и распространил власть Ваньянь на горы Цинлин (пров. Гири, к западу от р. Муданьцзян) и Чанбайшань, а также на Суйбинь (советское Приморье), Елань (области к северо-востоку от г. Цицикара) и Гулидянь (Нингута, Нинань, пров. Хэйлунцзян), т. е. практически объединил всю Центральную и Северную Маньчжурию. О тактике, к которой прибегали правители Ваньянь, расширяя свои владения, рассказано в сочинении Е Лунли: «Они начали присоединять к себе близлежащие племена, для чего или клеветнически упрекали их в приеме беглых, или ложно обвиняли в краже рогатого скота и лошадей. При хороших отношениях путем брака они роднились с этими племенами, приобретая их мирным путем, а если сердились, то прибегали к оружию и захватывали их силой. Занимались земледелием, накапливая запасы зерна, обучали воинов и разводили лошадей. В большом количестве покупали золото, драгоценные камни и хороших коней»²⁹.

Нововведения (реформы) Шилу являлись важным этапом на пути развития ранней чжурчжэньской государственности. По сведениям «Цзинь ши», чжурчжэням не доставало только своей письменности и календаря, но надо помнить, что речь шла не о календаре вообще, а о календаре китайском, важном признаке цивилизованности, по китайским понятиям. У чжурчжэней был свой примитивный календарь. Они отмечали праздник Нового года, простые люди считали концом старого и наступлением нового года появление свежей травы.

Усиление клана Ваньянь происходило одновременно с упадком влияния 30 кланов, живших в районе современного Хамгына (КНДР). С середины X в. 30 кланов поддерживали контакты с киданями, Корё, Сун. Походы против них киданей подорвали могущество 30 кланов³⁰, а усилившийся Шилу получил от киданьского двора чин тинь.

С приобретением кланов Ваньянь положения лидера, а его главой — власти правителя многих чжурчжэней члены клана Ваньянь заняли особое место в обществе. Эти аристократы именовались «ланцзюнь» — «господа», по М. В. Воробьеву — «принцы»³¹. «И все люди, будь то знатные и незнатные, относятся к ланцзюням как к своим на-

чальникам. Даже сановники обязаны кланяться перед лошадью ланцзюня. Ланцзюнь же не приветствует их, а третирует их, как рабов»³². При династиях Цинь-Хань термином «лан» — «придворные господа» обозначали сыновей знати и молодых людей из богатых семей, которые обучались в школе при дворе и как наследники статуса своих отцов готовились занять высокие посты в гвардии и администрации. Полагают, что сам институт «придворных господ» произошел от обычая «шуцзы», или «шецзы», — так называли сыновей и младших братьев представителей местной знати, которых присылали с мест служить ко двору Чжоу. Большое значение в укреплении власти дома Ваньянь имело получение вождями чжурчжэней титулов от императоров Ляо. Г. Франке акцентирует внимание на этом обстоятельстве: «Агуда и его предки в течение нескольких поколений были местными начальниками, назначаемыми Ляо. Агуда же обладал легитимной властью, хотя только и местной, и его возвышение до положения императора означало старт “с середины лестницы”, а не с ее начала. Иначе говоря, его возвышение происходило внутри системы, а не вне ее»³³. Угунай (1021—1074 гг.) получил от киданей титул цзедуши, и с этого времени и за пределами чжурчжэньской территории глав клана Ваньянь стали воспринимать как чжурчжэньских государей. Император Ляо предложил Угунаю печать как символ власти, но тот не захотел принять ее. Угунай — первый правитель из дома Ваньянь, о котором сообщается, что при нем имелись чиновники и что он утвердил принципы правления³⁴, «определил штат чинов и постановил законы»³⁵. Таким образом, именно с середины XI в. мы имеем свидетельства историков о существовании у чжурчжэней государственной власти. Начиная с Угуная все государи чжурчжэней имели титул тайши³⁶. В 1002 г. Ингэ получил от императора Ляо воинский чин шисян, равный в Ляо чину премьер-министра. Ингэ запретил правителям подчиненных ему бу титуловаться дубучжан («великий правитель бу»), но какие новые чины он дал им — неизвестно. Ингэ также унифицировал форму отдаваемых им как верховным правителем и государем чжурчжэней распоряжений и объявил, что законными являются только те приказы, которые отдаются при посредстве особых верительных бирок (род пайцз). Чжурчжэньские государи, хотя и признавали сюзеренитет Ляо, правили, как сообщает источник, «в соответствии со своими собственными законами»³⁷. Именно в правление Ингэ большая часть чжурчжэней оказалась под властью клана Ваньянь. С теми формами правления, которые сложились в XI в., чжурчжэни вошли и в XII в., когда в результате их войны с Ляо, завоевания северной части сунского Китая образовалось чжурчжэньское государство Цзинь, просуществовавшее на территории Маньчжурии и Северного Китая до 1234 г.

В XI в., несмотря на утверждение источника о том, что «чжурчжэни не имеют церемониала и законов, у них нет государя (“цзюнь”) и сановников (“чэнь”)³⁸, складывается и развивается в оригинальных формах чжурчжэньский государственный аппарат. Как мы упоминали, создание этого аппарата, видимо, началось при Угунае: «Цзинь с Цзинь-цзю стало создавать штат чиновников (“гуань шу”). Они управляли всеми областями (“цзюнь”) и намеренно совершали военные похо-

ды. Уяснив суть дела, чжурчжэни сами объявили себя (букв.: «считали») единым государством («и го»). Их чиновники и начальники все именовались боцзиле³⁹. Как сказано в «Цзинь ши», правители разной значимости в раннем государстве чжурчжэней именовались боцзиле (богиле). Кроме формы боцзиле в «Цзинь ши» употребляется иная, более краткая форма записи чжурчжэньского слова — боцзинь. По заключению М. В. Воробьева, боцзиле (богиле) — «это тоже наименование племенных вождей, но по времени более позднее, чем «богин» (боцзинь. — Е. К.). Оно появилось при Ингэ и употреблялось лишь в среде вождей племени ваньянь»⁴⁰. Как считает проф. Иваи Дайкэй, чжурчжэньское слово «боцзиле» значило «глава ведомства». Он сравнивает это слово с маньчжурским «бокэ»⁴¹. Размещенные иерархически, боцзиле образовывали систему администрации и контроля, по словам проф. Г. Франке «принадлежавшую к ранним фазам чжурчжэньской политической структуры»⁴².

Боцзиле являлись представителями военно-административной системы, военной и гражданской власти одновременно. «Боцзиле выдвигают от пяти дворов и выше, вплоть до десяти тысяч дворов. Все боцзиле сами командуют своими войсками. В мирное время они упражняются в стрельбе из лука и охотятся, а в случае войны спешно выступают»⁴³. Боцзиле, управлявшие (командовавшие) группой населения, способной выставить сотню воинов, титуловались «маокэ» («моукэ») — сотниками. Слово «моукэ» соотносится с маньчжурским «мукунь» (клан, большая семья). Боцзиле, управлявшие (командовавшие) группой населения, способной выставить тысячу воинов, именовались «мэньань» — словом, сравнимым с маньчжурским «мингань», тысячниками. Боцзиле, управлявшие (командовавшие) населением, которое могло выставить 10 тыс. воинов, титуловались «тэму» (маньч. «тумэн» — десятитысячники, темники)⁴⁴. Часто моукэ являлось поселением, расположенным на берегу реки и обнесенным деревянным частоколом. Несколько (7—10) моукэ составляли мэньань. Все здоровые и сильные мужчины одного двора из какого-либо моукэ обязаны были быть воинами, а их рабы выполняли роль служащих вспомогательных войск в отрядах, сформированных из таких воинов. Поселение одновременно представляло собой и воинское подразделение⁴⁵. Боцзиле, управлявших группами населения, которые выставляли меньше сотни воинов, называли «пулиянь» (Г. Франке сравнивает это слово с маньчжурским «фениянь» — «толпа»⁴⁶). Боцзиле подразделялись на ряд групп. Выделялась группа высших чиновников, которые по-чжурчжэньски именовались анабань-боцзиле («аньбань» ср. с маньч. «амбань» — «большой», «великий»). Эту группу боцзиле китайцы приравнивали к своим старшим чиновникам и именовали «да гуаньжэнь» — «старшими чиновниками». Следующую группу боцзиле составляли темники, тысячники, сотники и пулиянь. Китайцы рассматривали их как «цзунгуань» — местных командиров, управителей. Пулиянь отдельно приравнивались еще к «пайцзытоу» — чину, равному при юаньском правлении десятнику, командиру базовой низовой единицы в армии и разделении населения на десятки. По киданьской тарификации, боцзиле приравнивались к «цзюгуань» — командирам отрядов из подчиненных племен, расквартированных

на границе⁴⁷. Агуда в молодости имел киданьский военный чин «сянвэнь» (генерал)⁴⁸. Можно согласиться с М. В. Воробьевым, что сначала (в X — начале XI в.?) «все родовые и племенные вожди чжурчжэней назывались боцзинь»⁴⁹ (боцзинь — это независимый вождь), которые в мирное время полновластно управлял своим родом или племенем⁵⁰. Действительно, в «Цзинь ши» говорится: «Глава («чжан») их «бу» назывался боцзинь. Тот, который управлял несколькими «бу», именовался хулу»⁵¹. Есть сведения о том, что правители чжурчжэней именовались «тайши». Титул тайши получил в 1036 г. из Кореи после того, как признал себя подданным ее короля, один из чжурчжэньских правителей — Адаосянь. Мы уже упоминали о том, что титул тайши получили и правители из клана Ваньянь. По сведениям, собранным японским ученым Торияма Кинти, 70 чжурчжэньских правителей имели титул тайши. Как считает М. В. Воробьев, титул тайши «не содержал прерогатив, выходящих за пределы круга обязанностей крупных племенных вождей»⁵², что вряд ли точно, по меньшей мере применительно к Угунаю и его преемникам. Заметим, что боцзиле мог стать тысячником, сотником, десятитысячником, только находясь в системе чинов раннего чжурчжэньского государства, в зависимости от числа воинов, которых могло выставить его бу, являясь «да гуаньжэнь боцзиле», «боцзиле — старшим чиновником», как об этом прямо говорится в «Сань чао бэй мэн хуйбянь». Он не мог сам принимать должности мэньань или моукэ, если не получал ее от центральной власти, в мирное время или во время военного похода, в любом случае получая свое место в формирующейся государственной иерархии чинов.

Высшим в системе боцзиле, очевидно, являлся титул «ду боцзиле», который имел Агуда (он стал «ду боцзиле» после смерти своего старшего брата Уясу). По разъяснению «Цзинь го юй цзе», «ду боцзиле» — это наименование чина («гуань мин») того должностного лица, которое управляло единовластно, «держа все в своих руках». Слово «ду» составители «Цзинь го юй цзе» сопоставляли с солонским «ду» — «высший». За ду боцзиле следовали «аньбань боцзиле», боцзиле знатные и старшие, знатные и почитаемые⁵³. В их числе были «голунь боцзиле» — «знатные боцзиле» и «хулу боцзиле» — «боцзиле, главнокомандующие войсками»⁵⁴. Голунь боцзиле приравнивался к китайской должности «го сянь»⁵⁵ — премьер-министра, канцлера государства. Третим по значимости являлся чин «илай боцзиле». Собственно, он значил «третий» (маньч. «илань» — «три»). В «Сань чао бэй мэн хуйбянь» он назван «алули илай боцзиле». Третий боцзиле также является командующим войсками, во всяком случае тогда, когда эту должность в первой трети XII в. занимал Няньхань⁵⁶. В число аньбань боцзиле входили еще «иши» боцзиле, который отвечал за приемы и встречи при дворе, «амай» боцзиле, правитель города или большого укрепленного поселения, и «чжашиха» боцзиле, который ведал штатом чинов, кадрами⁵⁷. Система боцзиле просуществовала до 1135 г., до того момента, когда собственно чжурчжэньские формы государственности были заменены китайскими. Ряд старых чжурчжэньских чинов, в основном киданьского происхождения, остался в аппарате управления пограничными территориями.

В 1938 г. японские историки предложили свою реконструкцию системы боцзиле, состоящей, по их заключению, из десяти единиц: 1) ду боцзиле — главный боцзиле, 2) аньбань боцзиле — большой боцзиле, 3) голунь хулу боцзиле — благородный предводитель боцзиле, 4) голунь цзо боцзиле — левый благородный боцзиле, 5) голунь иши боцзиле — правый благородный боцзиле, 6) голунь амай боцзиле — первый благородный боцзиле, 7) голунь цзэ боцзиле — второй благородный боцзиле, 8) голунь илай боцзиле — третий благородный боцзиле, 9) голунь де боцзиле — четвертый благородный боцзиле⁵⁸, 10) ашэ боцзиле — младший боцзиле. Проверить правильность этой реконструкции трудно.

У чжурчжэней с древности большую роль, видимо, играл совет при правителе, со второй половины XII в. — совет боцзиле. «Если в государстве требуется решить какое-либо важное дело, то едут в пустынное место, садятся в круг, чертят на золе от костра планы и совещаются. Первыми подают совет самые младшие. Кончится совет, и, если кто разболтает то, о чем на нем говорилось, убивают того человека. Так что никто ничего не знает и тем сохраняет тайну»⁵⁹. «В древности у чжурчжэней люди всех бу не имели иных повинностей, кроме того, что все совершеннолетние считались воинами»⁶⁰. Боцзинь, как уже отмечалось, являлся командиром, звание и должность которого зависели от числа подчиненных ему людей. «Правитель их бу именовался боцзинь. Когда войска выступали в поход, то он титуловался мэнъянь или моукэ в зависимости от числа своих подчиненных. Мэнъянь — командир-тысячник («цянфучжан»), моукэ — командир-сотник («байфучжан»). Заместитель моукэ именовался пулянь, помощник воина («фуцун») именовался алиси. Число солдат в бу вначале не являлось твердо установленным. Это было сделано только тогда, когда на престол вступил Тай-цзю»⁶¹. При Агуде было определено, что боцзинь над 300 дворами считается сотником (моукэ), а боцзинь над десятью моукэ — тысячником (мэнъянь). Глава («шоулин») любого изъязвившего покорность бу получал титул (должность) мэнъянь, или моукэ исходя из вышеуказанного расчета⁶². Низшими воинскими подразделениями были пяток, десятков и сотня. «Отряды в сто человек формировались из пятков»⁶³. Законы воинской взаимовыручки и охрана командира были суровы. «Если погибнет командир пятка, казнят оставшихся в живых из его отряда, если погибнет командир десятка, казнят командиров пятков, если погибнет командир сотни, то казнят командиров десятков»⁶⁴. В порядке выдачи наград отличившимся в бою прослеживается обычай, когда каждый здоровый мужчина являлся воином и имел равный голос при дележе добычи. «Когда войска возвращаются из похода... устраивают совет, спрашивают о заслугах, в зависимости от того, велики они или малы, награждают их золотом. Берут несколько золота и, подняв, показывают собравшимся войскам. Если кто-либо говорит, что этого мало, то добавляют еще»⁶⁵.

В чжурчжэньском государстве XI в. не было постоянно фиксированного налогообложения. По сообщению «Сань чао бэй мэн хуйбянь», «налоги их непостоянны, сколько нужно, столько и берут»⁶⁶. М. В. Воробьев пишет, что рядовые чжурчжэни не несли регулярных повинностей, а «отделялись эпизодическим взносом и периодической военной

службой»⁶⁷. Следует всегда иметь в виду, что для китайского информатора отсутствие налога и повинностей — это прежде всего отсутствие списков налогоплательщиков с указанием причитающейся с каждого суммы налога, в первую очередь поземельного, и количества дней трудовой повинности. Чжурчжэни не имели своего письма; в качестве документов им служили куски дерева со сделанными на них зарубками. Счет причитающемуся налогу вели также, делая зарубки на древке стрелы. «Чжурчжэни при Ханьпу раскалывали деревянные и покрывали их нарезками, как бы письменами. Договоры и постановления были твердыми и строгими, окончательными и нерушимыми. Повсюду и все подчинялись этим законам, они же считались священными», — сообщает в «Маньчжоу юаньлюкао»⁶⁸.

У чжурчжэней была меновая торговля, при расчетах использовались скот, золото, нередко, однако, и монеты, завезенные из Ляо и сунского Китая⁶⁹. Широко была развита внешняя торговля. Чжурчжэни продавали киданям, корейцам, китайцам золото, жемчуг, женьшень, охотничьих соколов, меха, скот, шерсть. Покупали железо и медь, чай, шелк, керамическую и фарфоровую посуду, предметы буддийского культа, рабов-ремесленников⁷⁰. Торговля обогащала правящую верхушку чжурчжэньского общества, формировавшуюся и сформировавшуюся в господствующий класс.

Уже в XI в. наряду с шаманизмом, поклонением Небу и Земле, чжурчжэни были знакомы с буддизмом. «Делают подношения Будде с особым почтением»⁷¹, — сообщает источник. Буддизм являлся прежде всего религией правящего дома и правящего класса: «царский дом и приближенные возносят моления Будде и посещают храмы»⁷², — уточняется в «Сунмо цзивэнь». Чжурчжэни были, вероятно, достаточно давно знакомы с буддизмом, во всяком случае со времен Бохая. Буддизм процветал в Ляо, буддийскими были государства Кореи. Как установил проф. Тории Рюдзо, чжурчжэньское название буддийского храма «тайёла» восходит к его корейскому наименованию «тёль»⁷³. Однако вряд ли даже в XII в. буддизм получил широкое распространение среди простого населения. Чжурчжэни сохраняли свои национальные верования. И среди их культов первое место принадлежало культу Неба. По данным «Цзинь ши», чжурчжэни до Агуды «поклонялись Небу». Когда Агуда вззошел на престол, об этом было доложено Небу и Земле и были принесены жертвы⁷⁴. Поклонения Небу совершались в 5-й, 9-й и 15-й дни седьмого месяца по лунному календарю. На широкой поляне готовили жертвенник и приносимое в жертву: животных, печень, фрукты. После принесения жертв устраивали скачки и стреляли в иву. Праздник завершался пиром⁷⁵. В цз. 35 «Цзинь ши» есть описание церемониала принесения жертв Небу императором Цзинь, оно переведено на английский язык Г. Франке⁷⁶. Благоприятное отношение Неба к восходящей династии подчеркивалось в первых девизах царствования ее государей: Тянь-фу — Помощь Неба (1117—1122), Тянь-хуй — Объединение с помощью Неба (1123—1132), Тянь-цзюань — Забота (любовь) Неба (1138—1140).

Чжурчжэни были шаманистами. Слово «шаман», давнее название близкому по своей сути кругу верований, — чжурчжэньское. «Шаман» на языке чжурчжэней значит «колдун», потому что шаман

может превращаться, подобно духам⁷⁷. У чжурчжэней были и шаманы, и шаманки. Подавляющее большинство известных сведений о шаманстве у чжурчжэней приведено в монографии М. В. Воробьева «Культура чжурчжэней и государства Цзинь»⁷⁸.

Священными у мохэ, чжурчжэней, а позже и у маньчжуров считались горы Чанбайшань. Однако официальный культ этих гор, введенный в Цзинь в 1172 г., оказался уже чисто китайским, отражавшим китайские представления о культе четырех священных гор империи. Именно с этих позиций описан ритуал поклонения священной горе в сочинении «Да Цзинь цзи ли»⁷⁹. Это пример китаизации старого культа, возведенного в ранг традиционных культов китайской империи.

Наиболее полные сведения о праве в раннем чжурчжэньском государстве мы находим в «Сань чао бэй мэн хуйбянь». «Убийц и грабителей наказывают смертью, разбивая им головы (киданьский прием осуществления смертной казни.— Е. К.), а их семьи обращают в рабство. Если родственники желают выкупить преступника, то в качестве возмещения ущерба пострадавшему дают коров, быков, лошадей и имущество. Выкуп делится следующим образом: 6/10 поступает пострадавшему, 4/10 конфискуется в казну. За «легкие» преступления секут розгами. Если же преступление тяжкое, то преступнику отрезают уши и нос, чтобы заклеить его»⁸⁰. «Тюрьмы чжурчжэней — земляные ямы в несколько чжан глубиной. Преступника сажают в эту яму». «Их законы строги. Так, тех, кто совершил убийство или ограбил кого-то на большую сумму, наказывают смертью. Что касается прочих преступлений, то их не различают на легкие и тяжелые и наказывают за них битьем палками. Бьют по спине, а не по заду, так как боятся, что битье по заду повредит наказываемому и он не сможет ездить на лошади. Если преступление очень тяжкое, то бьют мешками с песком. Окружных чиновников может наказывать только правитель округа, уездных — правитель уезда. Все начальники могут наказывать битьем палками всех подведомственных им чиновников»⁸¹. Таким образом, в доцзиньский, раннегосударственный, период самыми тяжкими у чжурчжэней считались преступления против личности (убийство) и имущества (ограбление). От смертной казни при наличии средств можно было во многих случаях откупиться. До 1115 г. владения чжурчжэней не делились на округа и уезды, и последний кусок цитированного выше текста относится к несколько более позднему периоду. Наказание разбитием головы и битьем мешком, наполненным песком, вероятно, было заимствовано чжурчжэнями у киданей. Компенсация за украденное выплачивалась в десятикратном размере: шесть ее частей шли пострадавшему, четыре — в казну. По данным «Сунмо цзи вэнь», относящимся к 1130 г. и последующему времени, компенсация за кражу была семикратной⁸². В годы стихийных бедствий и голода, когда число краж резко возрастало, могли назначить трехкратную компенсацию за украденное (например, так было в 1110 г.)⁸³. В первые годы существования государства Цзинь поркой наказывали провинившихся чиновников. Вэй Вэньцзянь — автор сочинения «Лутин ши ши», написанного после 1138 г., — отмечал, что если чиновник (от министра и до самого мелкого служащего) совершит проступок, то его

наказывают поркой. С наказуемого снимали одежду и клали его на землю, затем пороли. Эзекутором обычно был кто-то из гвардейцев. При дворе такое наказание называлось приговором императора. На местах, в округах и уездах, виновных в нарушении законов чиновников пороли по распоряжению посланцев от императорского двора, после проведения следствия по делу и выявления меры виновности. Это называлось приговором высшего начальника. Китайский автор возмущался тем, что был нарушен один из основополагающих принципов китайского права — «телесные наказания не распространяются на знатных лиц», в том числе и чиновников. Против китайских традиций был и чжурчжэньский придворный обычай наказывать провинившихся в присутствии императора⁸⁴.

По сообщению «Цзинь ши», в государстве Цзинь ляоские и сунские законы стали применяться с 1129 г. — воры и разбойники, если они только похитили имущество, но не причинили вреда его хозяину, наказывались тремя годами каторжных работ. Если стоимость похищенного составляла 10 связок монет и более — пятью годами каторги. Осужденных на пять лет каторги татуировали и отправляли работать на армию. «Если стоимость похищенного была 30 связок монет и более, вор наказывался пожизненными каторжными работами. Кроме того, сумму похищенного приказывали полностью вытатуировать на лице осужденного. Если стоимость похищенного превышала 50 связок монет, вор подлежал смертной казни. Компенсации и штрафы взимались по старым правилам»⁸⁵. Таким образом, в праве Цзинь появилось, по китайскому образцу, наказание каторжными работами, которое, хотя бы частично, исполнялось при армии на тяжелых работах. Как полагает Г. Франке, в первые десятилетия существования Цзинь «чжурчжэньские правовые обычаи и рудименты китайских законов сосуществовали... без всякой ссылки на писанные законы»⁸⁶. Чжурчжэни в XI — начале XII в. не имели своей письменности. Как говорилось выше, учет, передача информации, закрепление обязательств осуществлялись с помощью зарубок на дереве. Однако можно, пожалуй, не сомневаться, что во внешних сношениях в отдельных случаях использовалось киданское или китайское письмо. «Тай-цзу воевал с Ляо». В это время еще не было чжурчжэньских писем и обо всех военных делах, о которых следовало сообщить из центра и которые необходимо было держать в тайне, всех генералов оповещали устно. Это поручали Сычжуну. Сычжун лично получал императорский приказ и передавал его в армию. И хотя слов в приказе и тех, которые нужно было передать туда и обратно, было несколько тысяч, он не допускал и малейшей ошибки»⁸⁷. Завоевательные походы, ускоренное совершенствование аппарата управления, расширение делопроизводства и внешних связей потребовали введения письменности. Развитие своих форм государственности, вражда с Ляо, а затем и с Сун не могли привести именно на начальном этапе к широкому употреблению киданского или китайского письма, даже учитывая то, что китайский язык и китайская письменность были признанными средствами общения на Дальнем Востоке. Государственным у чжурчжэней становится родной чжурчжэньский язык. Создать чжурчжэньское письмо поручили Ваньянь Сииню. «Люди

Цзинь сначала не имели письма. Силы государства день ото дня крепили, и тогда в сношениях с соседними государствами стали употреблять киданское письмо. Тай-цзу приказал Сииню создать собственное государственное письмо и разработать его структуру. Сиинь, подражая письменности почерка «кай» китайцев и следуя структуре киданского письма, приспособившая эти письменности к родному языку своего государства, создал чжурчжэньское письмо. В восьмом месяце третьего года девиза царствования Тянь-фу (1119 г.) книга (свод) писмен была завершена. Тай-цзу очень обрадовался, приказал обнародовать их и ввести в действие. Сииню дали в награду коня и комплект одежды. Позже император Си-цзун также создал чжурчжэньское письмо (в 1138 г.), которое было введено в употребление наряду с письмом, созданным Сиинем. Созданное Сиинем письмо стали называть большим чжурчжэньским письмом, а письмо, созданное Си-цзуном, — малым чжурчжэньским письмом⁸⁸. Чжурчжэньское письмо, как и письмо киданей, словесно-слоговое по своему характеру, было в употреблении по крайней мере до конца XIV в., им пользовались и после гибели государства Цзинь (1234 г.). Введение для государственных нужд собственного письма явилось закономерным шагом в развитии чжурчжэньской государственности.

Сокрушение чжурчжэньского государства Ляо (1125 г.) и затем завоевание к середине XII в. большей части китайского государства Сун, создание многонациональной империи, такой, какой являлась Ляо, заставило чжурчжэней, как и киданей в X в., использовать прежде всего для управления завоеванными районами не только апробированную столетиями, но и имеющую высший авторитет в регионе систему китайской государственности. Вначале в завоеванных областях чжурчжэни вводили свою систему мэнъянь-моукэ (тысячников и сотников), но затем, поскольку это вызывало недовольство населения, они стали использовать старые административные органы Ляо, заменяя киданьских и китайских чиновников бохайцами и чжурчжэнями. В районах с китайским населением на постах иногда оставляли и киданьских чиновников. Военно-административный характер собственной чжурчжэньской системы управления в целом, война с Ляо обусловили заимствование чжурчжэнями у киданей и китайцев в первую очередь центрального органа управления военными делами Шуми (тайный совет). Произошло это в 1122 г. и, по оценке историков, явилось «продолжением старой системы управления южного двора Ляо»⁸⁹. В 1126 г. был предпринят решительный шаг по введению китаизированной системы управления, учрежден Шаншүшэн (Государственный совет или Верховный секретариат), высший административный орган гражданской администрации. После завоевания Северного Китая в 1140 г. чжурчжэни ввели в своем государстве шесть министерств («лю бу») ⁹⁰. Во время активных завоевательных войн с 1124 г. существовал специальный орган «ду юань-шуай фу», в переводе М. В. Воробьева — «военный совет»⁹¹, точнее, вероятно, «ставка верховного главнокомандующего». Это был временный орган, существовавший только во время войны, в мирное время он упразднялся⁹². Верховным главнокомандующим («юань-шуай») всегда являлся аньбань боцзиле⁹³.

К 1138 г. была введена и китайская система рангов, а старая система рангов боцзиле упразднена (1134 г.). В эту систему включались и чжурчжэньские должности; так, мэнъянь — тысячник — стал чиновником четвертого ранга, моукэ — сотник — чиновником пятого вспомогательного ранга⁹⁴. Сяньвэни войск «цзю» были приравнены к чиновникам пятого вспомогательного ранга. В управлении племенами сохранилась должность цзедуши, «который управлял каждым «бу», ранг его был высоким (третий вспомогательный). На местах сохранялась и должность иркина. Иркин имел низкий восьмой вспомогательный ранг. Иркины порознь управляли племенами («буцзу»), поселениями («цунь») и крепостями («чжай»)»⁹⁵. В Цзинь сохранилась и старая должность тули. Тули «разбирал тяжбы, производил расследования разных нарушений и проступков»⁹⁶.

В местной администрации старые киданьские и китайские округа и уезды сочетались с системой мэнъянь-моукэ. В 1139 г. мэнъянь и моукэ были введены из подчинения округов и уездов, теперь они находились в ведении только центральных органов власти. При Агуде 300 дворов возглавлял сотник — моукэ, а 10 — моукэ — тысячник, мэнъянь. Численность сотен не была постоянной. Так, в период завоеваний кидань Элие из 130 семей «северных бу» создавал одну сотню, китаец Ван Люэр из 615 китайских дворов — одну сотню⁹⁷. Как было сказано, в 1124 г. из покоренных киданей и китайцев чжурчжэни перестали создавать сотни. В 1127 г. население большей части территории Цзинь расписали по тьмам, темничествам («ваньху») ⁹⁸. В 1145 г. система темничества была упразднена.

Мэнъянь и моукэ постепенно стали превращаться в особые организации («общины», как трактует их М. В. Воробьев)⁹⁹ военно-поселенческого характера. Они получали земельные наделы, быков, обязывались обрабатывать землю и нести караульную службу, охраняя прежде всего иноплеменников — «фань»¹⁰⁰. В 1180 г. сотникам и тысячникам 55 лет и старше было позволено передавать свои должности по наследству сыновьям, младшим братьям и племянникам, живущим с ними вместе одной семьей¹⁰¹. Чжурчжэни-военнопоселенцы часто сдавали землю в аренду и жили на доходы, получаемые с арендаторов. Часто землю военнопоселенцев обрабатывали рабы. В 1183 г. из 6 158 636 военнопоселенцев 4 812 669 являлись людьми лично свободными, а 1 345 967 — рабами¹⁰².

Мэнъянь и моукэ представляла собой, таким образом, наследственную военную и социополитическую организацию, созданную оригинальной чжурчжэньской государственностью. Несмотря на принятие китайской политической системы после завоевания Северного Китая, эта организация обеспечивала господство завоевателей на завоеванных территориях.

Моукэ делились на два подразделения «пунянь». Состоявшая примерно из 300 семей сотня во времена Цзинь была обязана выставить 100 солдат для регулярной армии и вспомогательных войск «алиси». После 1145 г. существовал такой расклад: на 25 членов сотни давали 404 му земли, эти люди (примерно четыре-пять семей)ставляли одного солдата регулярной армии и одного служащего

вспомогательных войск. За это военнопоселенцы-сотники платили лишь 1/20 обычной суммы поземельного налога¹⁰³. «Тысячи-сотни» создавались не только из чжурчжэней, но из бохайцев, си и представителей некоторых других этносов. Внедренные в китайские округа и уезды, они являлись опорой чжурчжэньского господства в империи Цзинь. Тысячник был приравнен по своему положению к правителю округа-«цыши».

Личную гвардию цзиньского императора составляли сотни — «хэчжа» (возможно, сравнимо с маньчжурским «хашань» — «охрана»). В источнике поясняется, что «хэчжа» по-чжурчжэньски значило «личная охрана государя, гвардия»¹⁰⁴. Командующий гвардией имел звание тысячника.

Все высшие посты в армии в государственном аппарате Цзинь занимали чжурчжэни. В огромном аппарате управления империей в середине XII в. были не только чжурчжэни, но и кидани, бохайцы, си, китайцы, но все жизненно важные центры управления страной всегда находились в руках представителей господствующей чжурчжэньской народности.

«Наследуя систему Ляо»¹⁰⁵, чжурчжэни создали систему пяти столиц. Верхняя столица размещалась «на древней территории Цзинь». «На языке государства золото называлось “аньчуху”. Поскольку в этом месте истоки реки Анчуху, при создании государства оно получило наименование Золотое»¹⁰⁶. Это были «внутренние территории государства» («нэй ди»). В 1138 гг. город, выстроенный в этой местности, стали называть Верхней столицей (находился в районе г. Бачэн, к юго-востоку от Харбина). Область столицы называлась Хуйнин. Восточной столицей был г. Ляоян. Западной столицей объявили г. Датун, Средней — г. Далин, Южной — г. Яньцзин (Пекин). Деление на округа и уезды в империи Цзинь полностью соответствовало китайскому образцу.

Говоря о ранней чжурчжэньской государственности, оригинальной по своим формам, прораставшей из родоплеменного быта, об изменениях в ходе завоеваний и переходе к синкретическому по своей сути аппарату управления империи Цзинь, нельзя не согласиться с мнением М. В. Воробьева о том, что, «несмотря на то, что на первый взгляд вся система выглядела смонтированной из иноземных элементов — китайских (сунских и танских) и киданьских, внимательное изучение обнаружило оригинальность государственного мышления в построении всего аппарата в целом и даже в самой монтажке чужеродных элементов»¹⁰⁷. Отмечая полный контроль чжурчжэней в таких родах, как цензорат, армия, прокуратура, М. В. Воробьев справедливо отмечает, что главным звеном в системе господства были старые чжурчжэньские институты управления мэнъянь и моукэ. «Расселенные в гуще китайского населения, подчиненные непосредственно высшим местным властям, они служили той живой 10-процентной прослойкой, которая на месте — в деревнях и уездах — блокировала малейшее проявление недовольства»¹⁰⁸. Развивая схожее мнение, Г. Франке пишет, что обычное для китайского средневекового общества различие между народом и чиновниками усилилось в обществе Цзинь «наличием в бюрократии занимающего в ней особое положение иноэтнического элемента»¹⁰⁹.

По этническому принципу население Цзинь было поделено на пять разрядов: 1) чжурчжэни,

2) бохайцы, 3) кидани и си, 4) китайцы-яньжэнь (китайцы, бывшие подданные государства Ляо, они еще именовались ханьэр), 5) наньжэнь («южане»), китайцы завоеванных северных областей Сун¹¹⁰.

О внешних связях чжурчжэней в период их ранней государственности следует сказать следующее. Они признавали сюзеренитет Ляо, получали от киданей титул цзедуши, имели тесные контакты с Кореей, во второй половине X в. активно торговали лошадьми с Сун, перевоза лошадей из Маньчжурии морем в Шаньдун. После 1119 г. кидане прервали эту торговлю, укрепив свою власть в Ляодуне. Агуда, придя в 1101 г. к власти, активно готовился к разрыву с киданями и войне с ними, строил в стратегически важных местах крепости. Отряды из 50 чел. делились на две подгруппы: 20 солдат в каждой полусотне были облачены в тяжелые доспехи и вооружены пиками и дубинами, а 30 — в более легкие доспехи и вооружены луками со стрелами. Бохаец Ян Бо предложил Агуде принять императорский титул, возвести свои алтари почвы и злаков и создать государство с территорией протяженностью в тысячу ли, которое на востоке доходило бы до океана, на западе до тангутского государства Си Ся, а на юге до Сун. На севере это государство умиротворило бы население Ляо. Как известно, в 1115 г. Агуда провозгласил себя императором («хуанди»), приняв девиз царствования Шоу-го («Приобретение государства»). Армия Ляо, выступившая во главе с императором киданей на его умиротворение, потерпела поражение. В 1118 г. Агуда послал к императору Ляо посла и выдвинул 10 условий заключения мира: 1) предоставить ему титул «Великий совершенномудрый, великий просвещенный» («да шэн да мин»); 2) признать за его государством наименование Великое Цзинь; 3) прислать ему императорскую колесницу; 4) прислать императорские одежды и головной убор; 5) вручить вырезанную из яшмы императорскую печать; 6) называть себя младшим братом, а его, Агуду, старшим братом; 7) посылать послов с поздравлениями ко дню рождения Агуды; 8) ежегодно присылать 250 тыс. лян серебра и кусков шелка, т. е. отдавать ровно половину того, что сам император Ляо ежегодно получал от Сун; 9) уступить Цзинь Ляодун; 10) выдать чжурчжэньских князей Агучань и Чжаосань, враждовавших с Агудой¹¹¹. Кидани, зная силу Агуды, не пошли на открытый разрыв, они согласились дать ему титул, видоизменив его на «достигший священной мудрости, достигший просвещения», а государство чжурчжэней предложили именовать Дунхуай — «Восточное умиротворенное». Естественно, они не признали Агуду старшим братом, но прислали ему красный покрытый лаком лук и украшенную слоновой костью колесницу. Однако украшения на колесницу были не императорские, а соответствующие лицу с положением удельного князя. Агуда хотел казнить послов, но его уговорили ограничиться лишь наказанием их палками. Послов вернули обратно в Ляо с ответом, суть которого сводилась к тому, что если император Ляо не признает Агуду императором Великой Цзинь и старшим братом, то он, Агуда, за это сотрет с лица земли его Верхнюю столицу. Так началась война, направленная на уничтожение Ляо.

В 1117 г. в Агуде прибыли первые послы Сун. Они сообщили, что в Китае наслышаны о победах

Агуды над киданями и хотели бы заключить с ним союз против киданей с условием — после разгрома Ляо получить те земли, которые кидани ранее захватили у Китая. Агуда союз принял, выгода его была очевидна — атака на Ляо с двух сторон, но на вопрос о территориях ответил: кто сколько завоюет, у того столько и будет. В 1123 г. чжурчжэни отдали Сун шесть округов Ляо и Пекин. Однако уже в 1125 г. они начали войну с Сун, а в 1126 г. пленили сунских императоров. В этом же году признала себя зависимой от Цзинь Корея. В 1141 г. Цзинь и Сун заключили договор, на основании которого император Цзинь был признан старшим, границей между двумя империями объявлялась река Хуай, Сун обязались платить Цзинь 250 тыс. лянов серебра и 250 тыс. кусков шелка ежегодно¹¹².

Итак, основой социальной организации чжурчжэней в XI г. своеобразной военно-административной формой их ранней государственности явилась система мэнъянь-моукэ. Она базировалась на более древней системе «було» как основной единице управления главой було — булочжан. Все совершеннолетние здоровые мужчины считались воинами. В мирное время они занимались производственной деятельностью — пахали землю, пасли скот, охотились и ловили рыбу, а в случае войны те, кто должен был идти воевать, становились воинами, образуя отряды в 100 и 1000 воинов. Оценки системы мэнъянь-моукэ не все однозначны. Вслед за М. Годелье¹¹³ автор этих строк полагал и писал более двух десятилетий тому назад, что чжурчжэньское общество XI в. «было последним бесклассовым и первым классовым обществом одновременно, так как, сохраняя довольно значительные демократические традиции родового строя, оно уже несло в себе и постепенно формировало элементы нового общества и государства. Племенная аристократия чжурчжэней, и прежде всего ланцзюни рода Ванъянь, обладали уже государственной властью и эксплуатировали отдельных членов чжурчжэньского общества, присваивая часть их труда, — рабство, поборы, воинская повинность, приобретающая уже форму именно повинности. Государственная власть приняла специфические для чжурчжэньского общества формы, являясь по сути своей военно-административной»¹¹⁴. Формы эти в целом были в русле общего развития государственности у народов Центральной Азии. М. В. Воробьев пишет, что «появление мэнъянь и моукэ... служит проявлением ранней государственности. Усиление их военной функции и создание "сотни" знаменует уже наступление стадии военной демократии. Эти ячейки в XI в. были новой ступенью развития общества. Они сложились как общественные ячейки с комплексом неразделенных функций: общественной, экономической, военной»¹¹⁵. По мнению Сяо Хунцзян и Би Шулинь, систему мэнъянь-моукэ, как и маньчжурскую нюру, нельзя считать первобытно-общинной организацией. Это была своеобразная социальная организация, являвшаяся административной, военной и производственной ячейкой, «основой социальной организации цзиньцев», в которую с 1124 г. стали вводить иноплеменников и которую в 1146 г. поделили на три категории — высшую, среднюю и низшую, включив в высшую аристократию правящего клана («цзунши»)»¹¹⁶. В принципе эти оценки совпадают.

МАНЬЧЖУРЫ

После разгрома чжурчжэньского государства Цзинь монголами (1234 г.) чжурчжэни Маньчжурии вошли в состав Монгольского государства. В 1235 г. были учреждены темничества Кайюань и Наньцзин. После провозглашения династии Юань центром управления северо-востоком империи стал г. Кайюань (старый Кайюань), который находился севернее современного г. Саньсин. С 1288 г. центром администрации империи Юань на северо-востоке стал г. Дунцзин, переименованный в Ляоян. После падения Юань и утверждения над Китаем власти династии Мин (1368 г.) в 1371 г. в Ляодуне было учреждено минское ляодунское военное управление. Чжурчжэньское население Маньчжурии в это время составляло несколько миллионов человек¹¹⁷. В эпоху Мин китайцы в своих описаниях чжурчжэней подразделяли их на три большие группы: цзяньчжоу, хайси и ежэнь. «Дикие» («ежэнь») чжурчжэни жили в районе р. Сунгари и ее впадения в Амур; цзяньчжоуские — в северной части гор Чанбайшань, к югу от диких, у слияния рек Муданьцзян и Сунгари, вплоть до р. Суйфэнь; хайси — у северной части уезда Фууй современной пров. Гирин, к востоку от г. Харбина, в районе р. Ашихэ. Для той эпохи было характерно постепенное продвижение чжурчжэней на юг, в частности чжурчжэней Хайси в южную часть Гирина, цзяньчжоуских чжурчжэней — в северные области современной Кореи и в район р. Хуньхэ в Ляодуне, ежэнь — на старые земли чжурчжэней Хайси в цзяньчжоуских¹¹⁸.

Границы Мин в Маньчжурии проходили по линии Бэйчжэнь, Шэньян, Телин, Кайюань, Фуминь¹¹⁹. Здесь был создан Ляодунский укрепленный район, который занимал южную часть современной пров. Ляонин. Крайней северной точкой Ляодунского укрепленного района был г. Кайюань. В XV—XVI вв. китайские императоры династии Мин раздавали должности и титулы местным чжурчжэньским правителям. Дав титул или должность тому или иному заинтересованному в торговле с Китаем, в политических контактах с Мин чжурчжэньскому правителю, минские власти нередко объявляли его город или селение и подвластную ему территорию своими, своим пограничным караулом («вэй»). Цзя Тинцзе писал: «Большинство караулов были пустыми названиями. Их пределы точно не установлены»¹²⁰. Как свидетельствует Гуань Дунгуй, чжурчжэни лишь «номинально управляли установленными Китаем караулами»¹²¹, фактически же ими правили их собственные правители. Все они зависели от минских властей, но «являлись маленькими феодальными государствами», как назвал их американский исследователь Франц Михаэль. Дело кончилось тем, что минская династия потеряла контроль над этими районами¹²². Минский караул на северо-восточной границе насчитывал с командным составом 5600 чел. Он был организован по территориально-гарнизонному принципу. В каждой области (цзюнь) предполагалось разместить тысячу солдат. А сам караул (вэй) охватывал ряд таких областей.

Чжурчжэньские правители не признавали власти друг над другом и часто враждовали. «В то время повсюду царил смута... Злодеи и разбойники размножились, как пчелы, они называли себя ханами,

бэйлэ (князьями), амбанями (наместниками, министрами) и гашанями (правителями поселений). Все они стремились стать верховными правителями, а мукуни (главы кровно-родственных объединений) назначали себя вождями и нападали друг на друга. Родные братья и прежние единомышленники убивали друг друга. Могущественные роды силой подчиняли слабым, и беспорядок всюду был великий»¹²³.

Будущая маньчжурская народность образовалась из чжурчжэнских племен маньчжу, суксхэ, хуньхэ, ваньянь, дунью, чжэчэнь, хада, сэхэ, хойфа, ваньцзя, нэинь, чжушэли и др. Маньчжуры возвысились из аймака хада, группировавшегося вокруг Цзяньчжоуского караула, основанного в начале XV в. Командовали караулом Ахачу, а после его разделения на правый и левый (около 1408 г.) Мэнгу-Тэмур, Нурхаци (1559—1626 гг.), основатель Маньчжурского государства, был прямым, шестым по поколению, потомком Мэнгу-Тэмюра.

В XVI в. чжурчжэни занимались земледелием, скотоводством и охотой, рыбной ловлей и собирательством. Нурхаци не раз говорил, что маньчжуры отличаются от монголов, которые едят мясо и одеваются в кожи, тем, что они «засевают поля и питаются зерном». В их экономике сельское хозяйство заняло основное место. Земли были плодородны, урожаям, особенно проса, высоки. Большинство селений маньчжуров располагалось по берегам рек, реже — в горных долинах. В каждой семье имелись скот (свиньи, овцы, коровы, лошади), птица (куры, гуси, утки)¹²⁴. Нурхаци предписывал во время походов беречь посевы, то же требовалось и в мирное время: пастуха, недосмотревшего за скотом и допустившего потраву, наказывали 20 ударами плетью, за загнанную на посевах скотину, причинившую вред посевам, брали в качестве штрафа лан серебра. Запрещалось привязывать коней и скот к фруктовым деревьям, сдирать с фруктовых деревьев кору¹²⁵. Хорошие скотоводы, маньчжуры успешно занимались коневодством. По свидетельству очевидцев, у них «особенно процветает коневодство. В семьях иноземцев-командиров табуны в десятки тысяч коней, в семьях иноземцев-солдат также не менее десяти коней»¹²⁶. Маньчжуры плавил железо и отлично обрабатывали его. По данным хроники, в 1599 г. они «начали плавить железо, открыли рудники по добыче золота и серебра»¹²⁷. Ремесленники-маньчжуры изготавливали доспехи, стрелы. По корейским сведениям, в Фэйала, главном городе Нурхаци, имелись «16 мастеров по изготовлению доспехов, 50 с лишним мастеров по изготовлению стрел, 30 с лишним мастеров по изготовлению луков, 15 мастеров по плавке металлов — все они маньчжуры»¹²⁸. Один минский чиновник докладывал: «В Хоу Цзинь доспех, который надевают воины, его лицевая сторона, защита плеч и рук — все из первосортного железа, доспехи для коней точно такие же»¹²⁹. В другом источнике говорится: «По серебру, железу, коже, дереву — по всему имеются свои мастера, а мастера по железу особенно искусны»¹³⁰. Сохранился отзыв Нурхаци о ремесленниках: «Есть люди, которые почитают за драгоценности восточный жемчуг, золото и серебро. Но какие же это сокровища? В холод нужно одеваться. Во время голода нужно есть. Мудрецы, которых содержит государство, способны решать дела, которые не могут решать другие люди госу-

дарства. Ремесленники способны сделать вещи, которые не способны сделать другие люди государства, — только они истинное сокровище»¹³¹.

Охота, особенно добыча пушного зверя, сбор женьшеня, пчеловодство были важными подсобными промыслами маньчжуров. Лошади, меха, женьшень, мед являлись основными предметами вывоза из Маньчжурии в торговле с Китаем и Кореей. В первые два десятилетия XVII в. маньчжуры освоили шелкоткачество и производство хлопчатобумажных тканей. «В этом (1616 г. — Е. К.) объявлено по государству: начать кормить шелковичных червей, разматывать шелковые нитки, ткать шелка, сеять хлопок, ткать хлопчатобумажные ткани»¹³².

Жили маньчжуры в городах-ostroгах, окруженных укрепленными деревнями. Правитель, управлявший территорией с несколькими городами, именовался князем (ваном), например имелся Хойфа го ван («князь государства Хойфа»). Города занимали важнейшее место в политической жизни страны. Чжа Дэгуи считает Нурхаци даже не объединителем маньчжурских племен, а объединителем городов-государств Маньчжурии начала XVII в.¹³³

Хозяйство маньчжуров и жизнь их городов и поселений во многом основывались на труде рабов. Маньчжурское общество начала XVII в. подразделялось на людей лично свободных («джусэн») и рабов («аха»). В числе аха-рабов — источники выделяют боой-аха (домашних рабов). Как отмечал Ли Миньхуань, автор «Цзяньчжоу вэнь цзянь лу» («Записки о виденном и слышанном в Цзяньчжоу»), «от правителя Нурхаци и его сыновей вплоть до простого солдата все имеют рабов и поместья. Рабы обрабатывают землю и доставляют урожай своим хозяевам. Солдаты только точат мечи и не занимаются сельскохозяйственными работами»¹³⁴. Поместья, в которых обрабатывали землю рабы, по-маньчжурски именовались «токсо». Основным источником пополнения рабов служили войны и захват пленных. В 1477 г. корейский посол, ездивший к чжурчжэням, сообщал, что цзяньчжоуские чжурчжэни захватывают пограничных жителей и обращают их в рабство. С расширением завоеваний роль рабского труда в маньчжурском обществе не только не уменьшилась, но и заметно возросла. В 1618 г. после взятия г. Фушунь Нурхаци роздал своим приближенным и солдатам в качестве награды 300 тыс. пленных. Маньчжурский хан вопрошал: «Если не иметь аха (рабов), то как жить эчжэнь (хозяевам)?»¹³⁵. Как свидетельствуют маньчжурские тексты, в представлении маньчжурской знати той эпохи «раб должен был усердно пахать землю, чтобы кормить своего хозяина и не смел думать о своих личных интересах»¹³⁶. Браки аха устраивали их хозяева. Дети аха тоже являлись аха-рабами. Хозяин мог ругать, бить, убить, продать аха. Аха рассматривались как частная собственность своего хозяина. Рабов согревали с хозяевами. Так, в 1603 г. вместе с умершей женой Нурхаци из рода Нара захоронили четырех рабов¹³⁷. Тенденция обращать пленных в рабов не изжила себя и при преемнике Нурхаци Хуантайцзи (в русских и европейских источниках и литературе чаще всего известен как Абахай). В 1628 г. после похода на чахаров Хуантайцзи взял в плен 11 200 чел. Из них 1,4 тыс. монголов и китайцев он занес в списки населения своего государства как простолюдинов («миньху»), а всех остальных обра-

тил в рабство, т. е. более 90 % пленных стали рабами. После выхода 1637 г. на Корею пленных долго распродавали на рынках у стен маньчжурской столицы. Невольничьи рынки находились в городах и пригородах. По подсчетам современных китайских авторов, при Нурхаци у маньчжуров было 400—500 тыс. рабов, при Хуантайци — около 2 млн¹³⁸. Это при том, что, по китайским же подсчетам, собственно маньчжуров перед занятием ими в 1644 г. Пекина было 0,7—1 млн чел.¹³⁹ Исследователи рабства у маньчжуров подчеркивают, что только часть рабов использовалась для услуг, большинство их работало в сфере производства¹⁴⁰.

Эксплуатируемому классу рабов противостояли лично свободные люди, которые подразделялись на простых людей («джусэн») и знать (специальный маньчжурский термин нам не известен). Джусэн — это простые маньчжурские воины, земледельцы, пастухи и охотники, ремесленники и их семьи. Это не родовая знать, не бэйлэ, не представители ханского рода Айсинь Гиоро, не чиновники. Среди джусэн не было имущественного равенства, а в маньчжурском обществе богатство ценилось даже выше знатности. Сородич Нурхаци Ахана просил в жены дочь богатого человека Басыханя. Басыхань отказал ему, ссылаясь на то, что хотя Ахана и является потомком нингута бэй-лэ (шести князей), но его семья обеднела, и поэтому дочь свою в жены ему он не отдаст¹⁴¹. Бедные слои джусэн принадлежали к эксплуатируемому классу, богатые — к эксплуататорскому. Джусэн были опорой Нурхаци, маньчжурского государства. Народ подлежал занесению в списки, а значит, и обложению налогами. Знать, маньчжурские и инородные рабовладельцы образовывали господствующий класс общества. В первую очередь это был правящий клан Айсинь Гиоро. «Гиоро» по-маньчжурски значит «семья», «род». Айсинь Гиоро — Золотой род, Золотая орда, как иногда переводил этот термин русский маньчжуровед А. В. Гребенщиков¹⁴². Древние члены этого клана считались «краснопоясными», в отличие от «желтопоясных», своих потомков, правивших уже в Китае. Происхождение правящего клана маньчжуров Айсинь Гиоро неясно. Судя по корейским и китайским источникам, фамилия предков Нурхаци была Тун. Фамилия Тун была широко распространена среди чжурчжэней¹⁴³. Гиоро — также одна из древнейших маньчжурских фамилий, слово «гиоро» ранее не имело собирательного значения «род», «клан». Принятие имени Айсинь Гиоро — это сравнительно позднее нововведение, акт, которым правящий род Нурхаци хотел подчеркнуть свою преемственность с чжурчжэньской династией Цзинь (Золотая). Чжу Сицзу, детально исследовавший этот вопрос, пришел к такому выводу: «Цзяньчжоуский левый караул со времен своих предков постоянно использовал в сношениях с Китаем фамилию Тун — это совершенно очевидно. Фамилия же Айсинь Гиоро фактически была создана заново цинским Тай-цзуном»¹⁴⁴.

Попутно заметим, что столь же туманно и появление этнонима «маньчжуры». В 1634 г. Хуантайци (Тай-цзун) запретил своим подданным именоваться чжурчжэнями и предписал впредь именоваться только маньчжурами: «В моем государстве раньше имелись наименования маньчжу, хада, ула, ехе, хойфу и другие. Не знающие этого люди

часто зовутся чжушэнь (чжурчжэнями). Чжушэнь не имеют ко мне никакого отношения. Впредь всем людям разрешается называть мое государство только маньчжу»¹⁴⁵. Есть мнение, что «маньчжу» — это древний местный этноним¹⁴⁶, своим происхождением обязанный имени буддийского божества бодхисаттвы Маньчжушри, в прошлом это один из почетных титулов чжурчжэньских правителей Цзяньчжоу, хотя, кроме одного из них, Ли Маньчжу, другие науке не известны. В одной из последних статей на эту тему китайские авторы Чжэн Тянь и Тин Ицзо высказали предположение, что этноним «маньчжоу» — это старое название местности и государства, созданного Нурхаци после победы над Никан вайланом. Сначала термином «Маньчжоу» обозначались лишь три цзяньчжоуских караула¹⁴⁷.

Опору хана Нурхаци составляли четыре хошо-бэйлэ (Дайшань, Амин, Мангуртай, Хуантайци), «четыре угла», бэйлэ каждого из четырех направлений света — юго-востока, северо-востока, юго-запада и северо-запада. Затем число хошо-бэйлэ было увеличено до восьми. Все командование восьмизнаменных войск относилось к элите, к маньчжурской знати и знати Маньчжурского государства. К числу этой знати следует относить и ту монгольскую знать, монгольских бэйлэ и тайши, которая перешла на службу к Нурхаци, а также китайцев, которые также служили Нурхаци и занимали высокое положение в его государстве. В этой связи можно назвать торговца Дун Янчжэня, уроженца Ляодуна, перешедшего на службу к маньчжурам. Его дочь стала супругой третьего маньчжурского императора Шуньчжи и родной матерью Канси, полуманьчжура, полукитайца, четвертого императора династии. Один из сыновей Дун Янчжэня участвовал в заключении Нерчинского договора.

Возвышение маньчжуров и создание Маньчжурского государства связаны с именем Нурхаци. Новому, второму, сплочению чжурчжэньских племен несомненно способствовали сознание, память о наличии своей государственности в прошлом. Как справедливо отмечал В. С. Кузнецов, «наличие государственности создавало особый внутренний мир, оно же заставляло держаться достойно в отношении соседей»¹⁴⁸.

Нурхаци родился в 1559 г. в городке Фэйала (Старая гора) на берегу р. Суксукхэ (современное название — Суцзыхэ). Долина реки славилась плодородными землями. Его отцом был «владелец чжурчжэньского удела маньчжоу»¹⁴⁹ Такэши (Такши), матью — Хитара (Ситала) Эмуцзи. В десять лет Нурхаци лишился матери. В 1583 г. в междоусобной борьбе чжурчжэньских владельцев погибли отец и дед Нурхаци. На следующий год Нурхаци напал на Никан вайлана, которого считал виновником гибели отца и деда, и захватил городок Турунь-хотон (Город-Знамя), положив начало объединению, где силой, где миром, под своим началом чжурчжэньских племен. Становление Маньчжурского государства происходило одновременно с расширением его территории.

К 1584 г. относится первое упоминание о будущей основной военно-административной единице Маньчжурского государства — «ниру» (кит. «нюлу»), традиционно и условно переводимой на русский язык как «рота». В девятом месяце этого года Нурхаци пленил чжурчжэньских вождей Эргони и

Локэ, и после их перехода к нему на службу назначил ниру эчжэнь — «командирами-управителями ниру». Став ниру эчжэнь, Эргони и Локэ управляли тремя сотнями людей¹⁵⁰. В 1586 г. был убит личный враг Нурхацы Никан вайлан, пользовавшийся покровительством минских пограничных властей. Смерть Никан вайлана позволила Нурхацы установить отношения с минскими пограничными властями. Нурхацы унаследовал от отца китайский титул «чжихуйши» (командующего воинским подразделением). С 1586 г. минские пограничные власти стали выплачивать Нурхацы за его лояльность 800 ланов серебра и 15 кусков атласа на платье. Объединяя под своей властью цзяньчжоуских чжурчжэней, Нурхацы начал отстраивать свой столичный град Фэйала. Город был разделен на внешний и внутренний, каждый из них обнесли стенами из камня, земли и дерева. Во внутреннем городе выстроили острог, место, обнесенное деревянным частоколом из крепких бревен, в котором размещалась резиденция Нурхацы. Нурхацы стал формировать, насколько известно, свой первый аппарат управления: «Государь („шан“) начал создавать аппарат управления государством, установил законы для того, чтобы пресечь мятежи, запретить воровство и разбой»¹⁵¹. По данным корейской хроники династии Ли «Ли чжо силлок», «внутри своих владений Нурхацы стало титуловаться ваном»¹⁵². Был введен придворный церемониал. В 1587 г. выстроен комплекс административных зданий — Ямынь лоутай.

В 1589 г. Нурхацы, завершив объединение цзяньчжоуских чжурчжэней, распределил свои войска по четырем армиям: 1) опоясанных мечами; 2) вооруженных железными палицами; 3) защищенных тяжелыми многослойными доспехами; 4) способных стрелков из лука. В этом же году он получил от минских властей титул «дуду цянъши» — «помощника дуду».

В 1594 г. Нурхацы покорил чанбайшаньских чжурчжэней. К этому времени в его армии насчитывалось 30—40 тыс. конницы и 40—50 тыс. пехоты. Судя по «Маньчжоу шилу» («Хронике правления на маньчжурском языке»), уже в 1593 г. войска каким-то образом распределились по знаменам: «Повелели всем вanam и великим сановникам („да чэнь“) каждому возглавить знаменные войска — „гушань бин“»¹⁵³. Об этом же событии в «Цин Тай-цзу гао хуанди шилу», источнике на китайском языке, сказано: «...приказал каждому из знаменных бэйлэ („ци бэйлэ“) и великих сановников привести в порядок войска и ждаты»¹⁵⁴. Корейский посол Ха Се Кук, побывавший в Фэйала в 1596 г., докладывал: «Знамена используют зеленые, голубые, желтые, красные, белые, черные»¹⁵⁵. Армия формировалась по знаменам и в соответствии с десятиричной системой, каждая сотня имела два знамени, знамена делились на десятки¹⁵⁶. Таким образом, и ниру, и гусань-знамена имелись в практике маньчжурской военно-административной системы управления еще до реформы 1601 г.

В 1595 г. Нурхацы получил от минских властей генеральское звание «лун ху цзянцзюнь» — «генерал дракон-тигр».

Важным событием в деле становления и укрепления маньчжурской государственности явилось создание в 1599 г. маньчжурского письма. Как мы уже упоминали, чжурчжэни в XII в. создали свою

письменность. После гибели Цзинь при подчинении чжурчжэней монгольской династии Юань среди чжурчжэней использовалось чжурчжэньское и монгольское письмо. Однако постепенно чжурчжэньское письмо стало выходить из употребления. При династии Мин китайцы приняли меры к тому, чтобы возродить чжурчжэньское письмо, однако потерпели неудачу. Слововое монгольское письмо было во много раз проще словесно-слововой письменности чжурчжэней. При минском императоре Ин-Цзуне (1457—1465 гг.) чжурчжэньские начальники караулов обратились к китайскому двору с письмом, в котором сообщали: «...для тех, кто не знает чжурчжэньской письменности, просим с этого времени писать указы татарским (т. е. монгольским.— Е. К.) письмом»¹⁵⁷. В течение XV в. чжурчжэньское письмо вышло из употребления и было заменено монгольским. Вся переписка между правителями Цзяньчжоу, Китая и Кореи велась на монгольском языке, родственном чжурчжэньскому (маньчжурскому). Нурхацы знал монгольский язык и письмо, а также китайское письмо. Указы государя в формировавшемся Маньчжурском государстве писались по-монгольски. Создалась несколько затруднительная ситуация — чжурчжэни (маньчжуры) говорили по-чжурчжэньски, но писали монгольским письмом на монгольском языке. В 1599 г. Нурхацы поручил двум ученым писцам (бакши) Эрдэни и Гэгаю приспособить монгольское письмо к маньчжурскому языку. Усилиями этих двух ученых было создано старое маньчжурское письмо, которое при Хуантайцзи усовершенствовал Дахай.

Принимая послов, Нурхацы стал официально именовать свое владение государством. Корейскому послу он говорит: «Два государства, ваше государство Корея и мое государство чжурчжэньское»¹⁵⁸.

В 1601 г. началось введение военно-административной системы управления «ниру-гуса». Система ниру («ниру» — по-маньчжурски «большая стрела») была заимствована из практики облавной охоты у чжурчжэней, введена Нурхацы официально в 1601 г., хотя первые упоминания о ниру относятся к 1584 г. «В этом (1601 г. — Е. К.) Тай-цзу из каждых 300 человек собранного им народа и войска создал одну ниру и передал в подчинение эчжэню. До этого всякий раз, когда выступали на охоту и назначали начальников, людей, независимо от их числа, распределяли по родам („цзу“, „мукунь“) или месту жительства в укрепленных поселениях („чжай“, „гашань“). Когда маньчжуры выступали на охоту и начинали облаву, каждому давали одну стрелу. Из каждых десяти человек одного ставили старшим, он руководил девятью подчиненными ему людьми. Каждый двигался в указанном ему направлении, и запрещалось сбиваться с пути и ломать порядок облавы. Эти старшие назывались ниру эчжэнь (начальники больших стрел). Отсюда и пошло название чина ниру эчжэнь»¹⁵⁹. В «Дунхуа лу» читаем: «Стали вносить в списки по 300 человек и составлять по одной ниру. В каждую ниру назначали по одному эчжэню. Прежде, когда маньчжуры выставляли войска на облавные охоты, каждый воин двигался со своим родом или поселением. Каждый человек выступал как одна стрела. Десять стрел возглавлял один командир. Это называлось ниру. С этого времени подчинившийся народ заносили в списки по 300 человек и

составляли одну ниру эчжэн»¹⁶⁰. Позже в Маньчжурском государстве стрела стала символом управления отдельным районом. Среди «новых маньчжуров» и дауров патент на такую должность именовался «бошоро ниру темгету битхе», по-китайски «ши гуань цзолин чжичжао»¹⁶¹. Таким образом, командир роты, ниру эчжэн, первоначально являлся десятником, руководителем десятка людей на большой облавной охоте. Му Чуань полагает, что стрела, которая давалась каждому в начале облавной охоты, являлась свидетельством участия в ней и удостоверением на получение доли из добытого на охоте¹⁶². По данным Чэнь Вэньши, на стреле, которую имел каждый участник облавной охоты, было вырезано его имя, стрела давала право ее владельцу участвовать в дележе добычи и претендовать на награду, а также помогала определить наказания провинившимся¹⁶³. У чжурчженей стрела ранее выполняла функции удостоверяющего документа, служила знаком-сигналом сбора войск. И в первые годы правления Нурхацы существовала практика, «посылая стрелу, просить войска». Просьба постепенно переросла в приказ, упоминания «стрел-приказов» — «лин-цянь» встречаются в старой маньчжурской хронике «Мань вэнь лао дан». Стрела служила также извещением о прибытии на рынок торговца лошадьми¹⁶⁴.

Ниру стала основной воинской единицей в армии маньчжуров, одновременно она была основной единицей распределения населения Маньчжурского государства и органом производственной деятельности включенных в нее людей. Как воинская единица ниру должна была иметь 300 здоровых совершеннолетних мужчин, военнообязанных, «хаха». Одновременно она являлась земледельцами и пастухами. Хуантайцзи, сравнивая китайские войска Мин и маньчжурские, говорил: «Простые люди в государстве Мин сами заботятся о средствах к существованию. Войска, будучи за границей, совершенно лишены семьи, хозяйства и существуют лишь на деньги и продовольствие, получаемые от казны. В моем же государстве люди, когда они выступают на поход, становятся солдатами, а когда возвращаются, становятся обычными людьми, они пахут землю и воюют, делают два дела и никогда не пренебрегают хоть одним из них»¹⁶⁵.

До завоевания Китая совершеннолетними считались мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. Часто возраст, а точнее, рост определялся палкой в 5 чи, и доросших до ее размеров считали годными для службы¹⁶⁶. Позже военнообязанными («дин») считались мужчины с 18 лет. Первоначально численность ниру была непостоянной. В 1610 г. Нурхацы подчинились 19 поселений (воцзи) Восточного моря. В их числе совершеннолетних было более тысячи. Из этих воцзи образовались шесть ниру, в этих ниру имелся очевидный некомплект военнообязанных. Шесть из 19 глав поселений стали ниру «эчжэн». В «Цин ши гао» имеется ряд примеров образования ниру. Предки некоего Бадули «из поколения в поколение жили в Тунцзя и наименование этой местности взяли своей фамилией. В начале периода правления Тянь-мин Бадули вместе со своим младшим братом Мэнату пришел и покорился. Тай-цзу приказал занести их подданных в списки и образовать две ниру и повелел старшему и младшему братьям раздельно управлять их народов. Их приписали к маньчжурскому белому зна-

мени»¹⁶⁷. «Предки Канголи из поколения в поколение жили в Намудулу и наименование этой местности сделали своей фамилией. В год гэн-моу Тай-цзу приказал Эиду во главе тысячи человек идти походом на воцзи Восточного моря. Эиду покорил Намудулу, Суйфэнь, Нингута и Нимача — четыре дороги. Кангули в то время был главой поселения («туньчжан») дороги Суйфэнь. Со своим младшим братом Какудули и другими тунчжанами Минаньту Баянь, Саайхулча, Илэчжэнь... и другими 19 людьми во главе своих совершеннолетних подданных числом более тысячи покорились. Тай-цзу устроил для них пир, пожаловал им золото, поделил и образовал шесть ниру и приказал быть ниру эчжэн»¹⁶⁸.

Списки населения в ниру уточнялись по китайскому образцу раз в три года — учитывались вновь родившиеся, умершие, беглые, произошедший раздел семей, смена места жительства, привлечение на службу, наличие или отсутствие воинского снаряжения. В каждой ниру воины составляли примерно треть ее состава.

Ниру создавались из кланов («мукунь») и поселений («гашань»). Бывший глава клана мукуньда или правитель поселения гушуньда становились ниру эчжэн — чиновниками, администраторами и офицерами формировавшегося Маньчжурского государства. Процесс образования ниру лапидарно описан в «Цин ши гао»: «В первые годы правления Тай-цзу, когда поднимали войска, то обязанных службой и тех, кто подчинился, заносили в списки и составляли из них ниру. Назначали ниру эчжэн командовать таким отрядом»¹⁶⁹. Были ниру, сформированные из людей разной этнической принадлежности. Хотя ниру формировались по числу военнообязанных, учет в них велся по дворам. Люди из одного ниру обязательно жили вместе. Воины в мирное время не имели права покидать свои ниру. По подсчетам Чэнь Вэньши, из 265 первых ниру 97 были созданы из сородичей, людей, проживавших на одной территории и принадлежавших к одному клану, их эчжэни также были их сородичами. Из людей, проживавших на одной территории, но не принадлежавших к одному и тому же клану, был сформирован 31 ниру. Их эчжэни являлись земляками. Жители одной территории составили 37 ниру, но их эчжэни происходили из другой местности и не были связаны с ними ни родством, ни территориально. Чэнь Вэньши делает вывод, что на первых этапах преобладали ниру, созданные на основе племенных, кровно-родственных связей¹⁷⁰.

Известно, что еще с 1589 г. Нурхацы «среди своих стал титуловаться ваном»¹⁷¹. В 1596 г. он принял титул «государь государства чжурчженей караула Цзяньчжоу, покоритель иноземцев». Он считал свое государство равным китайскому и объявил об этом корейским послам. В 1603 г. Нурхацы перенесли столицу из Фэйяла в Хэтуала (кит. Синцзин, ныне Синьбинлаочэн, пров. Ляонин, КНР). В это время в переписке он именует свое государство «государством Цзяньчжоу», а себя титулует «ваном государства Цзяньчжоу и других местностей».

Росту маньчжурской государственности способствовали союз с восточными монголами и признание последними власти Нурхацы. В 1606 г. монголы поднесли Нурхацы титул «кундэлэн хана» («почитаемый император», равный в китайской интерпретации «шэнь у хуанди», титулу императора мудро-

го и воинственного). По-маньчжурски в эти годы Нурхац именовался «сурэ бэйлэ» или «сурэ хан» — «мудрый хан». Идеологи молодого и оущающего свою силу Маньчжурского государства, утверждая права своего государя на государство и ханский престол и намекая на упадок Мин, широко пропагандировали идею о правителях, один из которых «из малого стал великим», а другой «из великого стал ничтожным». Сподвижниками Нурхаца на первых порах его деятельности были его младший брат Шурхац и старший сын Чуин. Чуин, бэйлэ и хунбатур, имевший титул «архату тумэн» («человек широких замыслов»), до 1610 г. являлся вторым лицом после Нурхаца в государстве маньчжуров. Престиж члена правящего клана в то время (до 1610 г.) определялся правом отдавать приказы. Во владениях маньчжуров приказы рассылались трем мукуням, 37 татаням и 371 дороге. Каждый татань ведал 10 дорогами. Нурхац отдавал приказы одному мукуню, 4 татаням и 40 дорогам, и Чуин отдавал приказы одному мукуню, 4 татаням и 40 дорогам. Нурхац отдавал приказы одному мукуню, 3 татаням и 26 дорогам. Прочие дороги были отданы остальным сыновьям Нурхаца и его племянникам¹⁷². После 1610 г. сведения о Чуине исчезают из хроник, в 1615 г. Чуин в возрасте 36 лет внезапно умер в тюрьме.

Важным этапом в становлении Маньчжурского государства стал 1615 г. Он был ознаменован введением системы знамен, завершившей социально-структурное и административное оформление Маньчжурского государства. «Поскольку верховный правитель уничтожил или умиротворил все государства, он над каждым тремястами людей поставил одного ниру эчжэна, над каждым пятью ниру одного чжала эчжэна, над каждым пятью чжала эчжэнами одного гуса эчжэна. При каждом гуса эчжэне слева и справа поставил двух мэйлэ эчжэней. Вначале было учреждено четыре знамени, различавшихся по цвету: желтое, красное, голубое, белое. В это время дополнительно создали еще четыре знамени, предложив в дополнение к цвету знамени сделать к ним кайму. И всего стало восемь знамен»¹⁷³. Кайма у желтого, белого и голубого знамен была красной, у красного — белой. В 1626 г. Нурхац так объяснял бэйлэ смысл создания системы знамен и ниру: «По вашему мнению, поскольку в государстве много людей, то трудно повсюду держать их под контролем. Поскольку в пределах целого государства трудно знать все о людях, то, если распределим их по восьми знаменам, число их в каждом знамени уже станет меньшим. В каждом знамени распределим между пятью чжала, и число их, находящихся под управлением каждого чжала, еще более сократится. В каждом чжала еще разделим их на пять ниру. Число их в каждой ниру станет еще меньшим. От ниру эчжэн и до командира десятка заставим их контролировать друг друга. Каждый из начальников в отношении подчиненных ему людей станет управителем, живущим на самообслуживании. И так вплоть до рабов и слуг. И не будет тех, до кого не доходили бы в деталях все распоряжения. Если дурные поступки окажутся непременно наказанными, то воровство и разбой прекратятся, ибо, начиная с этого времени, как они смогут существовать?»¹⁷⁴.

В конце 1615 г. были созданы судебные органы государства. «Стало правилом, что восемь великих са-

новников («да чэнь») и сорок чиновников, решавших дела, не употребляя вина, мяса и рыбы, не требуя золота и денег, каждые пять дней собирали всех бэйлэ, всех великих сановников и в Ямыне (присутственном месте) обсуждали истинное и ложное в делах, справедливо выносили приговоры». Суды были введены одновременно с системой восьми знамен. В каждом знамени имелся орган суда, состоявший из бэйлэ знамени и пяти чиновников, решавших дела. Этот суд, как и верховный, о котором речь шла выше, собирался раз в пять дней¹⁷⁵.

В 1616 г. Нурхац официально принял титул хана. Весной этого года «четверо великих бэйлэ — Дайшань, Амин, Мангуртай и Хуантайцзи — и бэйлэ—великие сановники восьми знамен, возглавив своих подчиненных, собрались перед дворцом и выстроились раздельно по знаменам. Государь вззошел в дворцовый павильон и поднялся к императорскому трону. Все бэйлэ и подданные пали на колени. Восемь великих сановников вышли из рядов, встали на колени и подали свидетельство на титул. Приближенный государя охранник-гвардеец Адуню и бакши Эрдэни приняли свидетельство на титул. Эрдэни встал на колени перед государем и зачитал текст свидетельства на титул, в котором государь почтительно титуловался Основавшим державу мудрым императором. Затем государь воссел на трон, были возжены курения и сделан доклад Небу. Весь штат чинов во главе с бэйлэ совершил три коленопреклонения с девятью поклонами. Император поднялся с императорского трона, и все бэйлэ — великие сановники, каждый с подчиненным ему знаменем, поздравили его. Был введен первый год девиза царствования Тянь-мин (Получивший мандат Неба), и текущий год был обозначен как первый год девиза царствования Тянь-мин»¹⁷⁶. Государство получило наименование Хоу Цзинь (Позднее Цзинь), точнее, второе Цзинь, после первого государства чжурчжэней. По корейским свидетельствам, на печати Нурхаца-императора имелся такой текст: «Печать императора государства Позднее Цзинь, правящего под девизом царствования Тянь-мин». По-маньчжурски титул Нурхаца звучал как «амба генг-гиен хан» и значил «великий и мудрый хан». Маньчжурское «генг-гиен» сопоставимо с монгольским «гэгэн» — «светлый», «яркий». Монгольское «гэгэн» являлось «именем, которое давалось при посвящении в веру». Таким образом, как полагает Самуэль Группер, в ханском титуле Нурхаца слова «генг-гиен» могли означать посвящение его в буддийскую веру»¹⁷⁷. Китайские пограничные чиновники докладывали минскому двору: «Правитель Ну узурпировал титул, назвался ханом государства Хоу Цзинь, объявил девиз царствования Тянь-мин. Китай называет Южной династией. Надел желтые одежды. О себе говорит: «Мы, государь»»¹⁷⁸. В хронике династии Мин записано: «Самоуправно осмелился основать государство, сменил девиз царствования, зовется государем»¹⁷⁹. Ян Чуннянь полагает, что поскольку в «Мань вэнь лао дан» нет записи о введении девиза царствования Тянь-мин с 1616 г. и наименование государства Хоу Цзинь, то в 1616 г. ни девиз царствования, ни новое наименование государства еще активно не употреблялись. В широкий обиход они вошли с 1619 г., после победы маньчжуров над китайцами в битве при Сарху¹⁸⁰. Это соответствует и записи в минской хронике, где

слова «сменил девиз правления» помещены под 1619 г.¹⁸¹ Есть мнение, что наименование государства маньчжуров «Да Цзинь го» появляется в источниках только с 1621 г., а не в 1616 г. В 1616 г. Нурхацци стал титуловаться ханом, но в тот год государство свое Хоу Цзинь он не именовал и девиза царствования не объявлял. В 1618 г. Нурхацци еще титуловался ханом государства Цзяньчжоу. В 1619 г. впервые в источниках появляются его девиз царствования Тянь-мин и название государства Хоу Цзинь. В 1621 г. появляется наименование государства Да Цзинь.¹⁸² Вероятно, этот вопрос требует доисследования, особенно с учетом различного употребления наименования государства в переписке с Китаем и внутри страны.

К 1616 г. сложилась следующая структура органов управления государством маньчжуров. Император правил как представитель правящего рода Айсинь Гиоро, его братья, сыновья и племянники, бэйлэ (князья) составляли совет при нем и его опору, занимая высшие должности в государстве. Бэйлэ, не являвшиеся главами знамен и не участвовавшие в обсуждении государственных дел, назывались «гуса эджлехеку биме доро бе ахила бэйсэ». К 1616 г. уже сложился институт «четырех великих бэйлэ» — «хошой бэйлэ» («хошо» — четыре угла, как уже говорилось, юго-восток, северо-восток, юго-запад и северо-запад). Это были командующие четырех первоначальных знамен. Когда знамен стало восемь, восемь бэйлэ стали именоваться «хошой бэйлэ», или «гуса бэйлэ», но «четырех великих бэйлэ» (первоначально это сам Нурхацци, Шурхацци, Чуин и Дайшань, затем — Дайшань, Амин, Мангуртай и Хуантайцзи) сохранили свое особое и более высокое при государе положение, составляя «четыре великие опоры» ранних лет Маньчжурского государства.

Желтое знамя и желтое знамя с каймой возглавлял лично Нурхацци; Дайшань, имевший титул гуин батур, был главой обоих красных знамен. Чуин, обладавший титулом хунбатур, командовал белым знаменем. Как мы упоминали, в 1615 г. Чуин был казнен. После реформ 1616 г. оба белых знамени возглавил Хуантайцзи (Абахай). Голубыми знаменами сначала командовал Шурхацци. В 1611 г. Шурхацци умер. Его преемником стал Амин, возглавивший оба голубых знамени. Центральный исполнительный орган власти в годы правления Нурхацци составляли пять джаргуци, или пять великих сановников, — Эиду, Фэйиндун, Дарханся, Хэхэли, Аньфэйянгу. С 1621 г. четыре великих бэйлэ помещались в очередь исполняли обязанности главы правительства¹⁸³. После овладения Мукденом (современный г. Шэньян) в 1621 г. Нурхацци приказал бэйлэ и пяти джаргуци раз в пять дней собираться в судебном ямыне и проводить разбирательство тяжб. Система суда именовалась «система трех этапов», или «троекратная система». Было установлено, что восемь бэйлэ и восемь стоящих ниже их великих сановников, а также стоящие еще ниже «все сановники» собираются раз в пять дней в ханской ставке, в ямыне, в котором производился суд. Возжигались курения Небу и совершались ему поклонения («коу тоу»), после чего высшие чины государства, разделившись на «три ступени», вершили суд. Лю Шичжэ полагает, что «три ступени» суда — это прохождение дел от «всех сановников» к восьми высшим сановникам и от восьми высших

сановников к восьми бэйлэ. В 1622 г. порядок прохождения дел был уточнен. Дело вначале решалось начальником крепости, городка, представителем местной власти, затем поступало при необходимости чиновникам, именовавшимся по-китайски «цзяньцзян», или «юйцзи», и уже только после этого в случае нужды пересылалось в верховный столичный суд. Окончательный приговор чаще всего выносили восемь бэйлэ, и только об особо тяжких преступлениях докладывали хану. С 1622 г. наряду с восемью высшими сановниками-маньчжурами появились восемь высших сановников-монголов и восемь высших сановников-китайцев.

Сохранились некоторые ранние маньчжурские законы. С момента выступления в поход войны не имели права покидать свои ниру и знамена; в противном случае виновных казнили, а с командиров ниру брали в качестве штрафа лошадей. Захваченных в походе добычу и пленных надлежало свозить в столицу и там делить. Нарушивших закон и присвоивших пленных либо трофейное имущество подвергали штрафу или казнили¹⁸⁴. Люди не могли беспричинно покидать свои поселения. Беглых обычно казнили: по закону от 1626 г. «каждый пойманный беглый, если он уже покинул семью, подлежит смерти»¹⁸⁵.

Любопытны законы о торговле. Лавки должны были быть зарегистрированы властями, имя хозяина вырезали на камне или доске, которые выставлялись или подвешивались при входе в лавку. Власти выдавали удостоверение на право торговать, с торгового оборота взимался налог в размере одной монеты с лян. Власти устанавливали и цены на некоторые товары, например на пригоняемый монголами на продажу скот. Ремесленникам, изготовлявшим оружие, в том числе и китайцам, разрешалось продавать товар только маньчжурам и запрещалось продавать китайцам.

Бэйлэ, нарушившего время явки на аудиенцию к хану, штрафовали бараном, с прочих служилых людей (кроме чиновников и военных) за это брали денежный штраф, наказывали пятью ударами плетью. За кражи отрезали уши, нос или предавали смерти. Поднявший руку на родственника хана подлежал смерти. За драки, в зависимости от их исхода, приговаривали к смертной казни, битью плетью, назначали штраф и выплату компенсации. При выборе наказания учитывались социальный статус подравшихся, их родство, использование и неиспользование в драке оружия. За чрезмерное пьянство штрафовали. Со знатного человека брали лошадь, с людей «среднего состояния» — быка, с людей «низкого состояния» — овцу¹⁸⁶. Как предполагает Лю Шичжэ, вопреки сообщению «Цин чао вэньсянь тун као» о том, что «в начальный период существования государства не составляли книг законов»¹⁸⁷, такие книги с текстами законов существовали¹⁸⁸.

В 1636 г., уже следуя нормам китайского права, Хуантайцзи, преемник Нурхацци, запретил близким родственникам доносить друг на друга. Отныне сын на отца, жена на мужа, брат на брата могли доносить в том случае, если дело касалось мятежа и измены, побега или проявления непочтения к хану и бэйлэ. До этого, в 1630 г., также под влиянием китайского права был запрещен обычай левирата и вступление в брак между людьми, принадлежавшими к одному роду¹⁸⁹.

В армии Нурхаци ввел систему наград и наказаний. «Государство, — поучал Нурхаци, — должно наградами поощрять преданность и наказаниями устрашать... Если кто имеет заслуги, пусть он презираем до отвращения, возвысь его наградой, незамедлительно сделай богатым и знатным. Если кто-то совершил преступление, пусть он знатен до того, что твой родственник, непременно казни его»¹⁹⁰.

До этого все маньчжуры носили зимой шубы, на голове меховые шапки с ушами, сапоги ула желтого или черного цвета. Дорогой считалась одежда из хлопчатобумажных тканей, холста и шелка. В 1623 г. Нурхаци ввел различие в одежде для служилых и неслужилых людей, т. е. форменное платье для своих сановников и чиновников. Великие сановники обязаны были носить жалуемые ханом пояса, летние шапки с «золотой» макушкой и «хорошую» одежду. Различие в ранге определялось по макушке шапки. Так, охрана бэйлэ, помимо «хорошей» одежды, носила шапки с макушкой в виде цветка хризантемы, знать без чинов — темные шапки с макушкой также в виде цветка хризантемы. Теплая верхняя одежда знати должна была быть синего и голубого цвета, неслужилой знати запрещалось носить одежды из шелка¹⁹¹.

Весной гражданские администраторы, пять великих сановников, разъезжали на места наблюдать за сельскохозяйственными работами. П. Коррадини была высказана мысль, что гражданская администрация — «пять великих сановников» и «десять джаргучи» — подчинялась не хану, а совету бэйлэ. Они находились вне знаменной организации. Дела готовились и решались по цепочке — от джаргучи к великим сановникам, от великих сановников к бэйлэ. Бэйлэ же командовали войсками, имели военную власть, они одни могли обращаться прямо к хану и, обладая властью и военной, и гражданской, держали всю власть в своих руках¹⁹². По появившемуся и отраженному в документе, именуемом по-китайски «хань-юй» («указ хана»), первоначальному замыслу Нурхаци, организация высших органов власти должна была быть такова: восемь бэйлэ совместно решают дела. Они назначают восемь великих сановников-маньчжуров, восемь великих сановников-монголов и восемь великих сановников-китайцев. Каждому из этих великих сановников подчинены по восемь чиновников-исполнителей, также соответственно маньчжуров, монголов, китайцев. Дела от чиновников-исполнителей должны были поступать к великим сановникам, а от великих сановников к восьми бэйлэ для окончательного решения. Хан решает дело с восемью бэйлэ. Восемь бэйлэ выбирают нового хана, если преемник не будет назван прежним ханом¹⁹³. Эта модель подтверждает точку зрения П. Каррадини, но, как полагают, последовательно она не проводилась в жизнь¹⁹⁴.

Главой знамени являлся «гуса эчжэн» (поздний китайский эквивалент этого чина — датун). В идеале знамя состояло из 25 ниру, хотя есть мнения, что в знамени было 30 ниру. Пять ниру объединялись в джала, пять джала — в знамя. У главы знамени были два помощника: левый мэлэ эчжэн и правый мэлэ эчжэн. Главой пяти ниру являлся «джала эчжэн». Если «ниру» условно переводят как «рота», то «джала», объединение пяти ниру, — как «полк». При каждом знамени имелась канце-

лария, которая вела делопроизводство знамени. Ниру делились на четыре «татань»¹⁹⁵. К сожалению, о татань, военно-административной единице меньшей, чем ниру, ничего неизвестно. В государстве имелись еще «киру» (глава киру эчжэн) — маленькие знамена. Полагают, что маленькое знамя киру было даже меньше ниру¹⁹⁶. Глава селений и кланов, подчиненных ниру, назывался бошику.

В 1620 г. маньчжурские воинские чины были дополнены китайскими. Это были чины «цзунбингуань» (управитель всех военных дел), «фуцзян» (заместитель генерала), «бэйюй» («всегда готовый к обороне, к отражению врага»). Чин бэйюй стали получать ниру эчжэни. Эти чины были в 1634 г. отменены¹⁹⁷.

Возможно, в первые 10 лет существования системы ниру, если не всех, то большинство мужчин в ниру призывали на военную службу. Но при Хуантайцзи было твердо установлено из трех взрослых здоровых мужчин на военную службу забирать только одного. «В каждой ниру их трех маньчжуров одному разрешается надевать доспехи. Нормой является 60 человек. Независимо от того, сколько людей в этих ниру, на службу в армию забирают одного человека из трех»¹⁹⁸. Позже каждая нируставляла отряд примерно из 130 чел., в котором кроме ниру эчжэня было пять его помощников, 17 солдат охранения, 20 конных латников, 80 пехотинцев, кузнец, мастер-лучник и снабженцы¹⁹⁹.

Предметом спора, в принципе не решенного, является вопрос о том, трудились ли воины на земле. На него положительно отвечает большинство исследователей, основывающихся на общих соображениях о том, что ниру были военно-административными и хозяйственными ячейками государства. Однако, по мнению Ма Фэньчэнь, воины, возвращаясь домой в свои ниру, землю не пахали, а занимались прежде всего приведением в порядок воинского снаряжения и коней²⁰⁰. Работали не призывавшиеся в армию («оставшиеся обязанные», «юй дин») и рабы.

Ниру делились на внешние и внутренние. Внешние ниру состояли из казенных семей и несли повинности в пользу государства. Внутренние, или «боой ниру», несли повинности в пользу частных лиц (бэйлэ, великих сановников и т. п.). Положение людей в боой ниру было более тяжелым: эти ниру формировались прежде всего из военнопленных. Люди полностью зависели от хозяина ниру: он определял повинности, ведая расселением, разрешал вступать в брак²⁰¹. Знаменные делились также на «линху», или «чжэнху», — «особые», «подлинные», «чистые» семьи — и на «кайху» — «вновь созданные семьи». Кайху — это семьи, создававшиеся из отпущенных на волю рабов, которые принадлежали ранее «чистым» семьям. Кайху получали волю за военные заслуги перед хозяином: например, если раб, сопровождая хозяина в походе, пал в бою, защищая хозяина, последний мог отпустить на волю его сыновей и братьев; за храбрость в бою: если, например, раб первым поднялся на стену вражеского города, государство давало ему свободу, выкупив его у хозяина. Кайху могли стать рабы, оставшиеся по тем или иным причинам без хозяина, наконец, в кайху записывали людей, оказавшихся почему-либо вне всякого учета, людей «бесхозных». Хотя кайху не являлись рабами, по социальному статусу они были ниже

людей из «чистых» дворов, «по той причине, что они ранее были занесены в списки презиаемых»²⁰².

В 1626 г. Нурхацци умер. Он не успел или не захотел назначить преемника. Соперничество за престол развернулось между Дайшанем и Хуантайцзи, который при Нурхацци последнее время вел корейские дела. Ханом стал Хуантайцзи (Абахай). Еще при жизни Нурхацци отдал большую часть своих ниру сыновьям Ацзиге, Доргоню и Додо, каждому по 15 ниру желтого знамени. Хуантайцзи добавил Додо еще 15 ниру и назначил его главой белого знамени. Ацзиге стал главой белого знамени с каймой. Доргонь знамени не получил, оставшись бэйлэ без знамени, участвующим в обсуждении дел правления. Таким образом в стране подняли значение белых знамен. Через несколько лет, отстранив от власти Амина, Хуантайцзи отдал оба голубых знамени Цзиргалану. Себе же он взял оба желтых знамени. Затем он отобрал одно голубое знамя у Цзиргалана и из двух желтых знамен и одного голубого создал три особых, или главных, знамени, именованных еще иногда верхними²⁰³.

В русской и европейской литературе Хуантайцзи известен более под именем Абахай. Не столь давно проф. Джованни Стари предположил, что такого имени у Хуантайцзи не было, появление его — ошибка, допущенная русским маньчжуроведом и китаеведом Г. Г. Горским²⁰⁴. Однако американский исследователь С. Группер доказывает, что Хуантайцзи имел имя Абахай. Оно действительно не встречается в маньчжурских и китайских источниках, но происходит от монгольского Абагай — почетного имени, которое монахи давали младшим сыновьям. Этому имени соответствует титул хуантайчжи, от которого и происходит имя Хуантайцзи²⁰⁵.

Мужские потомки Такэши, отца Нурхацци, имели один из девяти рангов: 1) хошо циньван, 2) доро цзюньван, 3) доро бэйлэ, 4) гуса бэйсе, 5) чжэньго гун, 6) фуго гун, 7) чжэньго цзяньцзюнь, 8) фэньго гун, 9) фэньго цзяньцзюнь. Перед вступлением на престол Хуантайцзи пожаловал шести своим сородичам титулы «хошо циньванов». Перед объявлением нового девиза царствования Чун-дэ три бэйлэ получили титул «доро» («доро», «истинный путь», «принцип», «закон»). Титулы хошо получили Дайшань, Цзиргалан, Доргонь, Додо, Хаого и Иото, титулы доро — Ацзигэ, Туду и Абатай. Три последних бэйлэ не командовали знаменами, а были бэйлэ, участвующими в обсуждении дел государства²⁰⁶. Хуантайцзи стал ханом не по завещанию отца, а был избран своими сородичами. К идее избрания хана, возможно, склонялся еще Нурхацци незадолго до своей кончины²⁰⁷. Новый хан и его сородичи дали обоюдную клятву: Хуантайцзи обязался не допускать непочтительного отношения к старшим братьям, любить сыновей и младших братьев. Бэйлэ-сородичи обещали преданно служить хану и государству. На общем совете великих бэйлэ три великих бэйлэ, Дайшань, Амин и Мангуртай, получили право сидеть с ханом как равные. На восьмой день после восшествия на ханский престол Хуантайцзи назначил в каждое знамя командиров и помощников, произведя перестановки, о которых мы упоминали, и некоторые другие. Он повелел пяти великим сановникам и десяти джаргучи раз в пять дней являться ко двору. Особую власть в первые годы его правления приобрели пять великих сановников, они, по словам ис-

точника, «смели делать и смели говорить невзирая на лица. Знали только хана и не признавали прочих людей, знали только государство и не признавали семьи»²⁰⁸. В 1631 г. великий бэйлэ Амин за плохое руководство войсками был лишен титула великого бэйлэ. Это привело к тому, что совместное сидение «четырех великих бэйлэ» (хана и трех бэйлэ, сидящих с ним как равные) было ликвидировано. Если раньше хан часто принимал чиновников и послов, сидя на троне лицом к югу, и вместе с ним вровень лицом к югу сидели три бэйлэ, то с 1632 г. аудиенции стал давать один хан и только он сидел лицом к югу.

К числу административных нововведений Хуантайцзи первых лет правления относится учреждение «Битхэбао» (кит. «Вэньгуань») — Секретариата. В Секретариате велось все делопроизводство государства и осуществлялись переводы документов и нужных книг. С 1629 по 1635 г. была составлена хроника правления Нурхацци²⁰⁹. При Нурхацци запись событий вели его секретари Эрдэни-бакши и Кургань. До 1632 г. все хроники писали только по-маньчжурски. Затем последовал доклад Ян Фанси-на, в котором говорилось: «Составляя историю государства, пользуются все время только письмом Цзинь и не пользуются китайским. Поскольку хан является государем цзиньцев и ханьцев, то разве о происходящих событиях должны знать только цзиньцы и не должны знать китайцы? Три истории — Ляо, Цзинь и Юань, хранящиеся в архиве — книгохранилище, все написаны по-китайски китайским письмом. Прошу с цзиньского письма переводить на китайский и составлять книги как на цзиньском, так и на китайском языках, чтобы их понимали и цзиньцы, и китайцы»²¹⁰. Хроника правления Нурхацци от 1636 г. уже была написана на маньчжурском и китайском языках. Опубликовано она была только в 1740 г.

В конце лета 1631 г. Хуантайцзи ввел систему шести министерств. Он «собрал бэйлэ и сановников и, посоветовавшись с ними, утвердил штат чиновников и создал шесть министерств. Бэйлэ Лоргонь был назначен управляющим делами министерства кадров (чиновников, ли бу), Турчэ стал его заместителем (чэнчжэн) по делам маньчжуров, Маньчжушри — заместителем по делам монголов, Ли Яньгэн — заместителем по делам китайцев. Сони стал тайным советником (цзиньлан). Бэйлэ Дэглэй был назначен управляющим делами министерства финансов (ху бу). Ингэрдэй, Гиоро Сабихань стали его заместителями, Басыхань — заместителем по делам монголов. У Шоуцзинь — заместителем по делам китайцев, Будань — тайным советником. Бэйлэ Сахалань был назначен управляющим министерства церемониала (ли бу), Бадули Цзисунь — его заместителями, Буяндай — заместителем по делам монголов, Цзинь Юйхэ — заместителем по делам китайцев, Цицунгэ — тайным советником. Бэйлэ Иото был назначен управляющим делами военного министерства (бин бу), Намутай и Екшэ — заместителями, Суна — заместителем по делам монголов, Цзинь Ли — заместителем по делам китайцев, Мунчэнэ — тайным советником. Бэйлэ Цзиргалан был назначен управляющим делами министерства наказаний (юстиции, син бу), Чаргэ и Сохай — заместителями, Дорчжи — заместителем по делам монголов, Гао Хуйчжун и Мэн Цяофан — заместителями по де-

лам китайцев, Эркэту — тайным советником. Бэйлэ Абатай был назначен управляющим делами министерства общественных работ (гун бу), Маньхуэй и Кангэлэй — его заместителями, Паннукэ — заместителем по делам монголов, Чжу Шуинь — заместителем по делам китайцев, Мяошихунь — тайным советником по делам маньчжуров, Ло Суцзинь и Ма Минпэй — тайными советниками по делам китайцев. В подчинении каждого заместителя имелось по восемь делопроизводителей (цаньчжэнов), и только в министерстве общественных работ у заместителя по делам маньчжуров было восемь делопроизводителей, а у заместителей по делам монголов и китайцев — по два. Для всех шести министерств число секретарей-битеши для ведения дел определялось по потребности. Всем образованным чиновникам был дан титул бакши²¹¹. Каждое министерство имело свою серебряную печать. Есть сведения, что в качестве нормативного акта, регулировавшего деятельность этих министерств, использовалось Уложение династии Мин — «Да Мин хуйдянь»²¹². По заключению П. Карродина, бэйлэ, поставленные во главе министерства, пользовались скорее властью номинальной, а «подлинная административная власть была в руках низших чиновников, назначаемых императором». Исследователь исходил из того, что в течение уже первого месяца создания министерств министров-бэйлэ не было на месте, в столице, и штат чинов формировался без их участия. Включение в штат министерств чиновников монголов и китайцев еще до создания монгольских и китайских знамен являлось первым свидетельством признания маньчжурами многонационального характера своего государства²¹³. Несколько позже штат министерства состоял из министра, шиланов (заместителей министра)²¹⁴, тайных советников, или вице-директоров (писиньлан)²¹⁵, секретарей-битеши. Это был типовой штат. Помимо этого, в министерстве кадров имелись еще чэнчжэны (исполнители, администраторы)²¹⁶. В данном министерстве чэнчжэн по своему положению был старше шилана. В министерстве финансов имелось 10 начальников складов (панчжанов) и 12 управляющих налогообложением (шуйкэчжан).

Становление маньчжурского государства как многонационального прошло ряд этапов. Напомним, что в 1621 г. была создана первая монгольская ниру, а в 1622 г. — монгольское знамя. В 1635 г. было организовано восемь знамен из монголов, цвет знамен был тот же, что и у маньчжуров. В 1631 г. создали китайское знамя. Китайская армия именовалась «учжэн кооха» («тяжелые войска»), так как в ней имелось больше всего пушек. Цвет китайского знамени был черный. В 1637 г. Хуантайцзи учредил два китайских знамени, а в 1639 г. — еще два. На 1639 г. имелось четыре китайских знамени: черное, желтое с каймой, белое с каймой и красное с каймой. Наконец, в 1642 г. было объявлено о создании восьми китайских знамен, и цвет их стал тот же, что и восьми знамен маньчжуров. Черное знамя было упразднено. В Маньчжурском государстве существовала официальная шкала ценности человека в зависимости от его национальной принадлежности. Десять корейцев стоили меньше одного монгола, а десять монголов — меньше одного маньчжура²¹⁷.

В 1633 г. Хуантайцзи сформулировал следующие требования к ниру эчжэн. Глава ниру был обязан: 1) лично осматривать вверенные ему территории, 2) следить за состоянием полей и жилищ своих подчиненных, 3) следить за тем, чтобы поля засеивались с учетом особенностей данной местности и плодородия ее почв, 4) следить за быками, которыми пахали землю, 5) за своевременной вывозкой на поля удобрений, 6) вовремя заменять пахарей одиноких и разорившихся, 7) организовывать сбор налогов и привлечение людей из своей ниру к трудовой повинности, 3) обучать мужчин ниру стрельбе из лука²¹⁸. Как видим, организация хозяйственной деятельности была поставлена на первый план. До 1636 г. глава ниру лично наказывал и награждал людей из своей ниру. С 1636 г. за ним были оставлены лишь «малые награды» и наказания, а «большие» перешли в ведение министерств.

В 1632 г. в городах ввели должностей градоправителей — «чиновников — защитников городов» («чэншоу гуаньюань»). Градоправитель служил три года. После трех лет службы его вызывали в Мукден для оценки его деятельности. Градоправитель являлся одновременно и гражданским начальником, и командиром гарнизона, военачальником²¹⁹. По некоторым данным, в 1635 г. официально вместо «чжурчжэни» было введено название господствующей народности государства — маньчжур²²⁰.

Земля в Маньчжурском государстве подразделялась на четыре категории: 1) албан (ханские земли), 2) земли бэйлэ и высших чиновников, 3) земли ниру, 4) земли, жалованные маньчжурам и иным лицам, не чиновникам. Грубо говоря, земли ханские и ниру являлись казенными, а земли бэйлэ и чиновников, прочие, жалованные за службу и не за службу, — частными или имели тенденцию стать частными. По указу Нурхаци от 1621 г. один жи (примерно 0,36 га) казенной земли были обязаны обрабатывать трое тяглых. Весь доход с этого жи отходил, вероятно, в казну. Каждому тяглому давали 5 жи земли под разные продовольственные культуры и 1 жи земли под хлопок²²¹. В 1625 г. установили, что 30 тяглых-мужчин и семь быков образуют одно хозяйство («чжуантоу»). Хозяйству выделялось 100 жи земли. Урожай с 20 жи изымался на казенные нужды, прочий — шел на личное потребление тяглых и членов их семей²²². Двадцать тяглых кормили одного казенного быка и одну казенную лошадь. Было также положено с каждой ниру, с 300 тяглых брать 200 ху зерна, из которых 100 отправлять в столицу, Мукден, а 100 ху на склады зерна в г. Хайчжоу²²³.

Поместья были вотчинами бэйлэ. Те из них, которые возглавляли министерства, первое время не посещали ямыня и часто вели дела, сидя дома. Известен текст императорского указа, в котором говорилось: «Сановникам-конфуцианцам Секретариата, маньчжурам и китайцам шести министерств, а также тайным советникам-цзиньланам ходить в присутствии, где приказано сидеть в соответствии с чином. ...Известно, что ныне большинство бэйлэ ведут дела у себя дома. Зачем тогда устраивали ямынь?»

До 1631 г. знаменные войска выступали в поход во главе с ханом; хан, естественно, являлся главнокомандующим. А если он в походе лично не участвовал, то главнокомандующего не назначали, все дела совместно решали все участвующие в походе

бэйлэ. С 1631 г. в каждом походе, в котором участвовал сам Хуантайцзи, он стал назначать главнокомандующего, лично ответственного за успех или неудачу похода. В 1634 г. Хуантайцзи ввел в армии деление по родам войск: конница, пехота, войска боевого охранения (авангард, артиллерия, охранные войска, пограничные войска, вспомогательные войска). Кроме этого существовали отряды, именуемые баяра, — личные войска хана и бэйлэ. Первый артиллерийский дивизион маньчжурской армии был сформирован из китайцев и корейцев. С введением артиллерии изменилась тактика боя. С 1631 г. маньчжурские войска штурмовали города Мин только после артиллерийской подготовки.

Монгольские войска были поделены на армии правого и левого крыла. Совершив успешный поход на чахаров и заполучив печать императоров юаньской династии (так называемую печать Чингисхана), заключив клятвенный союз с восточными монголами, Хуантайцзи решил принять титул императора (хуанди). Не ханом, а императором-хуанди, пав на колени, троекратно просили Хуантайцзи стать 78 знатных маньчжуров, подчинившиеся монголы, китайцы. Были поданы три просьбы: на маньчжурском языке Догонем, на монгольском — тушэту-джинонгом Бадиром, на китайском — командующим китайской армией Кун Юдэ. 14 мая 1636 г. состоялась торжественная церемония принятия императорского титула. Хуантайцзи принял титул щедрого и ласкового, человеколюбивого и священномудрого императора. Свою династию он назвал Дай Цин (Великая Чистота, Непорочность)²²⁴ и сменил девиз царствования Тянь-цун (Чуткий, внимательный к повелениям Неба) на Чун-дэ (Накопленная благая сила дэ)²²⁵.

По восшествии на императорский престол в том же 1636 г. Хуантайцзи учредил орган контрольной власти Дучаюань. Это управление обязывалось следить за работой чиновников шести министерств и властей на местах, в ниру, бороться с фактами их безнравственного поведения (пьянство, разврат), со взяточничеством, несправедливостью. Чиновники Дучаюань выявляли также случаи выражения непочтения к правящей династии, нарушения в ношении предписанной формы одежды и головных уборов. Дучаюань, как и Юйшитай в Китае, по образцу которого он был создан, имел право контроля судебной деятельности местных властей. В том же 1636 г. секретариат Вэньгуань преобразовали в три канцелярских ведомства — три канцелярии по ведению внутриворцовых дел (Нэйсаньюань). В их число вошли: 1) Нэйгоюань — внутриворцовая канцелярия государственных дел, ведавшая повседневной записью деяний императора, перепиской императора, военными делами, составлением текстов молитв и докладов в храме Неба, официальных поздравлений и памятных надписей. Эта же канцелярия вела всю секретную документацию, оформляла документы аттестации и перемещения чиновников по службе, ведала выдачей печатей; 2) Нэймишюань — внутриворцовая канцелярия, секретариат в собственном смысле слова. Эта канцелярия вела дипломатическую переписку, рассматривала доклады местных управлений, ямыней, ведала составлением указов императора, его распоряжений, отдаваемых гражданским и военным чиновникам; 3) Нэйхун-вэньюань — канцелярия составления пространных

(обширных) записей. Занималась комментированием и оценкой текущих и свершившихся событий и представляла свои заключения императору. Эта же канцелярия ведала образованием великих князей.

В 1638 г. был изменен штат министерств. В каждом министерстве отныне имелись следующие должности: бэйлэ (министр); чэнчжэн — заместитель министра (один); левый и правый цаньчжэн («тот, кто принимает участие в управлении»²²⁶, по 4—6 в каждом министерстве); лишигуань (администратор²²⁷, управляющий делами, в разных министерствах их было 4—10); фулишигуань (заместитель администратора, управляющего делами, 6—16 в разных министерствах); цисиньлан (тайный советник, в каждом министерстве их было не более трех, один из цисиньланов был обязательно маньчжур, двое — китайцы); чжуши (секретари²²⁸, по два в каждом министерстве). Число чиновников после реформы 1638 г. возросло с 132 до 179 чел.²²⁹ Министрами, бэйлэ, и заместителями министров, чэн-чжэнами, могли быть только маньчжуры, на эти должности не назначались ни монголы, ни китайцы. В делопроизводстве использовались два языка, маньчжурский и китайский. На должность цисиньлана назначали также только маньчжуров или китайцев. Это отражало общую тенденцию снижения роли монголов в Маньчжурском государстве после завоевания Чахарского ханства маньчжурами при возрастании роли китайцев. По подсчетам Чэнь Вэньши, среди высших чиновников Маньчжурского государства после 1638 г. маньчжуров было 59 %, китайцев — 27, монголов — 13 %²³⁰. Еще до 1638 г. в администрации Маньчжурского государства существовало особое управление монголами (мэнгу ямынь). В 1638 г. оно было преобразовано в Лифаньюань, управление чужеземцами.

Нурхаци незадолго до смерти ввел в администрацию знамени должность учителя, бакши. Бакши учил знаменных грамоте. Хуантайцзи приказал учиться грамоте всем мальчикам, детям руководства ниру и старших начальников в возрасте от 8 до 15 лет. Это были будущие кадры чиновников и военачальников из Китая. Экзамены стали сдавать маньчжуры, монголы, а также китайцы, в том числе конфуцианцы. В 1634 г. помимо лиц, экзаменовавшихся на родном языке, уже имелись маньчжуры, которые экзаменовались по китайской словесности и китайцы, которые экзаменовались по словесности маньчжурской. К 1629 г. относится первый указ Хуантайцзи о переводе китайских книг на маньчжурский язык. Дахаю, Суркэю Гушиахуану, Тобчи поручили перевод минского свода законов «Да Мин хуйдянь». После создания шести министерств, когда в ходе их деятельности выяснилось, что минские законы не во всем подходят для создания правовой основы высших исполнительных органов государственной власти, была, что и естественно, выдвинута идея о выработке собственного корпуса цинских законов. Для этой цели были заказаны переводы китайских классических книг и исторических сочинений. В 1635 г. поступил приказ перевести на маньчжурский язык истории династий Ляо, Цзинь, Сун и Юань. Книги с историями не китайских династий и историей их отношений с китайской династией Сун были получены из Кореи. Одновременно делались переводы истории династии Тан, предшественницы киданьской дина-

стии Ляо, и танского свода правил, регулировавшего деятельность шести министерств, «Тан лю дянь».

Буддизм проник к маньчжурскому двору еще при Нурхаци. Народы региона были знакомы с ним уже более тысячелетия. После 1615 г. маньчжуры построили семь больших буддийских храмов²³¹. Судя по установленной в 1630 г. в г. Ляояне стеле с надписями на маньчжурском и китайском языках, где-то до 1621 г. Нурхаци назначил ламу Олуг Дархан Нангсо наставником буддийского учения в Маньчжурском государстве. «Как только лама прибыл к нашему народу, — говорилось там, — он встретился с императором Тайцзу, — который почитал его ритуалы и уважал его». Возможно, уже тогда между вероучителем секты гелугпа и маньчжурским ханом установились традиционные отношения «лама и его покровитель»²³². В маньчжурском тексте надписи лама Олуг Дархан Нангсо титулуется как «лама народа Айсинь». В окрестностях Ляояна был выстроен монастырь Ляньхуасы, которому хан пожаловал земли и людей. Известна тибетская идея о том, что существа в мире людей, в том числе и императоры, могут являться живыми воплощениями бодхисаттв (спрул-ску). Так, Бутон в «Истории буддизма в Тибете» объявил бодхисаттвами трех первых королей Тибета. При правлении Хубилая эта идея проникла в Китай. В надписи на воротах Цзюйюнгунань Хубилай именуется императором-бодхисаттвой. При Нурхаци и Хуантайцзи, несмотря на их покровительство буддизму, как считает Д. Фарквар, «нет никаких свидетельств того, что буддизм любого толка был самой значимой религией среди ранних маньчжуров»²³³. В 1636 г. Хуантайцзи даже назвал буддизм «учением глупым и фальшивым», к которому так страстно привержены монголы, что и привело их к упадку²³⁴. Чтобы не терять воинов-монголов, маньчжуры издали закон, запрещавший монголу без разрешения властей становиться ламой и благодаря этому уклоняться от воинской повинности. Это не мешало властям строить монастыри и оказывать покровительство монахам. Хуантайцзи любил повторять: «Мои маньчжуры и монголы — изначально одно государство», «из тех, кто придет и покорится, ни один не будет оставлен без милостей»²³⁵. Хорошо известно, что Хуантайцзи постоянно запрещал во время походов разрушать и грабить храмы. И Нурхаци, и Хуантайцзи были объявлены перевоплощением бодхисаттвы Маньчжуши и широко пользовались этим в своей политике в отношении монголов и Тибета²³⁶.

Переводческая деятельность, в том числе и перевод буддийских текстов на маньчжурский язык, вызвали реформу маньчжурского письма. В 1632 г. Хуантайцзи приказал Дахаю усовершенствовать маньчжурское письмо путем введения при буквах точек и кружков и дополнительных букв для транскрипции иностранных слов²³⁷. Есть упоминания о том, что первые буддийские сочинения на маньчжурский язык переводил как раз Дахай²³⁸. В 1630 г. в соответствии с китайской традицией специальным указом Хуантайцзи запретил частное, без позволения государства, строительство храмов. Мотивировка этого акта была тоже чисто китайская: «Недостойные люди, желая избежать уплаты налогов и выполнения работ по трудовой повинно-

сти, в большом числе, одни, возглавив других, становятся монахами». Было предложено тщательно проверить численность лам, пандитов и хэщанов, которые жили в столичном монастыре Цинчжэнсы. Тех, кто ложно присвоил себе монашеское звание и нарушал монашеский устав, предписывалось возвращать в миряне. Монахам было запрещено нищенствовать. Даоским монахам и различным гадалкам из числа маньчжуров, монголов, китайцев запрещалось вводить в заблуждение народ под страхом наказания, вплоть до смертной казни²³⁹. Простому народу во время жертвоприношений запрещалось забивать и приносить в жертву коней, быков, коров, ослов и мулов²⁴⁰. В 1635 г. Хуантайцзи основал храм Махакала под Мукденом. Золотая статуя Махакала являлась трофеем, привезенным после разгрома Чахарского ханства. В свое время она была преподнесена сакьяскими ламами Лигдан-хану чахарскому, как наследнику ханов династии Юань. Приобретя ее (наряду с печатью Чингисхана) и водворив в свой храм, Хуантайцзи как бы делал заявку на создание такой же гигантской империи, какой была юаньская. Одновременно он принимал модель монархии чакравартинов, средневековую монгольско-сакьяскую, в соответствии с которой вдохновляемый на подвижничество в делах веры монарх возглавляет государство, покоящееся на религиозных доктринах²⁴¹. Как полагает С. Группер, «маньчжурский правящий дом... избрал патронаж над тибетским буддизмом не просто потому, что желал подчинить монголов маньчжурскому правлению. Скорее, благодаря его собственному смешанному культурному наследию и различному этническому составу государства, включившего маньчжуров, монголов и китайцев, он ожидал, что его династическим амбициям как государства наследника юаньской династии лучше бы послужило принятие монгольского образца гибридного политического и социального порядка, который существовал при средневековом правлении монголов»²⁴².

Войны и связанный с ними количественный рост знаменной организации привели к качественным изменениям внутризнаменной структуры. Маньчжурские знамена росли за счет пленников и населения, угоняемого с подвергшихся нашествию территорий. Для примера можно указать на то, что многочисленные маньчжурские походы в Приморье и Приамурье, на территории современных китайских провинций Хэйлунцзян и Гиринь, имевшие своей целью угон населения и включение его в восьмизнаменные войска, попросту опустошили эти районы. Велик был приток людей из Китая и из Кореи. Непрерывные поступления рабов обогатили знамена. Вскоре главным стало не общее количество рабов в знамени, а их распределение. Сам Хуантайцзи незадолго до своей смерти признал, что во время походов в каждом знамени члены семей вана, его командира, бэйлэ, бэйцзи, гуннов захватывают очень много добычи и простым воинам достается мало. Один из сановников докладывал императору: «Я полагаю, что предприятия, связанные с походами с целью грабежа, выгодны генералам и невыгодны солдатам, выгодны богатым семьям и невыгодны семьям бедным. Генералов сопровождает в походе множество работающих на них по повинности людей, богатые семьи собирают табуны самых сильных коней, поэтому захваченно-

го ими бывает всегда много. А бедный воин лишь сам на своем коне, сколько же он увезет с собой?»²⁴³. Постоянные войны в годы правления Хуантайцзи уже привели к обеднению части солдат ниру. Бедный воин ниру, чья очередь была идти в поход, иногда продавал одежды, чтобы купить коня и снаряжение. Если он не имел рабов, его семья оставалась без работника, способного обрабатывать поле. Такова, например, была судьба Дахая, преданного воина Хуантайцзи. Один из чиновников доложил императору: «Вчера умер Дахай. Я очень скорблю о нем. Этот человек ради своего государства столько пережил трудностей, столько потратил сил. А когда его тело привезли домой, в семье не нашлось пары приличных сапог, в которых его можно было бы похоронить»²⁴⁴.

В XVIII в. потомки Хуантайцзи, цинские императоры, так характеризовали своего предка: «Дай-цинский Тай-цзун в соответствии с волей Неба возвысил государство. Законом установил звание амбань. Прославил отвагу. Великодушный, миролюбивый, почтительный сын, мудрый, великий основатель государства Цин, расширил владения, прославился храбростью, поощрял возделывание полей, занимался созданием и обучением войска»²⁴⁵. Маньчжурское, точнее, чжурчжэньское общество XVI в. вряд ли стоит оценивать как примитивное, первобытно-общинное, основанное прежде всего на кровно-родственных отношениях, даже как военную демократию. Гибель государства Цзинь, безусловно, в чем-то задержала поступательное развитие чжурчжэней, но вряд ли в районах Центральной и Южной Маньчжурии, на родине этих племен, она отбросила чжурчжэньское общество далеко назад. Очевидно, что и при Цзинь в XII—XIII вв. социальные структуры этих районов Цзиньского государства не были идентичны тем, которые даже у самих чжурчжэней были на территории собственно Китая. Вероятно, принципиальных изменений не произошло и в годы правления монгольской династии Юань. Слабый контроль над этой местностью в годы правления Мин, постепенно утраченный минами окончательно, закрепил те местные социальные структуры, которые внешне иногда могли оформляться в структуры минских караулов «вэй», но фактически представляли собой специфическую социальную организацию, где при наличии клановой и субэтнической (на уровне союза родственных племен) дифференциации существовало общество с имущественными и классовыми различиями, своеобразной административной и раннегосударственной культурой городов-крепостей как центров зависимой от них периферии. Пробуждение подавленных в XIII в. монголами традиций государственности и сил, стремящихся к самостоятельному объединению в рамках собственной государственности, не только социально наследуемое сознание возможности такого объединения, но и память о своем былом могуществе при наличии благоприятной ситуации (отсутствии реального внешнего подавления) привели к появлению и созданию в самом конце XVI—начале XVII в. Маньчжурского (второго чжурчжэньского после Цзинь) государства. Расширение его территорий диктовало необходимость появления новых форм военной и административной власти и таких форм в своем прошлом и настоящем и поначалу активное неприятие форм китайской государственности, как про-

явления той силы, которая противодействовала самому факту существования государства маньчжуров. Хуантайцзи, достаточно верно рассчитавший, что под ударами крестьянского восстания, бушевавшего в те годы в Китае, и под давлением цинских армий Китай вот-вот сам падет к его ногам, лично не дожидаясь этого момента. В девятый день восьмого месяца (10 сентября) 1643 г. в возрасте 52 лет он скончался. Смерть его была скоропостижной, поэтому причина ее в источниках не объясняется. Возможно, он умер от гипертонического криза, на что есть некоторые косвенные указания²⁴⁶. Внезапная смерть порождает домыслы и через 350 лет. Хуантайцзи не хотел брать Пекин. По мнению китайских историков, он «не имел намерения свергнуть династию Мин, а самому стать императором Китая»²⁴⁷. Очевидно, что это не так, но его нерешительность и правильная по сути тактика выжидания могли быть кое-кому не по вкусу. Были и обиженные. Таковым являлся Доргонь. В 1640 г. во время осады Цзиньчжоу Хуантайцзи признал его действия недостаточно решительными, понизил титул Доргоня с циньвана до цзюньвана и оштрафовал его на 10 тыс. лянов серебра. Смерть Хуантайцзи, которому наследовал малолетний девятый сын, сделала Доргоня всемогущим регентом при нем и фактически правителем страны. Если верить «Кай го фан люе», Доргонь выполнял волю Хуантайцзи, который, когда занемог, созвал совет бэйлэ и взял с бэйлэ клятву, что они передадут престол его девятому сыну, а помогать ему управлять страной станут Цзиргалан и Доргонь²⁴⁸. Доргонь являлся 14-м сыном Нурхацы. При Хуантайцзи он имел титул мэргэн и считался опытным администратором и военачальником. Он не мог стать императором, так как принадлежит к тому же поколению, что и Хуантайцзи, а не к нисходящему. В мае 1644 г. один из китайских военачальников — У Саньгуй — обратился к маньчжурам за помощью против восставших крестьян, которые к этому времени овладели Пекином. Осторожный Доргонь не сразу откликнулся на этот призыв. Однако затем цинские войска перешли Великую стену и совместно с армией У Саньгуя уже не как враги, а как союзники 6 июня 1644 г. вступили в Пекин. Для Китая началась эпоха правления очередной чужеземной династии, а маньчжурские ханы, заняв китайский престол, постепенно начали превращаться в китайских императоров. Прошло 100—150 лет, и маньчжурские сановники, маньчжурские солдаты и чиновники, рассредоточенные по всему Китаю, как и предполагал Хуантайцзи, изучавший историю династии Цзинь, стали утрачивать свой язык и свою культуру. Наступил тот момент, когда в цинском издании «Важнейшие указания для маньчжурской речи» появились горькие строки: «Мы, люди трудной судьбы, но процветающего поколения, не можем говорить по-маньчжурски»²⁴⁹.

Как полагает американский ученый Франц Михал, знаменная организация маньчжуров имела своей моделью организацию военных караулов династии Мин²⁵⁰. И знамена, и караулы являлись одновременно военной и гражданской организацией населения, имели «аграрную базу». Минские единицы караулов-вэй также именовались знаменами, каждый караул-вэй состоял из двух больших («цзун ци») и десяти малых («сяо ци») знамен. Маньчжуры использовали термин «знамя» для

обозначения крупных военно-административных единиц своего государства. Трудно отрицать возможное влияние организации минских караулов на маньчжурскую знаменную систему, хотя очевидно, что она имела глубинные местные традиции, которые, может быть, в свою очередь, были учтены китайскими властями при организации системы караулов. Государственная военно-административная организация восьми знамен выросла не на пустом месте. Она, очевидно, уходит своими корнями в системы цзюцзюнь Ляо, мэньань-моукэ при Цзинь и организацию войск таньмачи при Юань. Сходное по сути, это объяснение гражданского и военного начал в одной организации имеет формальные аналогии с системой мэньань и моукэ (в ниру — триста воинов, в моукэ — триста семей). И в знамени, и в моукэ нуклеарными единицами считались пятки и десятки. Киданьские войска цзюцзюнь были синими и черными и различались по цвету своих знамен²⁵¹. Как монголы поклонялись духу знамени — сульдэ, так и маньчжуры совершали жертвоприношения знамени²⁵². Чжэн Тяньтин, подчеркивая государственный характер знаменной организации маньчжуров, пишет, что ниру в Маньчжурском государстве соответствовали уезду («сянь»), джала — району особого назначения («чжуаньцзюй»), а знамена — провинциям («шэн»). Выше этого были центральные органы власти, при Нурхади это пять великих сановников и джагурчи, а при Хуантайцзи — шесть министерств²⁵³. Это условная схема, но она наглядно показывает государственный характер знаменной организации, которая базировалась на хорошо развитом хозяйстве, прежде всего земледелии. Можно согласиться с оценкой К. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, что к 1644 г. маньчжуры «развили... аграрную цивилизацию, сконцентрированную вокруг обнесенных стенами городов, укреплений и деревень. Скотоводство, хотя и занимало важное место, было вторичным по отношению к обработке земли»²⁵⁴. В какой-то мере в этом была и причина относительно быстрого и прочного установления господства маньчжуров в Китае.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цзи Ши. Пидань го хао цзе (Объяснение наименования государства Кидань) // Шэжуй кэсюе чжаньсянь. — 1983. — № 2. — С. 104 (на кит. яз.).
- ² Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь (Собрание материалов о союзах с севером при правлении трех императоров). — 1978, [Б. м.]. — Цз. 3. — С. 1а (на кит. яз.); Franke H. Chinese Texts on the Jurchen. A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch' ao-pei-men-hui-pien // Zentralasiatische Studien. — 1975. — № 9. — С. 122.
- ³ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — М., 1975. — С. 26.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. A Translation of Chapter one of the Chin-shih // Zentralasiatische Studien. — 1978. — № 12. — С. 415.
- ⁶ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 16—2а.
- ⁷ Там же. — С. 56.
- ⁸ Сюй Мэнсинь. — С. 26.
- ⁹ Е Лун-ли. История государства киданей (Пидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина // Памятники письменности Востока. — М., 1979. — Т. 35. — С. 334.
- ¹⁰ Ян Сюньцзи. Цзинь сяо ши (Краткая история династии Цзинь) // Ляохай цуншу. — Ляонин, 1933—1935. — Цз. 1. — С. 1а (на кит. яз.).
- ¹¹ Сюй Мэнсинь. Сань чао хуйбянь. — Цз. 3. — С. 26.
- ¹² Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 415.
- ¹³ Ibid. — S. 416.

- ¹⁴ Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск, 1966. — Вып. 2.: Древняя Сибирь. — С. 271. — (Материалы по истории Сибири).
- ¹⁵ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 28.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 438—439.
- ¹⁸ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 71—72.
- ¹⁹ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 36—4а.
- ²⁰ Там же. — С. 46.
- ²¹ Там же. — С. 6а.
- ²² Там же. — С. 5а.
- ²³ Цзинь ши (История династии Цзинь) // Сы бу бэй яо. Мал. формат. — Шанхай, 1936. — Цз. 2. — С. 4а. (на кит. яз.).
- ²⁴ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 60.
- ²⁵ Franke H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen. Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin Dynastie (1115—1234) // Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften: Vötr. — G. 228. — 1978. — S. 13.
- ²⁶ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 61.
- ²⁷ Хуа Шань, Ван Гэнтан. Лю лунь нойчжэнь цзу шицзу цзу чжидуды цзети хэ гоцзя-ды синчэн (О разложении родового строя у чжурчжэней и образовании государства) // Вэнь ши чжэн. — 1956. — № 6. — С. 26. (на кит. яз.).
- ²⁸ Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. — С. 272—273.
- ²⁹ Е Лун-ли. История государства киданей. — С. 164.
- ³⁰ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 38.
- ³¹ Там же. — С. 60.
- ³² Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 6а.
- ³³ Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of Yüan Dynasty // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Kl.: Sitzungb. Jg. — 1978. — H. 2. — S. 8—9.
- ³⁴ Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 421.
- ³⁵ История дома Цзинь, царствовавшего в Китае с 1114 по 1234 год. Переведена с маньчжурского студентом Духовной миссии Григорием Розовым. — Архив востоковедов С.-Петерб. отд-ния Ин-та востоковедения АН СССР, раздел I, оп. 1, д. 3, с. 8а.
- ³⁶ Тайши, писец, возможно, как и ланцзюнь, мелкий чиновник, сопровождавший императора и наследника престола, — придворные чины Ляо, получаемые членами дома Ваньянь от киданей. — См. Hucker Ch. A dictionary of official Titles in Imperial China. — Stanford, 1985. — P. 302, N 3571; P. 481, N 6212.
- ³⁷ Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 435.
- ³⁸ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 36.
- ³⁹ Цзинь ши. — Цз. 55. — С. 1а.
- ⁴⁰ Воробьев М. В. Звания и титулы чжурчжэньских вождей в доцзиньское время // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия Ленингр. отд-ния Ин-та востоковедения СССР. — М., 1973. — С. 18.
- ⁴¹ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 69.
- ⁴² Franke H. Chinese Texts on the Jurchen. — P. 141.
- ⁴³ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 56—6а.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Franke H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen... — S. 20.
- ⁴⁶ Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 142.
- ⁴⁷ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 56.
- ⁴⁸ Цзинь ши. — Цз. 2. — С. 16.
- ⁴⁹ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 65.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Цзинь ши. — Цз. 55. — С. 1а.
- ⁵² Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 68.
- ⁵³ Цзинь ши. — Цз. 55. — С. 1а.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 6а.
- ⁵⁷ Цзи ши. — С. 26.
- ⁵⁸ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 169.
- ⁵⁹ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 7а.
- ⁶⁰ Цзинь ши. — Цз. 44. — С. 16.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 66.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. — С. 7а.
- ⁶⁶ Там же. — С. 6а.
- ⁶⁷ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 61.
- ⁶⁸ Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. — 1983. — С. 51.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 101.

- 71 Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 36.
- 72 Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. — С. 50.
- 73 Там же. — С. 51.
- 74 Цзинь ши. — Цз. 28. — С. 16.
- 75 Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 180.
- 76 Franke H. Some folkloristic data in the Dinastic History of the Chin. — Legend, Lore and Religion China // Essays in Honour of Wolfram Eberhard on His seventieth Birthday. Chinese Center Asian Library Series. — San-Francisco, 1979. — N 13.
- 77 Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 106.
- 78 Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. — С. 50.
- 79 Franke H. Some folkloristic data in the Dinastic History of the Chin. — Legend, Lore and Religion China // Essays in Honour of Wolfram Eberhard on His seventieth Birthday. Chinese Center Asian Library Series. — San-Francisco, 1979. — N 13.
- 80 Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь. — Цз. 3. — С. 36.
- 81 Там же. — С. 6а—66.
- 82 Franke H. Jurchen Customary Law and the Chinese Law of the Chin Dynasty // State and Law in Eastern Asia. — Wiesbaden, 1981. — P. 222.
- 83 Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 73.
- 84 Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. — S. 179—180.
- 85 Цзинь ши. — Цз. 45. — С. 16—2а.
- 86 Franke H. Jurchen Customary Law and the Chinese Law of the Chin Dynasty. — P. 223.
- 87 Цзинь ши. — Цз. 84. — С. 3а.
- 88 Там же. — Цз. 73. — С. 8а.
- 89 Цзинь ши. — Цз. 55. — С. 1а—16.
- 90 Там же. — С. 3а.
- 91 Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 153.
- 92 Цзинь ши. — Цз. 55. — С. 96.
- 93 Там же. — Цз. 44. — С. 7а.
- 94 Там же. — Цз. 57. — С. 126.
- 95 Там же. — С. 13а.
- 96 Там же.
- 97 Там же. — Цз. 44. — С. 16.
- 98 Там же. — С. 2а.
- 99 Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 168.
- 100 Цзинь ши. — Цз. 44. — С. 2а—26.
- 101 Там же. — С. 3а.
- 102 Franke H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen... — S. 21, 24.
- 103 Hsiao Ch'i-ch'ing. The Military Establishment of the Yüan Dynasty. — Cambridge (Massachusetts); London, 1978. — P. 8—9.
- 104 Цзинь ши. — Цз. 44. — С. 3а.
- 105 Там же. — Цз. 24. — С. 1а.
- 106 Там же. — С. 16.
- 107 Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 177.
- 108 Там же. — С. 178.
- 109 Franke H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen... — S. 22.
- 110 Чжан Чжучжэнь. Ханьба, цзяньцзюнь юй Цзинь чао-ды миньцзу дэнцзи (Ханьба, цзяньцзюнь и этнические сословия династии Цзинь) // Шэхуй кэсюе цзикань. — 1983. — N 3. — С. 101 (на кит. яз.).
- 111 Е Лун-ли. История государства киданей. — С. 194.
- 112 Подробно об этом см.: Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: Отношения между империями Цзинь и Сун (1127—1142). — М., 1986.
- 113 См.: Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества // Народы Азии и Африки. — 1965. — № 1. — С. 25—29.
- 114 Кычанов Е. И. К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период. — Владивосток, 1968. — С. 185.
- 115 Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — С. 57.
- 116 Сяо Хунцзян, Би Шулинь. Мань миньцзу цзи Цин ба ци юаньлю чу и (Предварительные суждения о происхождении маньчжуров и восьми знамен Цин) // Чжунго шаошу миньцзу. — 1981. — № 10. — С. 99 (на кит. яз.).
- 117 Евсюков В. В. К этнической истории чжурчжэней // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1986. — С. 150.
- 118 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци нюлу-ды гоучэн (Структура маньчжурских ниу и восьми знамен) // Далу цзачжи. — Отд. отт., [Б. г.] — Т. 31, вып. 9. — С. 14 (на кит. яз.).
- 119 Свистунова Н. П. Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин // Китай и соседи. — М., 1970. — С. 183.
- 120 Цао Тинцзе. Дунбэй бяньфан цзяю (Заметки о северо-восточной границе) // Ляо хай цуншу. — Далай, 1933—1936. — С. 5а—56 (на кит. яз.).
- 121 Гуань Дунгуй. Маньцзу жу гуань цянй вэньхуа фачжань ду тамынь хоулай ханьхуа-ды инсян (Развитие культуры маньчжуров до их перехода пограничных застав и свидетельства их последующей китаизации). — Отд. отт. — С. 258 (на кит. яз.).
- 122 Michael F. The Origin of Manchu Rule in China. — Baltimore, 1942. — P. 39—40.
- 123 Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). — М., 1974. — С. 28—29.
- 124 Чэнь Вэньши. Цин жэнь жу гуань цянй — ды нунье шэн-хо (Сельское хозяйство жителей Цин до перехода пограничных застав маньчжурами) // Далу цзачжи. — [Б. г.] — Т. 22, вып. 9. — С. 275 (на кит. яз.).
- 125 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань (Жизнеописание Нурхачи). — Пекин, 1983. — С. 232 (на кит. яз.).
- 126 Там же. — С. 233.
- 127 Там же. — С. 234.
- 128 Там же. — С. 235.
- 129 Там же.
- 130 Гуань Дунгуй. Маньцзу жу гуань цянй вэньхуа фачжань ду тамынь хоулай ханьхуа-ды инсян. — С. 262.
- 131 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань. — С. 237.
- 132 Гуань Дунгуй. Маньцзу жу гуань цянй вэньхуа фачжань ду тамынь хоулай ханьхуа-ды инсян. — С. 262.
- 133 Чжа Дэгуй. Нурхачи цзи ци шидай (Нурхачи и его время) // Чжунго шаошу миньцзу. — 1981. — № 4. — С. 102 (на кит. яз.).
- 134 Цит. по: Гуань Дунгуй. Маньцзу жу гуань цянй вэньхуа фачжань жу тамынь хоулай ханьхуа-ды инсян. — С. 273.
- 135 Вэй Цинюань, У Циянь, Лу Сочжу. Цин дай нуби чжиду (Рабовладение в эпоху Цин). — Пекин, 1982. — С. 14 (на кит. яз.).
- 136 Там же.
- 137 Чжа Дэгуй. Нурхачи цзи ци шидай. — С. 99.
- 138 Вэй Цинюань, У Циянь, Лу Сочжу. Цин дай нуби чжиду. — С. 15.
- 139 Гуань Дунгуй. Жу гуань цянй маньцзу бин шу юй жэнь-коу вэньти-ды таньтао (К вопросу о населении и численности войск маньчжуров до перехода ими пограничных застав) // Ли-ши юйянь яньцзю-со цзикань. — [Б. г.] — Т. 41, ч. 2. — С. 194 (на кит. яз.).
- 140 Вэй Цинюань, У Циянь, Лу Сочжу. Цин дай нуби чжиду. — С. 14.
- 141 Чжа Дэгуй. Нурхачи цзи ци шидай. — С. 98.
- 142 Гребенщиков А. В. Архивные материалы А. В. Гребенщикова. — Архив востоковедов С.-Петербурга. отд-ния Ин-та востоковедения АН СССР, ф. 75, с. 59.
- 143 Чан Цзесинь. Цинго го син Айсинь цзюло као (Исследование фамилии правящего дома государства Цин Айсинь Гиоро) // Далу цзачжи. — [Б. г.] — Т. 20, вып. 12. — С. 365 (на кит. яз.).
- 144 Чжу Сицзу. Хоу Цзинь го хань син шу као (Исследование о фамилии ханов государства Хоу Цзинь). — Отд. отт. — С. 57 (на кит. яз.).
- 145 Там же. — С. 21.
- 146 Волкова М. П. Термин «маньчжу» и его значение для понимания истории возникновения государства у маньчжуров // Одиннадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае». — М., 1980. — С. 71.
- 147 Чжэн Тянь, Тин Ицзо. «Цин Тай-цзу у хуанди шилу» кань мэньцзу юань («Цин Тай-цзу у хуанди шилу» о происхождении маньчжуров) // Шэхуй кэсюе чжаньсянь. — 1983. — N 3. — С. 172 (на кит. яз.).
- 148 Кузнецов В. С. Нурхачи — основатель маньчжурского государства // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1980. — С. 49.
- 149 Там же.
- 150 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань. — С. 117.
- 151 Там же. — С. 39.
- 152 Там же.
- 153 Там же. — С. 119.
- 154 Там же.
- 155 Там же.
- 156 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци нюлу-ды гоучэн. — С. 16.
- 157 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань. — С. 134.
- 158 Там же. — С. 154.
- 159 Цзянь Чуннянь. Нурхачи цзянли Хоу Цзинь као (О создании Нурхачи государства Хоу Цзинь) // Шэхуй кэсюе цзкань. — 1983. — N 3. — Цз. 2. — С. 16. — 2а (на кит. яз.).
- 160 Гуань Дунгуй. Маньцзу жу гуань цянй вэньхуа фачжань ду тамынь хоулай ханьхуа-ды инсян. — С. 151.
- 161 Nabuo Kanda. Patents of Hereditary Arrow Comandership in Manchu // Proceedings of the Fifth East Asian Altaistic Conference. — Taipei, 1980. — P. 96—102.
- 162 Му Чуань. Маньчжоу «нюлу» каоши (Изучение маньчжурских ниу). — Отд. отт. — С. 98—99 (на кит. яз.).
- 163 Чэн Вэньши. Маньчжоу ба ци нюлу-ды гоучэн. — С. 18.
- 164 Му Чуань. Маньчжоу «нюлу» каоши. — С. 98—99.
- 165 Агуй. Хуан Цин кай го фанлюе (Замыслы и способы создания государства державное Цин). — Пекин, 1786. — Цз. 13. — С. 216—22а (на кит. яз.).
- 166 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци хукоу минсэ (Списки населения маньчжурских восьми знамен). — Отд. отт. — С. 242—243 (на кит. яз.).
- 167 Чжао Эр и др. Цин ши гао (Черновая история Цин). — Пекин, 1926. — Цз. 232. — С. 1—36 (на кит. яз.).
- 168 Там же. — Цз. 233. — С. 46.
- 169 Чжао Эр и др. Цин ши гао. — Цз. 1.
- 170 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци нюлу-ды гоучэн. — С. 28.
- 171 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань. — С. 154.

- 172 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши (Основные политико-административные нововведения в годы правления цинского Тай-цзуна).— Отд. отт.— С. 296 (на кит. яз.).
- 173 Чжао Эр и др. Цин ши гао.— Цз. 4.— С. 20.
- 174 Там же.— Цз. 10.
- 175 Лю Шичжэ. Нурхачи шидай фачжи шу лунь (Несколько суждений о законах времени правления Нурхачи) // Миньцзю яньцзю.— 1986.— N 6.— С. 29 (на кит. яз.).
- 176 Чжао Эр и др. Цин ши гао.— Цз. 5.— С. 1—2.
- 177 Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty // The Journal of the Tibet Society.— 1984.— N 4.— P. 64—65.
- 178 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань.— С. 158.
- 179 Там же.
- 180 Там же.
- 181 Там же.
- 182 Цзянь Чуннянь. Нурхачи цзянли Хоу Цзинь као (О создании Нурхачи государства Хоу Цзинь) // Шэхуй Кэсюе цзкань.— 1983.— N 3.— С. 105—106 (на кит. яз.).
- 183 Michael F. The Origin of Manchu Rule in China.— Baltimore, 1942.— P. 86.
- 184 Лю Шичжэ. Нурхачи шидай фачжи шу лунь.— С. 31.
- 185 Там же.— С. 32.
- 186 Там же.— С. 31—35.
- 187 Цин чао вэньсянь тун као.— Пекин, 1936.— С. 6677 (на кит. яз.).
- 188 Лю Шичжэ. Нурхачи шидай фачжи шу лунь.— С. 36.
- 189 Чэнь Кэцзинь, Си Шаочжэнь. Люе лунь Хуантайцзиды лиши цзюон (Об исторической роли Хуантайцзи).— Отд. отт.— С. 119 (на кит. яз.).
- 190 Чэнь Вань. Нурхачи цзюньши сысян яньцзю (Изучение взглядов Нурхачи на военное дело) // Ляонин дасюе сюебао.— 1983.— N 5.— С. 64 (на кит. яз.).
- 191 Ли Линь. Цзяньчжоу нюйчжэнь фэньсю каолюе (Об обычаях чжурчжэней Цзяньчжоу) // Ляонин дасюе бао.— 1983.— N 5.— С. 71 (на кит. яз.).
- 192 Corradini P. Civil Administration of the Beginning of the Manchu Dynasty // Oriens Extremus.— 1962.— Jahrgang 9, H. 2.— S. 134—135.
- 193 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань.— С. 290.
- 194 Там же.
- 195 Чжэн Тяньтин. Нюлу чэншоу гуань син чжан (Ниру, чиновники, обороняющие города, главы кланов) // Шэхуй Кэсюе чжаньсянь.— 1982.— N 3.— С. 201 (на кит. яз.).
- 196 Там же.
- 197 Мифы народов мира.— М., 1982.— С. 116.
- 198 Агуй. Хуан Цин кай го фанлюе.— Цз. 29.— С. 13.
- 199 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци хуоу минсэ.— С. 250.
- 200 Ма Фэньчэнь. Мань цзю вэй жу гуань цян-ды цзинцзи шэнхо (Экономика маньчжуров до перехода ими через пограничные заставы).— Отд. отт.— С. 33, 38, 46 (на кит. яз.).
- 201 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци нюлу-ды гоучэн.— С. 14.
- 202 Чэнь Вэньши. Маньчжоу ба ци хуоу минсэ.— С. 246—247, 251.
- 203 Ли Хунша, Го Чэнкан. Цин жу гуань цян ба ци чжу ци бэйлэды яньбянь (Последовательность смены семи бэйлэ, глав восьми знамен до перехода Цинами пограничных застав) // Шэхуй Кэсюе чжаньсянь.— 1982.— N 1.— С. 160 (на кит. яз.).
- 204 Stary G. The Manchu Emperor «Abahai»: Analyses of an Historiographic Mistake // Central Asiatic Journal.— 1984.— Vol. 28, N 34.— P. 296—299.
- 205 Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty.— P. 69.
- 206 Го Чэнкан. Цин цзунши цзихао као (Исследование титулов правящего дома Цин).— Отд. отт.— С. 63—65.
- 207 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши.— С. 299.
- 208 Там же.— С. 306.
- 209 Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.— М., 1969.— С. 72.
- 210 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши.— С. 320.
- 211 Агуй. Хуан Цин кай го фанлюе.— Цз. 14.— С. 18а—196.
- 212 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши.— С. 316.
- 213 Corradini P. Civil Administration of the Beginning of the Manchu Dynasty.— P. 137—138.
- 214 Hucker Ch. O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China.— Stanford, 1985.— P. 426, N 5278.
- 215 Ibid.— P. 136, N 627.
- 216 Ibid.— P. 125, N 460.
- 217 Чжэн Тяньтин. Нюлу чэншоу гуань син чжан.— С. 201.
- 218 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши.— С. 315.
- 219 Чжэн Тяньтин. Нюлу чэншоу гуань син чжан.— С. 202.
- 220 Чэнь Гуйхуа, Фу Кэдун. Цин чу маньчжоу нюлу-ды тэчжэн (Об особенностях маньчжурских ниру в начале правления династии Цин).— Отд. отт.— С. 104 (на кит. яз.).
- 221 Ян Чуннянь. Нурхачи чжуань.— С. 246.
- 222 Чэнь Вэньши. Цин жэнь жу гуань цян-ды нунье шэнхо.— С. 321.
- 223 Там же.
- 224 С. Группер полагает, что наименование династии можно толковать и как тибетское «дайчин», тибетскую транскрипцию «Да чэнь, Махаяна».— См.: Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty.— P. 69.
- 225 Агуй. Хуан Цин кай го фанлюе.— Цз. 21.— С. 13а—206.
- 226 Hucker Ch. O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China.— P. 517, N 6868.
- 227 Ibid.— P. 307, N 3640.
- 228 Ibid.— P. 183, N 1420.
- 229 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши.— С. 319.
- 230 Там же.
- 231 Ли Линь. Цзяньчжоу нюйчжэнь фэньсю каолюе.— С. 70.
- 232 Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty.— P. 51, 61, 63.
- 233 Farquhar D. M. Emperor As Boddhisatva in the Governance of the Ch'ing Empire // Harvard Journal of the Asiatic Studies.— 1978.— Vol. 38, N 1.— P. 20.
- 234 Ibid.
- 235 Хуан чао фаньбу яолюе (Важнейшие сведения об иноземцах при августейшей династии) // Хэшо цзи чжуань шоу.— 1906.— Цз. 9.— С. 24 (на кит. яз.).
- 236 Farquhar D. M. Emperor As Boddhisatva in the Governance of the Ch'ing Empire.— P. 34.
- 237 Волкова М. П. Термин «маньчжу» и его значение для понимания истории возникновения государства у маньчжуров // Одинадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1980.— С. 203.
- 238 Там же.— С. 204.
- 239 Агуй. Хуан Цин кай го фанлюе.— Цз. 15.— С. 25а—26а.
- 240 Ли Линь. Цзяньчжоу нюйчжэнь фэньсю каолюе.— С. 71.
- 241 Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty.— P. 52—53.
- 242 Ibid.— P. 55.
- 243 Чэнь Вэньши. Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши.— С. 336.
- 244 Там же.— С. 331.
- 245 Волкова М. П. К характеристике цинских официальных трудов по истории маньчжурского государства в первой половине XVII в. // Восьмая науч. конф. «Общество и государство в Китае».— М., 1977.— С. 209—210.
- 246 Тай-цзун хуанди по Мин юй Суншань-чжи чжань шу ши вэнь (Десять вопросов, связанных с Суншаньским сражением и разгромом императором Тай-цзуном Мин).— [Б. м.].— 1806. С. 2а (на кит. яз.).
- 247 Жэнь Чанчжэнь. Цин Тай-цзун Тай-цзун шидай Мин Цин хэ чжань као (О войнах между Мин и Цин при цинских Тай-цзу и Тай-цзуне) // Далу цзачжи.— [Б. г.].— Т. 14, вып. 4.— С. 193 (на кит. яз.).
- 248 Агуй. Хуан Цин кай го фанлюе.— Цз. 32.— С. 1а—16.
- 249 Li Tih-ch'i. Origin and Evolution of Manchu language // Bul. of National Library of Peiping.— 1931.— Vol. V, N 6.— P. 17.
- 250 Michael F. The Origin of Manchu Rule in China.— P. 62—66.
- 251 Чэнь Вань. Нурхачи цзюньши сысян яньцзю.— С. 63.
- 252 Michael F. The Origin of Manchu Rule in China.— P. 66.
- 253 Чжэн Тяньтин. Нюлу чэншоу гуань син чжан.— С. 202.
- 254 Wittfogel R., Feng Ch'ia-Sheng. History of Chinese Society Liao.— Philadelphia, 1949.— P. 10.

М. В. ВОРОБЬЁВ

ЯПОНСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПО КОДЕКСАМ И СУДЕБНИКАМ VIII—XVIII ВВ. В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Отрезок тысячелетней истории японского гражданского права, понимаемого здесь как оппозиция праву уголовному, включает, собственно, весь период письменного права страны до наступления нового времени. Сколько-нибудь общий анализ развития права в пределах статьи неизбежно принял бы облик очерка. Мы поставили перед собой иную задачу: рассмотреть, какие нормы гражданского права были выдвинуты в стране на уровень главных и как эти нормы разработаны в разных кодексах и судебныхниках.

Отметим, что согласно советской периодизации, в целом изучаемый период укладывается в рамки средневековья с разбивкой на раннее (середина VII — середина XII в.), развитое (конец XII — XVI в.), позднее (XVII — середина XIX в.). По традиционной японской периодизации этот период включает этапы «правового государства» (рицурё кокка), или императорского правления (Осэй, 646—1192 гг.), первого сёгуната фамилии Минамото в Камакура (1185—1333 гг.), второго сёгуната фамилии Асикага в Муромати (1338—1573 гг.), третьего сёгуната фамилии Токугава в Эдо (1603—1867 гг.).

В статье использованы следующие кодексы и судебники Японии: Тайхо Ёро рё (Гражданский кодекс годов тайхо-ёро) 701—718 гг. или, точнее, Рё-но гигэ (Гражданский кодекс с комментариями)¹, далее — РГ; Го сэйбай сикимоку (Высочайшее уложение о наказаниях), далее — ГСС², 1232 г., или Дзёэй сикимоку (Уложение годов дзёэй) 1232 г.; Кэмму сикимоку (Уложение годов кэмму), далее — КСЗ, 1336 г.; Сагара хатто (Ограничительные положения [князей] Сагара), первая редакция, далее — СХ-1, 1493 г.; Дзинкай сю (Всеобъемлющий сборник)³, далее — ДС, 1536 г.; Такэда Сингэн кахо (Фамильный закон [князя] Такэда Сингэна)⁴, далее — ТСК, 1547 г.; Сагара хатто (Ограничительные положения [князей] Сагара), вторая редакция, далее — СХ-2, 1549 г.; Синка сэйсики (Новый дополненный правопорядок)⁵, далее — СС, 1560 г.; Тёсокабэ окитэгаки (Судебник [князя] Тёсокабэ)⁶, далее — ТО, 1597 г.; Кугэ сёхатто (Ограничительные положения для аристократов-кугэ), первая редакция, далее — КСХ-19, 1613 г., вторая редакция, далее — КСХ-2, 1615 г.; Буке сёхатто (Ограничительные положения для князей-буке)⁷, первая редакция, далее — БСХ-1, 1615 г., вторая редакция, далее — БСХ-2, 1635 г., третья редакция, далее — БСХ-3, 1663 г., четвертая редакция, далее — БСХ-4, 1683 г., пятая редакция, далее — БСХ-5, 1710 г.; Сёси сёхатто (Ограничительные положения для воинов-самураев)⁸, первая редакция, далее — ССХ-1, 1632 г., вторая редакция, далее — ССХ-2, 1636 г., третья

редакция, далее — ССХ-3, 1663 г.; Хякка дзё (Сто статей)⁹, далее — ХД, 1742 г.; Осадамэгаки хякка дзё (Высочайший судебник из ста статей)¹⁰, далее — ОХ, 1790 г.

Все кодексы и судебники, за исключением принадлежащих XV—XVI вв., составлены центральными правительствами Японии и достаточно полно отражают практику гражданского законодательства страны на этом уровне. Использованные нами памятники XV—XVI вв. — наиболее представительные из княжеских судебныхников. По характеру, структуре, наконец, объему законодательные памятники существенно различаются. Одни из них (РГ) — чисто гражданские, другие (СС, ДС) — смешанные, гражданско-уголовные, третьи (ГСС) — политически-правовые. Большинство памятников касается всего населения страны, некоторые — отдельных сословий: аристократов (КСХ), князей (БСХ), самураев (ССХ). Отдельные памятники (РГ) обладают внутренней классификацией: у большинства же она отсутствует, тематические разделы не выделены, статьи перемешаны по содержанию. Одни памятники (РГ) огромны, насчитывают около 500 статей, другие (ГСС) — чуть более 15. Неравномерно представлены целостные исторические периоды, важные для развития права эпохи. Достаточно сказать, что отсутствуют памятники IX—XII вв., что, конечно, свидетельствует о замедленном развитии права. Но и относительное обилие памятников права, относящихся к концу XV — началу XVII в., не должно нас обмануть — все шесть в нескольких редакциях принадлежат разным княжествам.

Базовым памятником в исследовании является наиболее ранний, пространный и представительный — Тайхо Ёро рё. Его положения, естественно, берутся за основу при сравнении. Ни один из сборников более поздних законов, используемых для сопоставления, по структуре даже отдаленно не напоминает Тайхо Ёро рё, поэтому сравнение целесообразно провести не по разделам этого последнего, а по отраслям права. Относительно выделения этих отраслей надо сделать несколько предварительных замечаний. Соотнести современные отрасли права, принятые в СССР или в европейско-американском мире, с японским средневековым правом трудно, а часто просто невозможно. Лишь некоторые из принятых сегодня отраслей как-то формально, без сопротивления, выделяются в японском материале: уголовное, земельное, семейное, наследственное. Военное и политическое право касается дворцовой охраны и стражи. То, что мы называем финансовым, тюремным, трудовым, в Японии в те века имело несколько иной смысл. Право церковное (каноническое) — это право, вы-

работанное не церковью, а государством для церкви. Не порывая, тем не менее, с традиционной терминологией, мы преследовали цель не вносить деления, не сопоставимого с принятым. Некоторое отступление мы допустили в двух случаях, когда из административного права выделили должностное, регламентирующее права и обязанности чиновничества — главного действующего слоя в управлении Японским государством VIII—X вв., и когда ввели понятие права сакрально-ритуального, имеющего в основе конфуцианское учение, государственный ритуал, церемониал, чьи положения были подняты в Японии той поры на уровень закона. Кроме того, следует напомнить, что право Тайхо Ёро рё — это право государственное не только потому, что кодекс утвержден правительством, но и потому, что он ориентирован на государственную структуру. Это особенно отчетливо видно при разборе кодекса по разделам-законам упомянутого кодекса. Учебные заведения (закон XI), ткани и одежды (XIX), строительство и ремонт (XX), амбары и склады (XXII), конюшни и пастбища (XXIII), врачи и болезни (XXIV), усопшие и похороны (XXVI), заставы и рынки (XXVII) — все это относится к казенному миру, и соответствующие законы обычно не выходят за пределы этого мира. В прочих, более редких случаях казенная принадлежность может не выступать открыто — тогда она предстает в виде заинтересованности государства той или иной стороной деятельности, например, храмов (синтоистских (закон VI) или буддийских (VII), дворов (лишь казенных крестьянских (VIII)), полей (также казенных, находящихся во владении людей разных сословий, а не частнособственнических (IX)). Эта государственная заинтересованность открыто не обнаруживается лишь в отдельных статьях: правила вступления в брак, развода, наследования (закон VIII), траур, в том числе в среде простонародья (XVIII), и некоторые другие.

Приступим к сопоставлению по отраслям.

Административное право, разработанное так детально Тайхо Ёро рё, мало повлияло на последующее законодательство страны в этой сфере, поскольку со временем принципиально изменились структура и институты управления. Из всех учреждений кодекс VIII в. упоминает лишь один Государственный совет (РГ, II, 2) в судебнике сёгуна Токугава (ОХ, 2, 9). Вместо императорских указов — главного вида правительственных распоряжений — первостепенное значение приобрели указы сёгунов (военных правителей), но требование их немедленного исполнения сохранилось (РГ, XXI, 71; ср. ТО, 3). Правила ведения документации и делопроизводства (РГ, XXI, 37—41, 66—68, 73—75, 82—83) стали вести в соответствии с прихотями многочисленных князей или сёгунов — о них вспоминают лишь при описании конкретных казусов: законности передаточных записей, составленных на смертном одре (СС, 18), принадлежности земли, на которую у владельца нет законной купчей, якобы имевшейся у его предков (СХ-1, 1). Унаследовано требование строгого соблюдения порядка при заверении документов (ОХ, 2, 12, 13; ср. XXI, 4), выборе для новых девизов годов правления «счастливых» сочетаний иероглифов (КСХ-2, 8; ср. РГ, XVIII, 26). Неоднократно повторяется требование, касающееся ношения форменной одежды (РГ, XIX, 6, 12), но теперь уже

для военных феодалов (БСХ-1, 10) или солдат (ССХ-2, 21), и придворной одежды (РГ, XIX, 5, 11, 14) — лишь для императорского окружения в Киото (КСХ-2, 9). Если императору в VIII—X вв. по закону полагались подношения с мест (РГ, X, 35), то окружению сёгуна строго возбранялось принимать подарки (КС, 11).

Изменения в структуре управления оказали на административное право развитого и позднего средневековья Японии существенное влияние, что проявилось не только в исчезновении былых учреждений. Сам император, принцы, их окружение, этикет, делопроизводство, службы существовали, но уже не считались достойными объектами регламентации в главных законодательных изданиях новых правителей. Школа, наука, медицина, летописание, архивы, искусство, даже календарь и астрология вообще вышли из сферы, на которую распространялись правовые постановления, хотя сами по себе продолжали существовать и даже развиваться.

Должностное право Тайхо Ёро рё, хотя и составляющее неразрывное целое с административным, оставило более сильный, чем это последнее, отпечаток на узаконениях последующих веков. Прежде всего остались в обиходе ранги, причем в конце XVI в. специальной статьей воспрещалась смена (ТО, 97), тогда как в VIII в. похожая ситуация выражалась в подчеркнутой заботе о форме и сохранности ранговой грамоты (РГ, XII, 25, 26). В токугавское время придворные ранги, т. е. ранги придворных императора (ср. РГ, I, 1—4), сохраняются и даже упорядочиваются (КСХ-2, 7, 13). Одновременно ранги военного сословия твердо увязываются с правом на паланкин (БСХ-1, 11 и др.). Отстаиваемая Тайхо Ёро рё (РГ, XVII, 46, 47) идея обязательности государственной службы, по крайней мере для сыновей носителей рангов, в значительной мере разделялась и впоследствии: без согласия властей нельзя было оставить службу (ТО, 20), отказаться от лена (ТО, 22). Лишенная былой стройности схема представления к рангу, отбора кандидатов на должности, назначения, перемещения и увольнения чиновников не совсем вышла из употребления. Ранг по-прежнему присваивался императором, но если в пору действия кодекса Тайхо Ёро рё представление к рангу осуществляли заинтересованные учреждения (РГ, XII, 1, 2), то позднее это делал сёгун; прочие представления объявлялись незаконными (ГСС, 39). Сохранялось и узаконивалось требование тщательного отбора кандидатов на должности (КС, 9), назначения на пост с учетом характера и способностей кандидата (ХД, 87), но нигде уже не упоминалось об экзаменационной системе. Служебное рвение (РГ, XIV, 54, 65) в принципе оставалось главным достоинством чиновника, придворного (КСХ-1, 1). Смена чиновников происходила почти по правилам Тайхо Ёро рё (РГ, IX, 34, 35): прежний чин удерживал текущий рисовый налог, людей, выделенных ему в кормление, экипажи и тягловую силу, подарки и плоды конфискации (ГСС, 46). Деление на частные и государственные проступки исчезло. Служебный произвол (РГ, XXIX, 3, 40) преследовался особенно строго, правда, под ним часто подразумевали любую инициативу чиновника (ТСК, 29). Во всяком случае, он считался наказуемым (ТО, 63), хотя процедура приема и разбора жалоб на него усложнилась до

крайности (ОХ, 15, 16). Другим распространеннейшим проступком оказалось взяточничество, или «подарки» чиновникам, терпимые кодексом Тайхо Ёро рё (РГ, XXX, 16). В отношении этих подарков не было единого подхода: то они изымались и передавались храмам (ГСС, 47), то их воспрещалось принимать служащим двора сёгуна (КС, 11), судьям (СС, 2), то требовали, чтобы они были скромными и не дорогими (ССХ-2, 7). Третьим злом оказалась семейственность, как бы узаконенная правилами передачи ранга, должности от отца сыну (ТСК, 29; ср. РГ, XII, 7). Стройная иерархия чиновничества, в VIII в. использовавшаяся как основа построения чиновников на императорских аудиенциях, выродилась в откровенное местничество, закрепленное законом (ХД, 7, 21).

Преступник и преступления некоторых категорий чиновников-придворных объявлялись подлежащими рассмотрению по общему закону (КСХ-2, 12). В принципе сохранялось понятие наказания по служебной линии (РГ, XIV, 1, 58, 64; XXIX, 28): чиновника увольняли за прелюбодеяние (ГСС, 34), за самовольство (ТСК, 29), за взяточничество, причем в случае признания и возврата взятки его не преследовали по суду (ОХ, 26), но в некоторых случаях увольняли, даже если виновный откупился или был прощен (ОХ, 99).

После Тайхо Ёро рё из сборников законов исчезает стройная иерархия должностей. Лишь в одном случае мы читаем перечень из 56 токугавских должностей, преследующий цель навести порядок в местничестве (ХД, 21). Названия должностей, понятно, сильно менялись, но если отвлечься от терминологических тонкостей, то такие видные должности из Тайхо Ёро рё, как министр (РГ, I, 1—6), губернатор (РГ, I, 11—13), староста (РГ, VIII, 4) и некоторые другие, просуществовали на протяжении всей истории страны. Главные министры поставлены выше принцев крови (КСХ-2, 2), причем со ссылкой на пример Тайхо Ёро рё (такие прямые ссылки на этот памятник в последующей правовой литературе не так-то уж часты), простые же министры шли сразу после принцев крови (КСХ-2, 3). О министрах есть любопытные указания (неспособных, хотя и знатных, не назначать (КСХ-2, 4), способных, но молодых, не снимать (КСХ-2, 5)), учитывающие должностное соответствие (РГ, XIV, 12—19). Губернаторы были поставлены очень высоко: их приказы считались обязательными для придворных (КСХ-2, 11) — ситуация немислимая для VIII в. Староста не должен быть пристрастен (ССХ-1, 7), но жалобы на его произвол принимались неохотно (ОХ, 15), а главное в соответствии с положением о круговой поруке он нес ответственность за многие проступки жителей его поселка — вплоть до штрафа (ОХ, 22), ссылки (ОХ, 28, 33, 38, 96), не говоря уже об увольнении (ОХ, 30).

Однако эта перекличка — капля в море по сравнению с огромным числом статей и даже разделов Тайхо Ёро рё (не менее половины из 30 разделов), посвященных в основном чиновникам VIII в. Правда, в последующем законодательстве чиновникам тоже отводится немало места, но не столько, а главное для нас — другим по названию и кругу обязанностей.

Международное право представлено в Тайхо Ёро рё десятком статей, рассеянных по разным разделам, касающимся других проблем. Эти статьи

посвящены возвращенцам, гостям из-за рубежа, иммигрантам, иноземцам, натурализовавшимся туземцам (айнам), иноземным послам и собственным чиновникам, командируемым за рубеж. Лишь одна из этих тем заслужила беглого внимания последующих головных законоположений и решается сходным образом: иноземных послов велено принимать по старинным предписаниям и вежливо (ОХ, 79; ср. РГ, XXX, 29). Зато выезду за границу (ср. РГ, VIII, 16, 41), причем любому, посвящены две группы статей: одна запрещает без разрешения пересекать границы своего княжества и страны, а также строить корабли (ТСК, 3; ТО, 23), другая налагает запрет на любые сношения с соседними княжествами на японском архипелаге (БСХ-1, 5). Если упомянутые статьи японского средневековья стремились не допустить выезда населения, то статьи Тайхо Ёро рё облегчали возвращение уехавших и даже освобождали от зависимости вернувшихся несвободных (РГ, VIII, 16, 41).

Переходя к рассмотрению личного права, мы оговоримся, что понимаем его в узком смысле. Если в Тайхо Ёро рё права и обязанности основных групп населения страны той эпохи, тем более двух обширных категорий — «доброе» (рёмин) и «подлого» (сэммин) люда, хотя упоминаются они нередко (РГ, II, 30, 42, 44; VIII, 17, 37—39, 41, 42, 44), излагаются нечетко и непоследовательно, то в последующих сборниках законов они оговариваются с еще меньшей определенностью. И это при том, что в эпоху Токугава в обществе и в праве очень четко выделяли четыре сословия (ХД, 12).

Если не считать членов императорского дома (ср. РГ, IV, 1, 2; XII, 35; XIII, 1, 4), к которым отнесено несколько эпизодических постановлений (КСХ-2, 2, 3, 13, 14), то из прочих привилегированных групп населения от Тайхо Ёро рё перешли в другие кодексы лишь придворные императорского двора (кугэ), врачи и учителя. Врачи часто упоминаются в Тайхо Ёро рё (РГ, II, 11, 44, 59, 69; XIII, 27; XXIV, 6, 7, 9, 12, 24, 27), чего не скажешь о последующих кодексах. Особым уважением пользовались наставники и учителя: за ложное обвинение лиц этих категорий виновному угрожалось распятие (ОХ, 65). Статьи Тайхо Ёро рё, хотя и не содержат угроз такого наказания, впервые в Японии законом подтвердили высокое положение наставника и учителей (РГ, I, 15; II, 17; IV, 2; V, 1—4; X, 14, 18).

Личное право простолудина в широком смысле слова осознается в средние века через свободу передвижения. Если в Тайхо Ёро рё она подается как переселение из малоземельных провинций в многоземельные с ведома властей и поэтому поощряется (РГ, VIII, 15; X, 14), то в последующие века в Японии отношение к свободе передвижения такого населения менялось. В XIII в. за крестьянином признавалось право оставить лен (ГСС, 42); двумя веками позднее слуги не смели покидать своих господ до определенного срока (СС, 13); в конце XV в. ушедший дружинник был обязан вернуться к своему господину по его требованию (СХ-1, 4); в середине XVI в. переселение крестьянина допускалось, но он должен был оплатить прежние недоимки (ТСК, 33), а в принципе крестьянин мог уйти к другому господину с согласия первого (СХ-2, 2); на рубеже XVI—XVII вв. без разрешения не допускалось переселение крестьян в другое княжество

(ТО, 23); в начале XVIII в. слуги, самовольно переселившиеся в другое место, не подлежали возвращению, если успели обзавестись на новом месте семьей.

Рабам в Тайхо Ёро рё посвящено свыше 30 статей в разных разделах (РГ, VIII, 35, 38, 39, 42, 43; IX, 27; XXVIII, 4, 7; XXX, 32—34 и др.), в более поздних документах им уделяется гораздо меньше внимания, а главное — оговариваются иные стороны их жизни. Четкое разделение рабов на казенных и частных отсутствует, но оно ощутимо в способах порабощения. В казенные рабы люди попадали за незаконный переход застав (ОХ, 20), влюбленные — за попытку совместного самоубийства (ОХ, 50), даже заключенные, правда, с их согласия, с последующей передачей их частному лицу (ОХ, 103). В частных рабов превращались дети, отданные в залог ссуды, которая не была выплачена (СХ-2, 12). Очень рано, в XIII в., утвердилось правило, по которому десятилетнее владение рабом создавало давность: претензий к владельцу уже не мог предъявить ни прежний владелец, ни сам раб (ГСС, 41; ТСК, 15).

Резко ухудшилось положение холопов (кэнинов). Во времена Тайхо Ёро рё они считались потомственной собственностью владельцев, но их запрещалось продавать, эксплуатировать «на износ». Допускалось их освобождение — и этот новый их статус особенно охранялся (РГ, VIII, 5, 17, 35, 39, 40, 42). В середине XVI в. право наказывать холопов принадлежало хозяину (ДС, 54), последний мог даже убить холопа за службу другому хозяину, правда, с согласия князя (ДС, 27). Даже слуги, чье временное и казенное состояние оговорено кодексом Тайхо Ёро рё (РГ, X, 38; XVIII, 51), в конце XVI в. после десятилетней службы господину зачислялись в разряд потомственных слуг, и ни они сами, ни их дети уже не могли покинуть хозяина (ТО, 37).

В неизменном виде сохранились пятидворки, объединявшие простонародье на протяжении средневековья. Их статус, определенный Тайхо Ёро рё (РГ, VIII, 9), изменился незначительно, за счет перемен в обществе. Так в середине XVI в. они вносили налог с дома (новая форма налога), когда сам хозяин не мог его выплатить (ТСК, 32), даже если дом был разрушен (ТСК, 37), в конце XVIII в. несли ответственность за хранение огнестрельного оружия, отстрел птиц в государственном заповеднике, предоставление приюта постороннему, неоправданные жалобы и т. д., т. е. за действия, в которых участвовал хотя бы один из членов пятидворки (ОХ, 21, 22, 25, 28). Принцип круговой поруки оставался закрепленным законом. Он проявлялся и в личном гражданском поручительстве: поручитель, например, отвечал за слугу, рекомендованного им, и материально, и в уголовном порядке (ОХ, 42; ср. РГ, XXIX, 23). Любопытно, что в конце XVIII в. сохранялись некоторые формы общественного призрения, введенные Тайхо Ёро рё (РГ, VIII, 32). Заболевший в пути мог рассчитывать на отдых в судебно-полицейских участках (ОХ, 89), а за попытку «сплавить» такого больного владельца почтовой станции или постоянного двора снимали с должности (ОХ, 93).

Последующие сборники законов, унаследовавшие некую долю положений личного права Тайхо Ёро рё, в виду изменений социальной ситуации отказались от многих важных узаконений этого кодекса,

связанных с общественными категориями «доброе» и «подлого» люда (РГ, II, 30, 42, 44; VIII, 17, 37—39, 41—44), крестьянскими дворами (РГ, VIII, 1; IX, 15, 16), их главами (РГ, VIII, 13, 18, 22), распадом дворов (РГ, XXVI, 13), выделом из двора (РГ, VIII, 13), податной ролью (РГ, VIII, 5), разрядом дворов (РГ, X, 6, 22), дворами мастеровых (РГ, II, 6, 26—29, 33—37, 41—53), особыми дворами — казенными (РГ, IX, 27), при мавзолеях (РГ, X, 19), разными (РГ, VIII, 19), даваемыми в кормление (РГ, X, 8), за заслуги (РГ, XV, 13), четкой возрастной классификацией податного люда (РГ, VIII, 6).

Преимущество в сфере семейного права, тесно связанного с гражданским, удобно оценить, начиная с норм, касающихся положения женщины (РГ, XXIX, 45). В XIII в. женщины впервые получили право усыновлять будущих наследников земель (ГСС, 23). Однако век спустя сборник законов настоятельно рекомендовал императору не прислушиваться к женским советам (КС, 8), а в конце XVI в. участие женщин в судебных делах было запрещено (ТО, 15). Несмотря на мелкие отклонения от патриархальности, последняя нарастала и захватывала все новые области. В середине XVI в. заключение браков с женщинами из других княжеств не одобрялось главным образом из-за вассальных и земельных соображений (ТСК, 4). В конце XVI в. самураев обязали заключать браки с вельями князя (ТО, 85), а к началу XVII в. относится курьезный призыв к князьям: не заключать браков ради материальных выгод и союзов (БСХ-1, 8). Эти правила заметно отличаются от выработанных Тайхо Ёро рё (РГ, VIII, 24—26, 30, 35; XIII, 4). Место наложницы в семье (РГ, VIII, 5, 23) изменилось (ОХ, 48; ХД, 22). Роль первенца в семье возросла в связи с победой принципа майората — об этом мы подробнее расскажем в следующем разделе наследственного права. Майорат несколько изменил и положение с усыновлением VIII—IX вв. (РГ, VIII, 12; XXIX, 24). Уже говорилось, что в XIII в. женщина — глава дома, хозяйства — впервые получила право на усыновление (ГСС, 23). Однако усыновление с намерением передать позднее приемышу земельное владение в середине XVI в. нуждалось в согласии князя (ТСК, 31). При Токугава усыновление практиковалось во всех слоях общества, и закон не упускал возможности высказаться по этому поводу в постановлениях, обращенных к каждому слою. Общим условием усыновления стала принадлежность приемыша к клану восприемника. Это правило ужесточалось для аристократов требованием усыновления по мужской линии (КСХ-2, 6), для военных феодалов — условием обладания приемышем крепкого здоровья и получения согласия властей (БСХ-4, 12), для самураев — необходимостью осуществить усыновление не в критические моменты жизни восприемника, не в нарушение прав первенца и непременно с санкции сюзерена (СХ-1, 6). Приемыши испытывали некоторую дискриминацию и по Тайхо Ёро рё: их право на наследование ранга по смерти приемного отца было довольно сильно ограничено (РГ, XII, 32; XIII, 2). Впоследствии они ощутили более жесткий, чем родные дети, внутрисемейный, патриархальный гнет: если приемный отец продавал приемную дочь в публичный дом, жалобу на эти действия не принимали ни от нее самой, ни от настоящих родителей (ОХ, 46).

Супружеская измена влекла за собой обычно более тяжкие последствия, чем по кодексу Тайхо Ёро рё: по гражданскому праву это было основанием для развода (РГ, VIII, 28), причем наложница в этом отношении приравнивалась к жене (ОХ, 48). Если по законнику XIII в. связь с чужой женой могла стоить мужчине половины лена и увольнения со службы, а женщине — всего лена или ссылки (ГСС, 34), то в середине XVI в. муж мог убить неверную жену и любовника (ДС, 164), в конце XVI в. он уже был обязан это сделать и, во всяком случае, прелюбодеяние стало наказуемым для обоих виновных (ТО, 33), в конце XVIII в. судьба неверной жены решалась по усмотрению мужа, по-видимому, при уточнении обстоятельств совершившегося, так как вынужденная измена не каралась, а вообще-то оба виновных подлежали смертной казни (ОХ, 48). Ссылкой каралась связь с помолвленной девицей (ОХ, 49); по гражданскому кодексу Тайхо Ёро рё такое действие, если оно обнаруживалось после свадьбы, вело к разводу (РГ, VIII, 27). Буддийский монах за прелюбодеяние выставлялся у позорного столба, терял бенифиций и должность (ОХ, 51).

Прежние положения о разводе сохранили свою силу (РГ, VIII, 26—31) и даже ужесточились. Развод оставался обязательным при прелюбодеянии, если виновная сохраняла жизнь (ТО, 33; ОХ, 48). Разведенная жена не могла наследовать земельное владение (ГСС, 21). Если насильно разведенный муж похищал свою бывшую жену, снова выданную замуж, его казнили (ОХ, 90). В этом случае ярко проявляется идея обязательного развода в случае нарушения моральных заветов независимо от воли супругов.

Несомненной особенностью судьбы семейного права эпохи Тайхо Ёро рё можно считать дальнейшую разработку всех его основных положений.

Кодекс Тайхо Ёро рё немало внимания уделил наследственному праву (РГ, VIII, 23; IX, 6, 10, 18; XII, 33; XIII, 2, 3; XV, 13). Впоследствии в законах и особенно кодексах отразились изменения порядка наследования земельных владений в связи с переменами в характере и принадлежности этих земель. Как и прежде, существовали две формы наследования: по закону, причем эта форма была усилена введением принципа майората, и по завещанию. Первенец не мог быть лишен наследства, если он прежде на законном основании не был изгнан из семьи (за «непочтение» и т. п.). Во всех случаях за ним сохранялась 1/5 владения (ГСС, 22). Как правило, он получал после смерти отца наследственные земельные владения (СС, 17; ТСК, 31; ССХ-1, 6). Допускалось даже снятие духовного сана, чтобы вступить в права майората (ОХ, 97). Завещательные распоряжения, таким образом, распространялись в принципе на благоприобретенное имущество, на жалованные, должностные и другие земли (ТСК, 31; СС, 17). Само завещание часто нуждалось в утверждении, особенно если отец лишал наследства первенца в пользу приемного сына (ТСК, 31). Такой вариант как исключение все же допускался в случае «непочтительности» первенца или предпочтительности для князя службы приемыша. Однако за завещателем оставалась возможность изменить уже утвержденное завещание (ГСС, 26), особенно если сын, которому завещано имущество, умрет прежде отца (ГСС, 20). Во избежание последующих споров надлежало, чтобы завещание было составлено заранее

и утверждено: если же оно составлялось на смертном одре, то передача владения должна была начинаться немедленно (СС, 18). Документ об усыновлении, составленный на смертном одре с целью передачи приемышу земельного владения, приобретал силу только после его утверждения князем, поскольку это меняло или могло изменить обычный порядок наследования (ТСК, 31).

Разведенная жена не могла унаследовать земельное владение после мужа (ГСС, 21), а вдова, унаследовавшая это владение и после снова вышедшая замуж, обязана была передать владение сыну (ГСС, 24).

Роль главы дома, фамилии по-прежнему переходила по наследству (РГ, XXX, 18). Родственники по женской линии не допускались на эту роль, во всяком случае в аристократических домах (КСХ-2, 6). Запрещалось наследование роли главы двух домов (ТО, 83), очевидно знатных и сильных. В любом случае в самурайской среде наследование поста главы дома осуществлялось с согласия сюзерена (ТО, 82). Этот пост считался настолько важным, что особая статья из «Ста статей» дома Токугава условием его наследования называет соблюдение всех положений этого кодекса (ХД, 27).

Как и в случае с семейным правом, практически все проблемы, намеченные кодексом Тайхо Ёро рё, получили в дальнейшем развитие в соответствии с требованиями времени.

Расширение внутреннего рынка в стране, происходившее в условиях нарастающей вплоть до XVII в. раздробленности, заставило правительство пересмотреть и расширить торговое право Тайхо Ёро рё (РГ, VII, 18; XXVII, 16—20), дополнив его новыми постановлениями. Прежние ограничения на право торговли, касавшиеся аристократов (РГ, XXX, 24), были распространены на самураев и выросли в категорические запреты даже запасать продукты с целью извлечения выгоды (ССХ-2, 20). Эти ограничения коснулись и служащих всех рангов, которым за спекуляцию угрожало наказание (ССХ-1, 8; ср. РГ, XXII, 15). Правительство продолжало держать под надзором рынки, но прежний четкий контроль за всей системой рынков (РГ, II, 66—70; XXVII, 11, 12; XXX, 24), судя по законодательным актам, теперь осуществлялся в более узких рамках. Наиболее обширные, изданные в начале XVII в., постановления запрещали создавать монополии, объединяться в компании, запасать товары с целью повышения цен. Во избежание споров за преемственность при рыночных сделках отказываться принимать или изымать руками надзирателей дефектные монеты (ТСК, 42). Неоднократно вводили стандартные меры: для сыпучих тел в середине XVI в. (СХ-2, 13), тё, бу и тан для измерения площадей в конце XVIII в. (ОХ, 12) — и настойчиво требовали, чтобы все ими пользовались (ТО, 56). Использование неутвержденных мер грозило ссылкой, а нестандартных — смертной казнью (ОХ, 68; ср. РГ, IX, 1; XX, 5; XXVII, 20; XXX, 1).

Ввиду того, что во внешней торговле краткие периоды активности сменялись затяжными периодами пассивности, даже те немногие статьи Тайхо Ёро рё, которые говорили о гаванях и судах для заморской торговли (РГ, II, 21, 68; XX, 12), о торговле с «варварами» (РГ, XXVII, 6, 8, 9), не получили отклика или иной интерпретации в рассмотренных нами законодательных актах.

Финансовое (налоговое) право, столь детально разработанное в Тайхо Ёро рё применительно к трояким повинностям населения (им целиком посвящен раздел X и часть раздела IX), в силу ослабления центральной власти, перемен в источниках и формах получения доходов, равно как и в иерархии самих получателей, в дальнейшем теряет свой стройный и долговременный облик. Новые властители предпочитают более гибкие постановления, приспособленные к текущим нуждам, поэтому не всегда попадающие в судебники и кодексы. Прежнее положение о переписи дворов (РГ, VIII, 19, 20) не акцентируется, но его основная идея — приписка земледельца к месту постоянного жительства — сохраняется. Это видно из постановления, предусматривающего различные наказания людям, давшим приют не приписанному к деревне человеку и главе этой пятидворки, старосте (ОХ, 25). Без законного освобождения возбранялось самовольно уклоняться от несения повинностей и службы получившим землю (ТО, 20). Впрочем, подчеркивалось, что требовать можно только внесения установленных налогов и податей и отправления законных повинностей и служб (ССХ-2, 14).

В развитом и позднем средневековье Японии главным видом поборов с землепашцев стали поземельный налог, четко оговоренный еще в Тайхо Ёро рё (РГ, II, 23; VIII, 3, 10; IX, 1, 2, 8; X, 6, 8, 36; XXII, 2), и налог с дома, этому кодексу неизвестный. Воспрещалось повышать поземельный налог, если арендатор обрабатывал землю в течение 20 лет (СС, 16). Вносить натуральный поземельный налог полагалось шелушеным рисом (ТО, 55). С переселенца полагалось взыскивать недоимки на новом месте (ТСК, 34). К началу XVII в. узаконенной была такая норма поземельного налога: 2/3 урожая самурая, 1/3 — крестьянину (ТО, 47). Новой формой побора стал налог с дома: его взымали даже с бродяг (ТСК, 34), переселенцев, людей, утративших дом, — за счет пятидворок (ТСК, 32), если таких домов не оказывалось в деревне слишком много. И тем не менее недоимки росли. В один из юридических сборников даже включено разовое распоряжение: погасить все недоимки за 1744 г. в течение 30 дней (ОХ, 33).

Кроме этого, в документах упомянута особая подать: про нее говорится, что она идет для распределения среди самураев в счет их жалования (ХД, 52).

Важным источником получения доходов были личные отработки, подробно регламентированные в VIII в. (РГ, II, 21; X, 4, 9, 10, 22—34, 37, 39). По требованию местных властей крестьянин или его работник обязаны были являться на работу. Если крестьянин посылал вместо себя работника, он отвечал за него. В случае смерти работника крестьянина освобождали от выполнения ежегодной нормы — 30 дней отработок, в случае убийства его надзирателем — на 10 лет, но в случае бегства работника требовали замены (ТСК, 13).

Столь же неясны (на основании наших материалов и при сличении с таковыми же из Тайхо Ёро рё (РГ, II, 21; IX, 6, 21; X, 9, 11, 12, 14—21, 39)) постановления об освобождении от налогов и повинностей. Аристократия при императорском дворе освобождалась от большинства обязанностей и повинностей. Военные феодалы, желая воспользоваться иммунитетом от повинностей с земель, которые они отдавали под видом приданого, даже вы-

давали своих дочерей за аристократов. Правда, правительство требовало, чтобы такие феодалы несли службу, прежде всего военную, а по смерти зятя иммунитет не распространялся на земли тестя (ГСС, 25). Не брали налог с дома, владелец которого умер или был осужден, а также с разрушенного дома (ТСК, 35—37). Однако, если в результате стихийного бедствия земля, жалованная самураю, терпела серьезный урон, участок не обменивался; его держатель мог рассчитывать лишь на соразмерное сокращение своих обязанностей перед сюзереном (ТСК, 10). Это единственное в наших документах косвенное отражение практики снижения налогов соразмерно ущербу, детально разработанной Тайхо Ёро рё (РГ, X, 9).

Уклонению от налогов и повинностей, лишь затронутому в Тайхо Ёро рё (РГ, XXVIII, 1), в последующих сборниках законов уделено много внимания. Запрещена продажа «именных земель» (мёдэн) с понижением налогового обложения по купчей (СС, 15), а ленов — на вечные времена (ОХ, 30). При обнаружении тайного поля налоги с них взыскивались за весь срок владения без учета давности (ТСК, 57). Позднее за сокрытие от налогообложения земли самурая угрожало двойное обложение, а крестьянину — ссылка (ТО, 52).

Вместе с тем возбранялось конфисковывать за недоимки несоразмерно большую часть земельного владения (СС, 14). Чиновникам за нарушение правил сбора налогов и наложения повинностей грозило наказание в виде увольнения, штрафа, конфискации имущества (ОХ, 98).

По мере усиления феодальной раздробленности изменялось былое представление о государственном бюджете (РГ, II, 22, 33, 39; X, 5, 22). Исчезли или до неузнаваемости изменились статьи доходов, предусмотренные кодексом Тайхо Ёро рё: подушная подать (РГ, II, 22, 33, 39, 40; VIII, 10; X, 1, 8, 10, 36), дополнительная подать (РГ, XI, 36), доход крестьян от тутовых и лаковых посадок (РГ, VIII, 1; IX, 15, 16), выкуп от трудповинности (РГ, X, 4, 20), повинности чиновников (РГ, XXX, 26—28), поступления с казенных полей (РГ, II, 23, 39; XXX, 37), пастбищ (РГ, XXIII, 9, 25, 27), выкуп от наказаний (РГ, XXIX, 52, 62), не говоря уже о статьях расходов на содержание огромного гражданского, военного, придворного аппарата, учебных и других заведений.

Вещное право, или право собственности, не получило от Тайхо Ёро рё всесторонней теоретической разработки. В этом кодексе не рассматривались теоретические вопросы казенной и частной собственности. В этой связи проведено довольно отчетливое размежевание: для кодекса казенная собственность — это в основном земля, годная для обработки, государственные табуны и пастбища, дворцовое хозяйство, частное — это некоторые виды земельных пожалований и все, что не государственное и не общественное. Впоследствии категории казенной и частной собственности заметно сместились, особенно когда речь шла о земле. Поэтому в целях сравнения целесообразнее говорить о недвижимом и движимом имуществе. Казенной недвижимостью в законниках названы леса (РГ, II, 21): их запрещалось рубить (ТО, 76); мосты (РГ, XX, 11, 12): смытые водой, они подлежали восстановлению, их могли расхищать (ТСК, 21), действующие следовало поддерживать в исправном состоянии (ВСХ-2, 15); дикие животные и птицы

(РГ, II, 29; XXX, 39): самураи были обязаны принимать участие в охоте (ТСК, 20), простонародье не смело охотиться в заповедниках под угрозой тяжелого наказания на основе круговой поруки (ОХ, 22). Частная недвижимость (РГ, VIII, 23) поминается в кодексах в связи с конфискациями: наместникам строго возбранялось прибегать к конфискации земельных владений без и вместо разбирательства дела (ГСС, 4), однако у владельца, сознательно покрывавшего преступного приближенного, могли конфисковать половину владения на три года (СС, 11). Недвижимость осужденного на смертную казнь подлежала конфискации (ОХ, 27) и поступала в обеспечение долга у банкрота (ОХ, 29).

Казенная движимость обойдена молчанием в наших подборках законов. Что касается частной движимости (РГ, VIII, 23; XXIX, 60; XXX, 11, 18), то она, как и недвижимость, подпадала под завещательные распоряжения без оглядки на майорат (ТСК, 31) и под действие закона о смертной казни и банкротстве. Одни ее формы, например корабли (РГ, II, 28, 69; XX, 13—15), попали в законники потому, что их запрещалось строить (ТО, 23; БСХ-2, 17); другие, в частности кони (РГ, XXIII, 13, 19, 25), — по той причине, что каждый владелец 3 тё земли был обязан содержать верхового коня под седлом, третьи, например кони и быки (РГ, XXIII, 23, 24), — из-за того, что их владелец был обязан оплачивать потраву (СХ-2, 3); четвертые, которые можно определить одним словом — ценности (РГ, II, 31, 33; III, 5; IV, 6; X, 35), — вследствие того, что на них целиком распространялась воля завещателя (ТСК, 31), а поддельные золотые и серебряные вещи подлежали изъятию и переплавке; наконец, пятые — лекарства (РГ, II, 11, 44; XXIII, 3; XXIV, 4, 6, 20—26) — из-за возможности быть казненным за приготовление ядов и поддельных снадобий (ОХ, 60). Кодекс Тайхо Ёро рё детально рассматривал вещное право в целом и отдельные случаи его приложения. Изложенные в нем положения о казенных конюшнях (РГ, XXIII, 1, 9), пастбищах (РГ, XXIII, 11) и кладовых (РГ, XXII, 4—6, 8, 9, 11, 12), молодняке и приплоде (РГ, XXIII, 10), лошадях перекладных (РГ, XXIII, 16, 18, 20—22; XXVII, 4; XXIX, 15) и почтовых (РГ, XXI, 48, 54; XXIII, 16, 18, 20—22), церемониальном оружии и утвари (РГ, XVI, 8; XVIII, 13, 17; XIX, 13, 14) и дворцовой рухляди (РГ, II, 43; III, 5) мы вовсе не встречаем в последующих узаконениях. Никогда не развиты принципиально важные разработки о возмещении ущерба казне (РГ, XXII, 13, 14; XXIII, 9; XXIX, 58), об объектах общественного назначения: плотиках (РГ, XX, 16, 17), оросительной системе (РГ, XXX, 12), праве собственности на потерянные вещи (РГ, XXVIII, 15), на прилудный скот (РГ, XXIII, 23), на полезные ископаемые (РГ, XXX, 9, 10) и клады (РГ, XXX, 22), пределах частной собственности в случаях общественной опасности (РГ, XXX, 23).

Договорное право в Тайхо Ёро рё представлено правилами найма работников (РГ, X, 5, 22), купли-продажи земли (РГ, IX, 17, 19) и каких-то предметов (РГ, XXVII, 16, 17; XXX, 18), получения и предоставления ссуды (РГ, XXX, 19—21, 24) со всеми действиями, связанными с этими операциями: залогом (РГ, XXIX, 60; XXX, 19), процентами (РГ, VII, 18; XXX, 19—21), взысканием долга (РГ, II, 30).

Правила найма работников звучат в кодексе VIII в. весьма глухо: речь идет не то о денежной компенсации при особых видах отработки, не то о поднаёме казной недостающих специалистов — опять же в процессе отработок. О статусе таких нанятых говорится мало. В последующие века одно правило выдерживалось строго: работник или слуга не смел покидать хозяина до обусловленного срока (СС, 13); если слуга, не отработав задатка, ушел, не отслужив срока, бежал — за него материально и по суду отвечал поручитель; за неоднократное пособничество бегству последнему угрожала смертная казнь (ОХ, 42).

Поскольку для государственного кодекса Тайхо Ёро рё казенная земля представляла интерес независимо от ее использования, регламентация ипотеки ограничивалась разрешением сдавать в аренду приусадебные участки и продавать сады — и все это с разрешения властей. Уже в эпоху формального действия кодекса реальная ситуация с казенной землей значительно изменилась. Иерархия владельцев и собственников на землю все усложнялась и требовала периодического упорядочения. Уже в середине XIII в. частную потомственную землю разрешалось свободно продавать и покупать, но жалованные и должностные поля нельзя было не только продавать, но и закладывать (ГСС, 48). В XV в. запрещалось продавать земли буддийских храмов, а также так называемые именные земли (мёдэн), последние — с указанием в купчей на заниженную сумму налогов (СС, 1, 15). С конца XV в. усиливается законодательство, направленное на сохранение за земледельцами или держателями ленов их земли: при отсутствии купчей у покупателя право на участок могли восстановить как сам продавец, так и его потомки (СХ-1, 1, 2). Наряду с этим в законе впервые разбирается случай многократной перепродажи поля нескольким покупателям и право на него признается за первым покупателем (СХ-1, 3). Это правило подтверждено законом в середине XVI в. (СХ-2, 12). В это же время жалованную землю возможно было сдать лишь в аренду на срок, и то с разрешения властей (ТСК, 12). В конце XVI в. право выкупа земли ее первым владельцем было распространено на участки, переданные в так называемое вечное пользование (ТО, 43). В конце XVIII в. сделана попытка вовсе запретить продажу земель (ОХ, 30).

Другие постановления о купле-продаже не отражают такого вмешательства властей. В середине XVI в. еще процветала продажа детей в рабство: их ухитрялись продавать сразу нескольким покупателям, и закон становился на сторону первого покупателя (СХ-2, 12). К XVIII в. относятся несколько ограничений: запрещено продавать яды, поддельные золотые и серебряные монеты, «книжки сомнительного содержания», товары из общего груза корабля (ОХ, 38).

При получении ссуды деньгами или рисом без залога составлялся вексель, который подписывал и посредник (поручитель). Он же отвечал за долг в случае смерти, бегства должника (ТСК, 40, 46, 47; ср. РГ, XXX, 19). Величина годовых не могла быть больше 100 %. Когда наступал момент удвоения долга, кредитор был обязан официально предупредить об этом должника, в противном случае для кредитора усложнялся процесс получения долга, а должнику после получения предупреждения угро-

жал штраф (ТСК, 50). За превышение законных 100 % годовых, а также за «пустые» векселя (в которых задним числом можно было приплюсовать проценты к сумме ссуды) кредитор, должник и посредник штрафовались (ОХ, 39).

Часто ссуду получали под залог: под землю, усадебный участок, дом, обстановку — по официальному перечню (ОХ, 29), а также под разные ценные предметы и продукты. Наибольшее внимание законодатели уделяли земле как объекту залога. В середине XVI в. кредитор, взяв в залог землю, вместе с ней брал на себя и выполнение всех связанных с ней повинностей (ТСК, 44). Более того, при неуплате долга окончательная передача заложенного поля ростовщику допускалась лишь с ведома князя (ТСК, 49). Особенно строго за этим следили, когда речь шла о жалованном поле (ТСК, 43). Если должник не мог выплатить долг и был обременен недоимками, а кредитор хотел продать заложенную землю с торгов, он мог это сделать после официального объявления (ТСК, 54). Если в залог была отдана грамота на владение участком, то при просрочке платежа земля могла отойти кредитору (СХ-2, 9). Наконец, должник получал право в течение 10 лет по истечении срока возврата долга выкупить свою землю, а при бедности получить еще льготный срок в 10 лет (ТСК, 31), т. е. кредитор на 20 лет превращался во временного и условного владельца заложенной некогда земли. За повторный залог одного и того же участка владельцу угрожала ссылка (ТСК, 37). Подобная практика, по-видимому, не была редкостью и не всегда считалась незаконной. Во всяком случае, если таким образом закладывался дом, преимущественное право на него получал тот из кредиторов, кто обладал на него «вечной передаточной записью» (ТСК, 51). Если были заложены хозяйственные постройки, должник в суде мог добиться разрешения выплатить долг в рассрочку (ТСК, 56).

При залоге движимого имущества и ценностей действовало правило, по которому кредитор был обязан продлить срок возврата ссуды, если стоимость залога при объявлении о неплатеже оказывалась выше размера ссуды — до ее стоимости (ТСК, 48). В случае возникновения спора о залоге после выплаты долга и процентов, ростовщик в восьмимесячный срок должен был вернуть либо залог, либо его действительную стоимость (ОХ, 92). Если была заложена чужая вещь, настоящий хозяин мог получить ее, доказав факт и законность собственности на нее (СС, 9). Если залогог сгорали или были украдены вместе с вещами кредитора (но не потеряны), последний не обязан был возвращать их (ТО, 40).

Из вышеизложенного явствует, что взыскание долгов было непростой задачей. Это впечатление подтверждается при рассмотрении специальных постановлений о взыскании. В XIII в. земли, арендованные у правительства или феодала, можно было лишь в порядке исключения заложить не более чем на три года — при превышении этого срока участок мог быть конфискован, в случае смерти должника — возвращался наследнику, при неуплате долга в срок — удерживался кредитором (СС, 19). Позднее, в середине XVI в., при нескольких залговых на поле преимущество в получении долга имел кредитор, давший деньги в долг первым (ТСК, 38); то же правило действовало при описи участка кредиторами (ТСК, 39). До

уборки урожая описывать поле не разрешалось (ТСК, 45).

В конце XVI в. рисовую ссуду полагалось возвращать теми же мерами, какими ее получали (ТО, 38). По ходатайству кредитора суд назначал срок погашения долга (обычно под залог ценностей) — от месяца до года в зависимости от суммы долга (ОХ, 32).

По общему правилу взыскания долгов родители оплачивали долги детей лишь в случае смерти последних или поручившись за них (ТСК, 40). Если должник ушел в монастырь, продан в рабство, укрылся у сильного владельца, принявшие его принимают на себя и его обязательства (ТСК, 41). При истечении срока выплаты ссуды кредитор обязан был предупредить об этом должника, а также обратиться к властям с просьбой признать законность долга — в противном случае ему могли вернуть ссуженную сумму без процентов (ТО, 42). При споре между кредиторами суд отдавал предпочтение тем, кто соглашался на частичное погашение долга (ОХ, 35).

Земельное право разработано в кодексе Тайхо Ёро рё весьма детально — ему посвящены IX раздел, много статей в других разделах, но основывается оно лишь на практике использования государственной земли. В последующие времена земельные проблемы весьма усложнились. Здесь мы рассмотрим статус различных категорий земель (насколько он сформулирован в юридических памятниках) и не будем касаться земельных сделок.

С VIII в. в стране продолжал действовать земельный кадастр (РГ, IX, 25). На его основе производилась раскладка налогов, занесенные в него земли подлежали обязательной обработке (ТО, 49), по нему решали споры о границах владений (ТО, 53). Прежние подушные наделы (РГ, IX, 3) уступили место ленам и участкам земли, выделенным держателями ленов земледельцам. От полученного лена можно было отказаться (РГ, IX, 19) лишь при доказанной невозможности его обрабатывать и с согласия сюзерена (ТО, 22). Жалованные поля (РГ, IX, 6, 8, 10, 18) были, в сущности, теми же ленами. Первый сёгунат впервые широко стал отбирать у аристократов земли и жаловать их своим сторонникам. Особая статья кодекса отказывала жалобщикам в приеме и удовлетворении их просьб о возвращении земель, если их новые владельцы ничем себя не скомпрометировали (ГСС, 7). Позднее владельцы таких земель сохраняли их в своих руках, даже манкируя службой до 10 лет и более (ТСК, 11), не платя налогов, — арест на такие земли налагался лишь с санкции высших властей (ТСК, 5). Однако эти земли не считались частновладельческими, не подлежали продаже (ТСК, 12), закладывались не более чем на три года (СС, 19), а при неуплате долга доставались кредитору лишь с ведома князя (ТСК, 43), превращались в майорат, каждое отклонение от которого должно было согласовываться с князем (ТСК, 31).

Разные храмовые земли, о которых вскользь говорил Тайхо Ёро рё (РГ, IX, 21, 26), сохранялись в неприкосновенности (БСХ-2, 18; БСХ-4, 14) и не увеличивались (БСХ-5, 17). Все расходы храмов покрывались за счет доходов с этих земель (ТО, 1, 2), поэтому продавать эти земли тоже запрещалось (СС, 1).

Правители средневековой Японии постоянно старались расширить запашку и не допустить существования заброшенных и целинных земель (РГ,

IX, 11, 29). В случае обнаружения необработанных казенных земель с ответственного чиновника взимался штраф (ТО, 46). При этом подразумевалось, что эта земля уже является чьим-то леном (ТО, 49). Правительства всемерно поощряли распашку таких полей. В случае, если после этого прежний владелец предъявлял свои права, ему выделялся участок по старым межевым знакам либо отрезалась половина вновь распаханной целины (ТСК, 8). Сама распашка целины производилась с разрешения властей (ДХ, 32) и на разных условиях: за сниженный налог в течение года (ТО, 48), без права строить там дом (ОЗ, 95). Рисовые поливные поля, как наиболее продуктивные, пользовались особой опекой еще в эпоху Тайхо Ёро рё (РГ, II, 21, 39; VIII, 23; IX, 1). Их запрещалось пускать под суходол, под постройку дома (ТО, 44). Чтобы обеспечивать их водой, правительство принимало меры еще в VII—VIII вв. (РГ, II, 21; XXX, 12). В последующие эпохи оно обязывало высших чиновников на местах (дзито) контролировать оросительную систему (ДС, 83; ТО, 51), увязывать распашку новых орошаемых полей с нуждами в воде уже существующих (СХ-2,1), на все лады пропагандировало идею общепольности орошения, его общественную значимость (ДС, 84, 87, 88).

Много постановлений было посвящено проблеме спорных полей еще в VIII в. (РГ, IX, 30, 34). В середине XIII в. при обнаружении факта перестановки межевых знаков истцом в пользу ответчика велено отрезать участок, на который претендовал истец (ГСС, 36). К началу XV в. за такие действия от истца брали штраф в пользу храма (СС, 3). Границы спорных владений восстанавливали по официальным планам (ОХ, 11), частные же документы не принимали (ОХ, 13).

В связи с изменившейся социально-экономической ситуацией многие вопросы земельного права, затронутые в Тайхо Ёро рё (земельные наделы не-свободных (РГ, IX, 27), аренда казенных земель (РГ, X, 11, 29), земли почтовых станций (РГ, IX, 33), дворцовые поля (РГ, IX, 36, 37), ранговые земли (РГ, IX, 4, 8, 9, 18)), в сборниках законов не нашли отражения.

Необычно важное место этических учений в жизни народов Дальнего Востока, в том числе японцев, подчеркивалось правовыми узаконениями в этой сфере. Это обстоятельство вынуждает нас выделить отрасль сакрально-этического права. Этические заповеди были выработаны в основном на базе сочинений писателей конфуцианского толка с добавлением положений философов других направлений и местной японской традиции. Моральным заповедям, моральному долгу в Тайхо Ёро рё посвящено немало статей, рассеянных по разным разделам, что следует понимать как насыщение этими заповедями самых различных сфер государственной и общественной жизни (РГ, VI, 13; VIII, 7, 11, 31—33; X, 17; XI, 3; XII, 4; XIV, 3—6; XVIII, 9, 10, 12, 16, 20—22; XXI, 56 и др.). Целые разделы (XVIII, XXVI, отчасти XIX, XXV) немислимы без морально-этической основы. За прочностью и упорядочением этой последней следило несколько центральных учреждений — от министерства церемоний и цензора до управлений разных рангов (РГ, II, 6, 9, 12, 13, 17; III, 6, 16). В последующие века законодательством поддерживались как общие основы этики, так и разные конкретные

формы ее проявления. За особую приверженность к высшим конфуцианским принципам обещали награду (КС, 14; ср. РГ, X, 17). Отстаивалась необходимость штудирования конфуцианских книг (ТО, 8). Китайская классика считалась лучшим средством постижения «пути» — дао (ССХ-2,1), об этом сёгуны не стеснялись напоминать даже императору (КСХ-2,1). В законах, обращенных к самураям, пропагандировались такие конфуцианские в истоке добродетели, как верность, пиетет, этикет, просвещенность, честность (ССХ-2,1), на основе которых строился кодекс чести самураев и круг их обязанностей (ТСК, 19, 20, 30). За несоблюдение пиетета — сыновней почтительности — виновного могли наказать по уголовным законам, даже если он принадлежал к военным феодалам — буквэ (БСХ-2,20). Призывы избегать бесчеловечности, беззакония и т. п. в их конфуцианской трактовке безоговорочно включали в сборники законов (ТО, 6). Этикет провозглашался как универсальная основа для отличия высших от низших (КС, 13). Впрочем, последнее отличие дифференцировалось, а главное, среди прочих отчетливо распространялось и на простонародье, а не только на привилегированные слои. Речь идет об известных пяти человеческих отношениях — одной из важнейших практических разработок конфуцианской мысли. В юридических постановлениях эти разработки преломлялись в запрете ставить представителей данных пяти групп в «противоестественные» отношения: поручать слугам и детям разыскивать господ и родителей, совершивших преступления, и т. д. (ОХ, 82); требовать от вдовы, унаследовавшей лен мужа и снова вышедшей замуж, отказаться от земли в пользу детей, как от нарушившей верность памяти первого мужа (ГСС, 24). Четкое соблюдение формы одежды (КСХ-2, 9; БСХ-1,10; ССХ-2, 21), которой Тайхо Ёро рё посвятил особый раздел (РГ, XIX), характера музыки, которую этот кодекс делил на «дозволенную» и «недозволенную» в определенных ситуациях (РГ, II, 17; VI, 11; VII, 9; XI, 18; XVII, 39), а последующие сборники законов дифференцировали социально (ХД, 89), считалось залогом стабильности общества. Наряду с этим все население в целом призывалось соблюдать частные ограничения в роскоши (КС, 1; БСХ-1, 12), совершать обязательные поклонения в храме предков (ХД, 60, ср. РГ, II, 12, 13, 19; III, 16), учитывать при заключении брачных союзов соотношение сил ин—ё — кит. инь—ян (БСХ-1,8), за состоянием которых следили и в VIII в. (РГ, II, 2, 9).

В законниках развитого и позднего средневековья страны не встречаются такие темы, как астрология и официально признанные предзнаменования (РГ, I, 15; II, 9, 16, 69; XVIII, 7, 8; XXX, 7); волхование и ложные знамения (РГ, VII, 1, 2, 5; II, 1; XIV, 40); официальная погребальная процедура (РГ, XXVI; XXIX, 9); траур (РГ, II, 16, 19; VI, 11; X, 21, 29; XI, 19; XII, 22; XVII, 23; XVIII, 7, 20, 21; XXV, 10, 12; XXVI, 2—4,17; XXIX, 22, 48; XXX, 32); празднование дня Конфуция (РГ, XI, 3).

Государственное церковное право регламентировало деятельность синтоистских и буддийских храмов и клира. Как видно из текста, кодекс Тайхо Ёро рё ставил дела синто очень высоко, внешне даже выше мирских, государственных дел и, безусловно, выше буддийской деятельности. В дальнейшем, судя по сборникам законов, верх взяла тенден-

ция ставить оба верования на одну доску, но больше уделять внимания буддийским организациям.

Что до храмов, деятельности которых кодекс Тайхо Ёро рё посвятил полностью два раздела (V и VI) и ряд статей в других разделах, регламентирующих правила контроля храмов на местах из центра (РГ, 11, 18, 68, 69), то законы последующих эпох требовали, чтобы храмы служили нормально, независимо от места, где располагались, на государственных землях или в частных феодах (ГСС, 1, 2), но не спекулировали на чудесах (КС, 16). Наряду с требованием к верующим почитать храмы, законы угрожали священнослужителям двойным штрафом за пренебрежение молениями (СС, 1). Все расходы по храмам и службам должны были погашаться за счет доходов с храмовых земель (ТО, 1, 2). Храмы не имели права предоставлять убежище потомственным приближенным и слугам военных феодалов (СХ-1, 4). Ни синтоистские, ни буддийские монахи не смели создавать особые объединения, стараться привлечь на свою сторону князей (ТСК, 52).

Особое отношение к буддийским организациям выражалось лишь в неоднократном запрещении возводить новые храмы (БСХ-5, 17; ССХ-3, 17), создавать новые секты (БСХ-5, 17), злоупотреблять отшельничеством (ХД, 72), к которому власти «правового государства» относились настороженно (РГ, VII, 13), а синтоистским храмам выражалось пожелание, чтобы обряды очищения проводились в положенные 1, 15, 28 дни месяца и еще раз в семь дней (ХД, 59).

Правительства не упускали из виду иерархию буддийских священнослужителей, основы которой были сформулированы кодексом Тайхо Ёро рё (РГ, VII, 3, 5, 11, 17, 20—22). Высшее духовенство включало три должности: епископ (игумен), настоятель, эконо. Поскольку эти должности входили в общую служебную иерархию, назначать на них полагалось в соответствии с рангом претендента и «старинными обычаями» (КСХ-2, 15). Поскольку дворцовое духовенство и в старину считалось привилегированным, старались не допускать «случайных» назначений, т. е. с нарушением иерархии (КСХ-2, 16). При этом самые высшие чины иерархии назначались лично императором (КСХ-2, 17). Старая традиция требовала, чтобы назначение на высшие посты имело вид выбора (РГ, VII, 14). Поэтому князю, сёгуну духовенство представляло кандидатов, получало персональную рекомендацию, «выбирало» это лицо и добивалось утверждения (ТО, 81). Борьба за эти должности исстари достигала значительного накала — тому свидетельство особые статьи Тайхо Ёро рё на этот счет (РГ, VII, 4, 14). Поэтому понятно, что закон предусматривал смещение интригующих лиц (ГСС, 40). Еще более опасной для общественного спокойствия была борьба между приверженцами отдельных сект, к которым примыкали и миряне (ТСК, 22). Во избежание этого власти стремились изолировать духовенство от мирян: буддийским монахам запрещалось посещать дома мирян (ТО, 36), монахам секты дзэн — подавать советы императору (КС, 8). За неортодоксальные, еретические проповеди и в VIII в. духовенству угрожала епитимья, а мирянам — уголовная ответственность (РГ, VII, 23). Позднее духовенству за это угрожала ссылка, а мирянам за переход в другую секту — выселение и конфискация имущества (ОХ, 52).

Правила пострижения в монастырь были разработаны правительством. Так, известна иерархия

после пострига даже верхушки знати: императора, принцев, аристократов (КСХ-2, 13). Пострижение самовольное, беглых, должников не допускалось. В последнем случае, например, долг переходил на храм (ТСК, 41). С согласия властей и по ходатайству монастыря и родителей допускался постриг несовершеннолетнего старшего сына в семье, осужденного в ссылку (ОХ, 97), очевидно, с целью его последующего расстрижения и принятия наследства. Самовольное расстрижение, как и по кодексу Тайхо Ёро рё (РГ, VII, 21), было наказуемым (ТО, 10). Уголовное осуждение означало непременно расстрижение, а уже потом исполнение приговора (ОХ, 103) — порядок, принятый еще в VIII в. (РГ, VII, 5, 16, 21). За серьезные поступки снимали с должности, например, настоятеля за еретические проповеди (ОХ, 53), за прелюбодеяние (ОХ, 51), назначали епитимью — простым монахам за участие в еретических проповедях (ОХ, 53), настоятелю храма — за частное погребение (ОХ, 54). Перечень мер наказания не изменился с VIII в., а список проступков, подлежащих наказанию, в Тайхо Ёро рё выглядит более пространным, из вышеперечисленных он не включает лишь частные погребения (РГ, VII, 3—5, 7—11, 14—16, 21—23, 25, 26).

Предметы культа, упоминаемые не раз в Тайхо Ёро рё (РГ, VI, 16, 19; XVIII, 17; XXVI, 80), не подлежали конфискации (ОХ, 27).

В законниках, использованных нами для сравнения, за исключением обряда очищения отсутствуют положения о проведении синтоистских празднеств, столь богато представленные в Тайхо Ёро рё (VI), о внутренних делах буддийских храмов (VII).

Военное, военно-административное право в кодексе Тайхо Ёро рё представлено целыми разделами (XVI и XVII) и отдельными статьями в прочих разделах. Подобная ситуация никогда больше в правовом законодательстве не повторялась. Парадоксальный характер этого заключается в том, что Тайхо Ёро рё составлен гражданским правительством, а все последующие сборники законов — военными правительствами. Последние насыщены постановлениями о военных (букэ, самураях), но не о военном деле.

В Тайхо Ёро рё целый раздел (XVI) и много статей, рассеянных по другим разделам (РГ, II, 59, 61, 62; III, 9; IV, 4; XIV, 23, 53, 69; XVII, 12, 20, 23; XXVIII, 1), посвящены охране императорской резиденции. Лишь в одном из последующих законов ей уделено несколько статей, требующих от членов императорской охраны постоянного присутствия в покоях и круглосуточной охраны дворца (КСХ-1, 3—5), воспрепятствующих охранникам без дела бродить по улицам (КСХ-1, 4), играть в игры, кроме как в праздничные дни, общаться с самураями и простолюдными (КСХ-1, 5).

Статус воина, описанный в Тайхо Ёро рё (РГ, XVII, 8, 16, 28, 29, 40, 56, 61, 63), изменился, так как сильно изменился состав и характер воинов позднего средневековья. Законы призывали этих воинов находить удовольствие в военной службе (ССХ-1, 7), слушаться старших самурайских отрядов (ССХ-1, 7), исправно нести воинскую службу (ССХ-1, 9; ССХ-3, 23), постоянно тренироваться во владении оружием (ССХ-2, 2; ХД, 35—37, 56—58), отказываться от местничества и соперничества (ТСК, 23; ССХ-2, 9, 10).

К собственно солдатам (РГ, X, 19; XXVIII, 1—3) обращено требование строго соблюдать установленную форму одежды, не носить парчовые одеяния (БСХ-1, 10), которые, однако, допускались для военных более высокого ранга (БСХ-3, 10).

Подобное же соотношение интереса наблюдается в Тайхо Ёро рё и прочих сборниках в отношении вооружения. Двум десяткам статей Тайхо Ёро рё, обсуждающим вопросы производства, хранения и использования вооружения (РГ, II, 24, 26, 31, 64, 65; III, 8; IV, 11; VII, 26; XVI, 12, 18, 19; XVII, 4, 7, 41—45; XIX, 13, 14; XXVII, 17), противостояло всего несколько более поздних статей, если не считать еще нескольких из разных версий «Хяккадзё». Строго запрещалось хранить в селах огнестрельное оружие (ОХ, 21); за ношение мечей крестьян и горожан отправляли в ссылку (ОХ, 94; ср. РГ, XVII, 4, 44). Воспрещалась бесцельная стрельба из огнестрельного оружия (К-1, 6; ср. РГ, XXX, 41). К военному сословию, напротив, обращены неоднократные призывы держать оружие в готовности (БСХ-4, 13; ср. РГ, XVII, 2, 9, 11), не пренебрегать вооружением (ССХ-2, 2). Поскольку многие бывшие крепости (РГ, XVII, 52—53, 65) стали феодальными замками, правительство стало ограничивать количество вооружения (БСХ-1, 6).

Что до военных коней (РГ, XXIII, 13), то каждый ленник — владелец 3 тё земли обязан был содержать боевого коня под седлом (ТО, 24), относящиеся к военному сословию — в постоянной готовности (БСХ-4, 3).

Не обнаружено в использованных сборниках разработок таких тем, широко представленных в Тайхо Ёро рё: правила призыва (РГ, XVII, 3, 16, 20, 36, 38, 46, 47), статус воинов (РГ, XVII, 3, 8, 16, 28, 29, 40, 56, 61, 63), командиров (РГ, XVII, 1, 13, 21, 24, 26), награды и наказания (РГ, XVII, 25, 30—35), экзамены для военнослужащих (РГ, XVII, 37), виды войск: гвардия (РГ, II, 62; X, 19; XIV, 52; XV, 8; XVI, 3; XVII, 15, 38), территориальные части (РГ, XVII, 1), пограничники (РГ, II, 69; XIV, 48; XVII, 12, 55, 57—63), крепости и сигнальные посты (РГ, II, 24; XVII, 52—53, 65—76), войска в походе (РГ, XVII, 17—20, 22, 27, 30).

Полицейское право в кодексе Тайхо Ёро рё представлено постановлениями о дорогах (РГ, II, 21, 66, 68—70; XX, 12), переправах (РГ, XXX, 13), почтовых станциях и постоялых дворах (РГ, II, 25, 68—70; XXIII, 14, 15, 17, 18, 22; XXX, 25), заставах (РГ, II, 69; XIV, 49, XVII, 54; XXVII, 1—3, 7—10), а также о беглых (РГ, VIII, 10, 14, 17, 42; X, 12; XXVIII, 1, 7, 9—11; XXIX, 32), которые находят известные аналоги в последующих законодательных актах. В этих актах содержится требование поддерживать дороги, переправы и станции в годном для путешествия состоянии (БСХ-2, 15). К режиму застав относились по-прежнему строго. Без разрешения старосты и чиновников человек не смел переходить заставы (ТО, 23). За незаконный переход застав мужчин ожидала ссылка, а женщин — порабощение (ОХ, 20). Это нарушение относилось к числу немногих важных преступлений, при расследовании которых применялась пытка (ОХ, 83). В эпоху Токугава издаю запрещение возводить частные (не сёгунские) заставы (БСХ-2, 16).

Полицейское назначение застав заключалось в стремлении лишить свободы передвижения по

стране основное тягловое население, особенно беглых всякого рода — от бросивших участки, недоимщиков, должников до беглых рабов, слуг, преступников. Это стремление поддерживалось в Японии на всем протяжении средних веков. В середине XIII в. за предоставление убежища преступникам и разбойникам (часто — беглым и мятежникам) как держателю лена, так и его новым подопечным грозило наказание. Государственные и местные полицейские, преследуя разбойников, имели право проникать в принадлежащие аристократам двора владения, на которые распространялся иммунитет (ГСС, 32). Полицией воспрещалось вместо утомительного преследования беглых захватывать их семьи и имущество (ГСС, 42). На рубеже XIV—XV вв. господин отвечал за невыдачу преступного приближенного половиной земельного владения, отбираемой на три года (СС, 11). В конце XV в. закон обязывал выдавать вместе с семьями потомственных слуг, бежавших от своего господина к другому (СХ-1, 4). В середине XV в. храмам более строго предписывалось изгонять ищущих убежища беглых (СХ-2, 7). За предоставление виновному слуге возможности бежать от правосудия господин рисковал потерять треть лена (ТСК, 18). Лицо, принявшее беглого должника, брало на себя и его долг (ТСК, 41). Поручившийся за взявшего долг или содолжник в случае бегства должника должны были найти беглеца либо заплатить за него долг (ТСК, 47). Интересно, что и кредитор, берущий залог, обязывался платить налоги-недомимки за землю и дом, оставленные беглецом (ТСК, 44, 51). В первой половине XVII в. вновь подтверждено требование к феодальным владельцам не принимать преступников (БСХ-1, 3) и не заступаться за собственных приближенных-преступников (ССХ-2, 13). В конце XVIII в. в деревнях воспрещалось давать приют любому не приписанному к деревне лицу (ОХ, 25). За сбежавшего слугу спрашивали с поручителя (ОХ, 42), а пойманного слугу пороли (ОХ, 43). За укрывательство прсытых беглых налагали штраф (ОХ, 44), за укрывательство крупных преступников полагалась смертная казнь (ОХ, 80). Характерно, что розыск беглых преступников, когда шла речь о «старших», не возлагали на «младших»: в соответствии с конфуцианскими заповедями (ОХ, 82) приближенный не должен был ловить господина, тем более сына отца; младший брат старшего, племянник дядю, ученик учителя.

О разветвленной почтовой и курьерской службах, которые подробно рассматривались в Тайхо Ёро рё (РГ, XXI, 46, 49, 50, 70; XXVII, 4; XXIX, 44), в законах последующих эпох говорится мало. Курьеры, конечно, существовали, но уже не императорские, а сёгунские. За вскрытие письма, растрату денег такому курьеру грозила смертная казнь (ОХ, 91).

Подобным образом эволюционировали и статьи, касавшиеся поддержания порядка в столице (РГ, XVI, 11, 24). В отдельных кварталах (РГ, VIII, 3, 4) караульные сохранились, и за допущение преступлений во время дежурств они отвечали в уголовном порядке (ОХ, 86).

Некоторые другие объекты полицейского права, упомянутые в Тайхо Ёро рё, — пропуск (РГ, XXI, 36): для прохода застав (РГ, XXVII, 1, 3, 4), для входа во дворец (РГ, XVI, 6, 15, 25),

удостоверения личности (РГ, XXI, 45), курьерские подорожные (РГ, XXI, 21—23), колокольца и бирки (РГ, XXI, 42—44; XXVII, 4), задержание (РГ, XXVIII, 1, 2; XXIX, 32, 33, 43, 44) и вознаграждение за поимку (РГ, XXVIII, 5, 7—9, 11, 13), противопожарные меры (РГ, XVI, 8; XX, 13; XXII, 1) не отмечены в использованных нами сборниках законов.

Тюремное право дало название целому разделу (XXIX) Тайхо Ёро рё, но собственно тюрьмам в нем уделено немного места. Там даны указания о режиме тюрем для подсудимых. Тюрьма как вид наказания не входила в японский кодекс VIII в. Отметим, что и при Токугава она не числилась в перечне наказаний (ОХ, 103). Бегство из тюрьмы (очевидно, следственной) повышало наказание осужденному на одну ступень (ОХ, 85). Отчасти, чтобы исключить возможность бегства заключенных, даже если они были больны, их не полагалось присылать из предварительного заключения в зал ожидания Верховного суда (ОХ, 88). В случае назначения легкого наказания осужденному могли засчитать время предварительного заключения (ОХ, 99).

В последующих законоположениях не рассматривались тюремный устав (РГ, XIX, 53—57), статус заключенных, разработанные в разделе XXIX Тайхо Ёро рё (РГ, XXVIII, 1; XXIX, 45, 46, 53, 54), такие специфические тюремные приспособления, как колодки (РГ, XXIX, 29), кандалы (РГ, XXIX, 19, 42).

Процессуальное право детально освещено кодексом Тайхо Ёро рё и не обойдено вниманием последующих кодексов и судебных кодексов. В японском кодексе VIII в. судебная власть не была отделена от прочих органов власти и, хотя существовали чисто судебные инстанции, все сколько-нибудь заметные органы власти (административные, военные, церковные) обладали судебными полномочиями. Это положение с разными вариациями продержалось до конца японского средневековья. Даже хозяин обладал некоторыми особыми правами в отношении слуги, отец — членов своей семьи, сюзерен — васала, настоятель — монаха и т. д.

В Тайхо Ёро рё выделено судопроизводство общее (РГ, XXI, 63; XXIX, 1, 2) и административное (РГ, XXIX, 1, 2). По кодексу XIII в. губернаторы, владельцы поместий, настоятели храмов обладали собственной юрисдикцией, и лишь в случае исчерпания ее возможностей им разрешалось прибегать к помощи чисто судебных инстанций (ГСС, 6), после чего прежние лица и инстанции не должны были заниматься спорным делом (ТСК, 2). В середине XVI в. ограниченными судебными правами обладали княжеские чиновники (ДС, 151, 152), в середине XVII в. — особые чиновники — тигё (БСХ-4, 13). Существовало довольно много распоряжений, касающихся порядка прохождения дел той или иной категории (РГ, XXI, 63, 64). На рубеже XVI в. жалобу самурая сначала разбирал глава местной корпорации самураев, потом сюзерен и лишь в случае крайней необходимости — аппарат сёгуна (ТО, 13). Земельные (РГ, VII, 17) и подобные тяжбы в пределах одного феодального владения (лена) разбирались владельцем лена (ССХ-2, 17). Так же рассматривались жалобы крестьян по земельным вопросам в спорах с храмом. Дела о наследовании до передачи в центральную должны были пройти три местные общесудебные инстанции (ОХ, 3).

В принципе гражданские дела открывались по жалобам истцов, причем официально считалось,

что суд — это необходимое зло и дело желательно уладить до суда, на основе обычного права. Впрочем, существовало и нечто вроде прокурорского надзора — во всяком случае, в конце XVIII в. (ОХ, 6). Жалобу следовало подавать не лично, а через особого посредника (ТСК, 28). Жалобы возвращались, если посредник оказывался нелегальным (ТСК, 27). Женщинам не полагалось участвовать в процессе ни в каком качестве (ТО, 14). После принятия дела к слушанию (РГ, XXI, 62) истцу, ответчику, свидетелям посылались вызовы (РГ, XXI, 32—34); болезнь считалась уважительной причиной неявки (СС, 5). Если истец или подсудимый находился в предварительном заключении (это бывало при возбуждении в основном уголовных, но случалось и гражданских дел, например в случае упорной и необоснованной неявки в суд), его доставляли в зал ожидания при суде (ОХ, 88). При необоснованной неявке ответчика в суд после третьего вызова, если он по делу был не прав, его собственность могла отойти третьему лицу (ГСС, 35), т. е. принцип окончательного решения дела в отсутствие одной из сторон еще не привился, во всяком случае в середине XIII в.

Очень острой проблемой было поддержание порядка во время судебного заседания. Если ответчик организовал в это время беспорядки, его ждало наказание (ГСС, 51), а то и решение дела в пользу истца (СС, 4). Существовало юридическое понятие: согласиться с решением суда. Если стороны не соглашались или не подчинялись решению суда, заводили тяжбы (а уже сам факт подачи вторичной жалобы рассматривался как неуважение суда (ОХ, 5)), беспорядки, допускался коренной пересмотр прежнего решения в пользу стороны, потерпевшей в послесудебной схватке (ОХ-2, 11). За сутяжничество мог быть наложен штраф (СС, 7). За сутяжничество, беспорядки и т. п. виновных, но обычно не побежденных, подвергали особому наказанию (ТСК, 17). При давлении на суд предпочтение в решении дела отдавалось неинтригующей стороне (ТСК, 24). Дача взятки грозила ссылкой (ОХ, 26).

В суде участвовали свидетели, которые кодексом Тайхо Ёро рё приравнивались к подозреваемым, обвиняемым и т. п. (РГ, XXIX, 33). После допроса свидетелей сторон новых не вызывали; лжесвидетелям грозило тяжелое наказание (СС, 6). Необходимые суду документы полагалось добывать без принуждения (ОХ, 16). Протекция при процессе, как в обычной службе (РГ, XII, 7), расценивалась как давление на суд (ГСС, 30).

Во избежание волокиты, которой был озабочен и кодекс Тайхо Ёро рё (РГ, XXI, 62, 63; XXIX, 30; XXX, 17), общее требование о немедленном выполнении указов распространялось и на судебные решения (ТО, 3). Пристрастие судебных чиновников рассматривалось как преступление (ССХ-1, 7). Для вынесения решения и обнародования постановлений был выделен специальный день (КС, 17). Сами решения должны были иметь определенный и ясный характер и выноситься по каждой жалобе (СХ-1, 6). Судейские обязывались раз в месяц изучать решения Верховного суда (ХД, 6—9).

Одним из вариантов жалоб, собирать которые еще в VIII в. полагалось властям ежегодно (РГ, VIII, 33; XXIX, 40), но теперь уже коллективных, стали петиции. Более ранние законодательные акты

формально провозглашали свободу петиций (ТСК, 55), обязанность властей выслушивать прошения и жалобы простого люда (КС, 15), но позднее считали петиции тяжелым преступлением (ОХ, 28).

Остановимся лишь на важнейших положениях уголовно-процессуального права. Законом были оговорены: правило поглощения мелкого преступления более серьезным (ТСК, 101; ОХ, 99, 101), существовавшее в зародыше уже в Тайхо Ёро рё (РГ, XXIX, 46), а также наказание степенью ниже для сознавшихся сообщников (ТСК, 102); случаи, когда допускалась пытка (ОХ, 83; ср. РГ, XXVIII, 2; XXIX, 35); распространение амнистии, о которой часто упоминается в Тайхо Ёро рё (РГ, XIV, 64; XXVIII, 10; XXIX, 10, 17, 52, 58, 61), как на наказанных преступников, так и на скрывшихся от суда (СС, 8). Весьма детально разработано положение о солидарной ответственности, известной уже в VIII в. (РГ, VIII, 9, 10). Отец и сын не отвечали за преступления друг друга (ГСС, 17). Но из этого правила было много исключений. При убийстве, поражении третьего лица сыном отец отвечал, если убитый был его врагом, — считалось, что отец, хотя бы невольно, повлиял на поступок сына (ГСС, 10). Если отец не останавливал спорящих детей, отвечал он за ссору (ТСК, 25). При государственном преступлении ответственность была разветвленно-солидарной. Так, в конце XVIII в. за убийство сюзерена наказывали родственников до 10-й степени (ХД, 34). Жена, когда речь шла о дополнительной каре за государственное преступление мужа, отвечала личным имуществом при конфискации семейного имущества (ГСС, 11). Господин отвечал за преступление слуги, если оказывалось, что он был вдохновителем преступления (СС, 22), при невыдаче слуги (СС, 11), при пособничестве слуге в бегстве (ТСК, 18).

Не так уж много интересных проблем процессуального права, разобранных в Тайхо Ёро рё, в последующих законниках обойдено вниманием: поручительство (РГ, XXIX, 23; XXX, 19), помилование (РГ, XV, 7; XXIX, 42), ложное обвинение (РГ, XXIX, 37), донос (РГ, XXIX, 33), допрос (РГ, XXIX, 35, 36, 38), движение по этапу (РГ, XXIX, 13—16, 21).

Уголовному праву в VIII в. был посвящен особый кодекс Тайхо Ёро рицу, который сохранился лишь в разрозненных и единичных разделах, да в подборках-извлечениях из старинных японских источников. Ввиду фрагментарности мы этот материал не включили в нашу работу. Однако уголовному праву уделяют место и многие статьи гражданского кодекса Тайхо Ёро рё. Проблемы, затронутые в нем, мы должны рассмотреть для полноты картины. Но в отличие от предыдущих отраслей права сравнительный материал по уголовному праву ограничим лишь действительно близкими аналогиями ввиду большого его удельного веса во всех последующих кодексах.

Сам уголовный кодекс Тайхо Ёру рицу упоминается примерно в десяти статьях Тайхо Ёро рё (РГ, VII, 1, 5, 16, 22, 23, 27; XII, 29; XXIX, 31, 41, 60). Чаще всего — это отсылка к уголовной стороне гражданских проблем, не нашедших непосредственного отражения в последующих судебныхниках. Интереснее отношение к кодексу как таковому, проявлявшееся в какой-то мере и в дальнейшем. В Тайхо Ёро рё оно выражено косвенно (в форме присуждения ученой степени «правоведа» за отличное знание законов (РГ, XX, 29)) и прямо (в признании приоритета за кодексом перед прочими

законоположениями и сборниками этих последних (РГ, XXIX, 41)). В середине XIV в. необходимость создания нового кодекса мотивирована учащением уголовных преступлений (КС, 3). И лишь в середине XVII в. правительство с полным основанием могло заявить, что законы Эдо (столицы сёгуната Токугава) действуют по всей стране (БСХ-2, 21).

Среди нескольких упоминаний об убийстве представляет интерес требование обязательного развода мужа с женой, замешанной в этом преступлении (РГ, VIII, 31). Это требование непрямым образом связано с последующей ситуацией, когда смертная казнь, а часто смерть от руки мужа как бы «снижала» необходимость такого развода (КС, 164). В другом случае речь идет о порядке следствия в связи с убийством, совершенным чиновником: если речь шла о столичном чиновнике, следствию должен был предшествовать доклад императору; если о нестоличном — следствие предшествовало докладу (РГ, XXIX, 43). В последующих сборниках законов вопрос об убийстве, совершенном чиновником, если и поднимается, то в двусмысленной ситуации. Так, рассматривается ситуация, при которой чиновник, наблюдающий за работами, убивает чужого работника. Далее речь идет о компенсации хозяину работника, а о следствии над чиновником умалчивается (ТСК, 13).

В кодексе излагаются правила преследования разбойников (РГ, XXVIII, 1), использования при этом ополченцев и крестьян (РГ, XXVIII, 2). В дальнейшем разбойников велено преследовать даже во владениях, обладающих иммунитетом (ГСС, 32).

Статье о проверке решений по делам о воровстве на местах, в провинциях (РГ, XXIX, 3), в чем-то близка статья, запрещающая оставлять подследственного начальника с подчиненными, сообщившими о преступлении (ОХ, 17).

Порядок следствия по ложным доносам, по делам о клевете (РГ, XXIX, 32) впоследствии был дополнен требованием, чтобы заявление о проступке чиновника было проверено до его увольнения: не клеветническое ли оно (ГСС, 45). В случае установления лживости доноса, обвинения (РГ, XXIX, 37) виновному в клевете назначалось то же наказание, которое могло быть назначено обвиненному по доносу (ГСС, 28), или степенью ниже (ОХ, 65).

Азартные игры не одобрялись во все эпохи: Тайхо Ёро рё обещал вознаграждение за раскрытие притона (РГ, XXVIII, 13), в середине XIII в. они были запрещены (КС, 2), в начале XVII в. — ограничены (БСК-1, 2), позднее игрокам полагалось наказание (ХД, 86).

Правила привлечения к следствию сообщников (РГ, XXIX, 34) перекликались с последующим требованием проверять до суда оговор в преступном соучастии (ГСС, 4).

Следующая группа статей включает уголовные меры наказания. Буддийского монаха, совершившего тяжкое преступление, приговорили к смертной казни кодекс VIII в. (РГ, VII, 21) и законы конца XVIII в. (ОХ, 51). Оглашение приговора о смертной казни тоже предусматривалось в сходных формах крайними по времени кодексами (РГ, XXIX, 6; ср. ССХ-1, 3).

Разряды ссылки (КР, XXIX, 12), такие формы наказания, как заковывание в кандалы на этапе (РГ, XXIX, 42), отражены и в позднейшем кодексе (ОХ, 103).

Возможность конфискации наградных наделов, впервые обоснованная кодексом Тайхо Ёро рё (РГ, IX, 6), сохранена также в некоторых поздних кодексах (ТСК, 1, 5).

Выбор места казни (РГ, XXIX, 7), надзор за ее исполнением (РГ, XXIX, 8) не сильно отличались от того, что можно прочесть в законах последующих веков. Особая близость заметна в требовании, чтобы за казнью наблюдали лишь специальные чиновники (БСХ-3, 5; ССХ-1, 3; ССХ-2, 8), кроме случаев публичной казни.

Из интересных уголовных проблем, затронутых кодексом Тайхо Ёро рё и не получивших видимого развития в использованных нами сборниках законов последующих эпох, надо упомянуть классические китайские «восемь тяжелейших преступлений» (РГ, VII, 21; IX, 6), преступления государственные (РГ, XXIX, 25, 32, 33, 42) — они превратились в преступления против сюзерена, сёгуна, князя; такое наказание, как каторга (РГ, II, 32; VII, 21; XIV, 64; XXIX, 1—3, 13, 18, 42, 47, 56—57), — о ней нет ни слова в перечне наказаний токугавской эпохи (ОХ, 103); режим ссыльных (РГ, XXVIII, 1; XXIX, 11, 12, 22); преступления и наказания буддийского духовенства (РГ, VII, 21, 25; XXIX, 60).

Выше мы уже сказали о том, что сравнение кодекса Тайхо Ёро рё с последующими японскими кодексами и сборниками законов не может обещать многого в формально-сравнительном отношении. Правда, негативный результат — тоже результат, и в данном случае небезынтересный для определенного места кодекса VIII в. в истории развития японского права, причем итог нашего анализа не целиком негативен.

Многие историки японского права не скупятся на замечания, призванные отстаивать идею о ведущем значении кодекса Тайхо Ёро рё в истории японского права, о плавном развитии этого права. Выражается мнение о том, что кодексы VIII в. в той или иной форме действовали или не отменялись до середины XIX в.¹⁴ Преемственность с кодексом Тайхо Ёро рё подчеркивалась уже создателями кодекса Кэмму сикимоку, 1336 г., в предисловии к нему¹⁵. Исследователь сборника законов Синка сэйсики находит переключку статей этого кодекса со статьями Госэйбай сикимоку, Кэмму сикимоку и даже с более ранними законами¹⁶. Впрочем, сами комментаторы-правоведы японского средневековья не только комментировали текущие кодексы с позиций «правового государства», т. е. кодексов Тайхо Ёро рё рицу, но всерьез полагали, что кодекс Дзёэй сикимоку, например, целиком укладывается в рамки «правового государства» с его институтами, не говоря уже про Кэмму сикимоку, который якобы и не стремился выглядеть «непохожим на законы рицурё»¹⁷. Современный исследователь, разумеется, не мог не только не заметить несходства японских кодексов XVI в. с Тайхо Ёро рё, но и не упустил случая сказать, что они якобы сохранили основные принципы кодекса Тайхо Ёро рё¹⁸.

Если мы обратимся к тексту сборников законов, использованных нами для сравнения, то и в них мы можем заметить тенденцию связать текущие законоположения с предшествующими, преимущественно с Тайхо Ёро рё или, по крайней мере, вообще с древними законами. Вероятно, не случайно Кэмму сикимоку состоит из 17 статей — ровно столько, сколько имеют «Законоположения

из 17 статей», приписываемые Сётоку-тайси, 621 г.¹⁹ Цитату из ст. 5 этого «Законоположения» включил в текст статьи 2-й, а упоминание о Сётоку-тайси — в ст. 1 составитель Синка сэйсики (СС, 1, 2). И это не все. Еще чаще ссылки на «древние прецеденты» (КСХ-2, 15, 16), на «древние образцы» (ХД, 10), даже если они не соблюдаются (ГСС, 23). Попадаются единичные упоминания о Тайхо Ёро рицу (СХ-2, 5; ДС, 56), однако прямых упоминаний о Тайхо Ёро рё нет.

Отсутствует формальная близость между статьями японских кодексов XIII в. и последующих периодов и кодекса Тайхо Ёро рё — та близость, которая бросится нам в глаза в китайском Тан лин, когда речь пойдет о сравнении в синхронном плане. Однако налицо близость в отдельных объектах правовой деятельности, в направлении решения юридических проблем, в некоторых особенностях мышления и терминологии законодателей. Это неформальное сходство характерно для всех отраслей права, выделенных нами в этой главе, но в разной степени, а главное, определение ее границ — дело отчасти субъективное. Предлагаемая нами ниже таблица не претендует на полноту. Ее цель скромнее: проиллюстрировать отдельными примерами упомянутую неформальную близость.

Итак, правовая преемственность от кодекса Тайхо Ёро рё и до токугавских включительно прослеживается несомненно. Преемственность по отраслям права тоже налицо, но отдельные участки этой линии, когда речь идет о той или иной отрасли права или даже объекте рассмотрения, могли и выпасть (по крайней мере, по использованному нами материалу). Так, сведения о таком объекте рассмотрения, как кандалы и колодки, представлены лишь в Тайхо Ёро рё (VIII в.) и в Осадамэгаки хякиадзё (конец XVIII в.). Тысячелетний пробел по этой графе как бы вычеркивает из истории права на этот срок все тюремное право. Разумеется, такого не могло быть и не было. Поскольку мы смогли использовать лишь часть правовых источников, то более важно выделить в них факты близости.

Эти факты касаются объектов рассмотрения в пределах той или иной отрасли права. Эти объекты различны по характеру. Им могли быть посвящены целые подразделы в отраслях права, как и в кодексах любой страны и любой эпохи. Среди таких объектов — придворные ранги в должностном праве, выезд за рубеж в международном праве, статус слуг в личном праве, стандартизация мер в торговом праве, поземельный налог в финансовом праве, общественная собственность в вещном и заем в договорном праве, храмовые земли в земельном праве, режим застав в полицейском праве, судебные инстанции в процессуальном праве и практически все объекты в уголовном праве. Другие объекты имеют в общем-то частное, производное значение, но столь же широко распространены: срочность выполнения государственных указов в праве административном, запрет на продажу некоторых видов земель в земельном праве, попытки в процессуальном праве. Специфика разрешения этих задач в Японии, естественно, в таблице не выражена, она улавливается либо в тексте статьи, либо при конкретном сравнении соответствующих статей непосредственно на оригинальном материале. Особенно-сти можно увидеть и когда речь идет о соответствии

Примеры неформальной близости между Тайхо Ёро рё и более поздними сборниками законов Японии

Отрасль права	Объект рассмотрения	Памятники права	
		Тайхо Ёро рё	Прочие
1	2	3	4
Административное	Государственный совет—важнейший орган власти	II, 2	ОХ, 2, 9
	Строгость выполнения указов	XXI, 71	ТО, 3
	Обязательное ношение формы	XIX, 6, 12	БСХ-1, 10
	Обязательное ношение придворной одежды	XIX, 5; II, 14	КСХ-2, 9
Должностное	Иерархия придворных рангов	I, 1—4	КСХ-2, 7, 13
	Смена чиновников	IX, 34, 35	ГСС, 46
	Служебные наказания	XIV, 1, 58, 64; XXIX, 28	ГСС, 34; ТСК, 29; ОХ, 26, 99
	Соответствие чиновника посту	XII, 4; XIV, 3—49	ХД, 87
	Неуклонение от службы	XVII, 46	ТО, 20
	Дни отдыха	XXV, 1	ХД, 59
Международное	Выезд за рубеж	VIII, 16, 41	ТСК, 3; ТО, 23; БСХ-1, 5
Личное	Пятидворки и круговая порука	VIII, 9	ТСК, 32, 37; ОХ, 21, 22, 25, 28
	Статус слуг	X, 38; XVII, 51	ТО, 37
	Общественное признание	VIII, 32	ОХ, 89, 93
	Сословные границы	II, 30, 42, 44; VIII, 17, 38, 39, 41, 42, 44	ХД, 12
Семейное	Взаимоположение жен и наложниц	VIII, 5, 23; XIII, 2	ОХ, 48
	Обязательный развод	VIII, 27, 31	ТО, 33; ОХ, 48
	Усыновление	VIII, 12; XXIX, 24 VIII, 12; XXIX, 24	ГСС, 23; ТСК, 31; КСХ-2, 6; БСХ-4, 12; ССХ-1, 6
Наследственное	Усыновленные как наследники	VIII, 23	ТСК, 31; КСХ-2, 6; ХД, 28
	Наследование положения главы дома	XXX, 18	КСХ-2, 6
Торговое	Сословные запреты на торговлю	XXX, 24	ССХ-2, 20
	Стандартизация мер и весов	IX, 1; XX, 5; XXVII, 20; XXX, 1—4	СХ-2, 13; ОХ, 12; ТО, 56
Финансовое	Триада повинностей	IX, 1; X, 1, 4	ХД, 52
	Поземельный налог	VIII, 3, 10; IX, 1, 2, 8; X, 6, 8, 36; XXII, 2	СС, 16; ТО, 47, 55; ТСК, 34
	Неизменность повинностей	IX, 37	ТО, 60; ОХ, 98
Вещное	Общественная (государственная) собственность	XX, 11, 12	ТО, 76
	Находки, их принадлежность	XXVIII, 15; XXX, 11	ОХ, 60; ТСК, 21
Договорное	Заем	XXX, 19—21	ТСК, 46, 47
	Залоги	XXIX, 60	ТСК, 44, 48
	Проценты	XXX, 19—21; VII, 18	ТСК, 50; ОХ, 29
Земельное	Заброшенные поля	IX, 11, 29	ТСК, 8; ТО, 46
	Храмовые земли	IX, 21	ТО, 1, 2; БСХ-2, 18
	Запрет на продажу некоторых земель	IX, 3, 19, 12, 17	ОХ, 30
	Отказ от надела, лена	IX, 19	ТО, 22
	Земельный кадастр	IX, 25	ТО, 49, 53
	Контроль властей за орошением	II, 21; XXX, 12	ДС, 83; ТО, 51; СХ, 1, 2
Сакрально-этическое	Конфуцианские заповеди	X, 17	КС, 14; ГСС, 24
	Китайская классика	XI, 3	ТО, 8; КСХ-2, 1;

Окончание таблицы

1	2	3	4
Церковное	Соблюдение этикета	XVIII, 3, 9, 10, 12, 18	ССХ-2, 1 КС, 13
	Ношение надлежащей одежды	VII, 10; XIX	КСХ-2, 9; БСХ-1, 10; ССХ-2, 21
	Статус храмов синто	II, 18, 68, 69; IV, 20; XV, 14	ГСС, 1, 2; КС, 16; СС, 1
	Запрет неортодоксальных буддийских проповедей	VII, 1, 4, 5	ОХ, 52, 53
	Невмешательство буддийских монахов в мирские дела	VII, 8	ТО, 36; ТСК, 52
	Самовольные пострижения и расстрижения клириков	VII, 15—17, 21—23	ТСК, 41, 52; ТО, 10
	Соблюдение праздников	VI, 1; XVIII, 19; XXX, 5, 40	ХД, 60
Военное	Ограничение частного владения оружием	XVII, 4, 44	ОХ, 21, 94
Полицейское	Содержание дорог в порядке	II, 21, 66; XX, 12	БСХ-2, 15
	Преследование разбойников	XXVIII, 2	ТО, 31
	Розыск беглых	XXVIII, 1	ОХ, 80
	Хозяин и беглый раб или слуга	XXVIII, 8	ТСК, 16
	Ненарушение режима застав	XIV, 49; XXVII, 1—3, 7—10	ТО, 23; ОХ, 20, 83; БСХ-2, 16
Тюремное	Кандалы и колодки	XXIX, 39, 42, 63	ОХ, 47, 75, 85, 89, 99, 103
Процессуальное	Судебные инстанции	XXIX, 1, 2	ТО, 13; ОХ, 1; ХД, 10
	Предварительное следствие	XXIX, 32—35, 37—38, 49	ОХ, 17
	Пытка	XXVIII, 2; XXIX, 35	ОХ, 83
	Солидарная ответственность	VIII, 9, 10	ГСС, 17; ТСК, 25; ХД, 34
Уголовное	Меры наказания	VII, 21; XXIX, 12	ОХ, 51, 103
	Приведение в исполнение смертной казни	XXIX, 7, 8	БСХ-3, 5; ССХ-1, 3; ССХ-2, 8
	Азартные игры	XXVIII, 13	КС, 2; БСХ-1, 2; ХД, 86

чиновников посту (в должностном праве), выезде за рубеж (в праве международном), статусе слуг (в праве личном), сословных запретах на торговлю (в торговом праве), земельном кадастре (в праве земельном) и пр.

Третья группа приведенных в таблице объектов позволяет увидеть черты, характерные для дальневосточного правового региона. Это отрасли права — сакрально-этическое и государственно-церковное, объекты — пятидворки в гражданском праве, взаимное положение жен и наложниц — в семейном, усыновленные как наследники и наследование положения главы дома — в наследственном, солидарная ответственность — в процессуальном и др.

Таблица построена таким образом, что можно сравнить ситуации VIII и XIII—XVIII вв. Она не дает четкого представления о преемственности правовых норм, отнесенных к категории «прочих» (графа крайняя справа). Косвенное представление об этом дает сопоставление материалов двух групп права. Определенные представления складываются в результате анализа сказанного о положении в отраслях права. Первый крупный правовой памятник после

Тайхо Ёро рё — Го сэйбай сикимоку — принадлежал уже не императорскому, а сёгунскому режиму. При сравнении его с Тайхо Ёро рё мы обнаруживаем, что правила перевода чиновников в целом сохранялись в прежнем виде (ГСС, 46; РГ, IX, 34, 35), при определенных условиях допускался отказ от надела, лена (ГСС, 42; РГ, IX, 19); аристократы по-прежнему освобождались от налогов (ГСС, 25; РГ, X, 9—12), проблема спорных и заброшенных полей решалась сходным образом (ГСС, 36; РГ, IX, 30, 34) и т. д. Кэмму сикимоку вслед за Го сэйбай обещает награду за верность конфуцианским максима́м (КС, 14; ГСС, 24), отстаивает стабильность буддийских и синтоистских храмов (КС, 16; ГСС, 1, 2) и др.

Группа памятников княжеского права эпохи децентрализации (СХ, ДС, ТСК, СС, ТО) не порывала с прежними наказаниями служащих и чиновников (ТСК, 29; ГСС, 34), признавала солидарную ответственность (ТСК, 25; ГСС, 17), рассматривала возможности усыновления (ТСК, 31; ГСС, 23), требовала строгого соблюдения этикета (ТО, 6, 8; КС, 13), подтвердила стабильность храмов (СС, 1; КСС, 1, 2; КС, 16), восприняла срок давности на

владение людьми — 10 лет (ТСК, 15; ГСС, 41), согласилась, что первенец не может быть лишен наследства по завещанию без законного основания (СС, 17; ГСС, 22), а сторона в процессе, устроившая беспорядки в суде, считается проигравшей дело (СС, 4; ГСС, 51) и др.

Последняя группа памятников, уже централизованного сёгуната Токугава (КСХ, БСХ, ССХ, ХД, ОХ), также не порвала целиком с установлениями предыдущей эпохи. Сохранились ограничения на сношения между княжествами (БСХ-1, 5; ТСК, 30), укреплялась система пятидворок (ОХ, 21, 22; ТСК, 32, 37), значительное внимание уделялось наследованию поста главы дома (ХД, 2, 7, ТО, 82, 83), расширилось значение майората (ССХ-1, 6; ТСК, 31), поощрялась распашка целины (ХД, 32; ТСК, 8), подтверждался предел ростовщического процента (100 %) годовых (ОХ, 39, ТСК, 50) и др.

В итоге можно отметить, что японские гражданские кодексы и судебники VIII—XVIII вв. демонстрируют определенную преемственность в некоторых объектах правового рассмотрения и в способах решения проблем, как сквозную (от VII до XVIII в.), так и между памятниками или группами памятников соседних исторических эпох или этапов развития права, при превалирующем различии в правовых узаконениях и нормах, находящемся в тесной зависимости от характера этих эпох.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рё-но гигэ (Гражданские законы с комментарием) // Кокуси тайкэй. — Токио, 1900. — Т. 12. Свод законов «Тайхо рё», 702—718 / Пер. с коммент. К. А. Попова: В 2-х т. — М., 1985.

² См.: Hall J. C. Japanese Feudal Laws. I. The institutes of Judicature. Being a Translation of «Go Seibai Shikimoku» // Transac-

ons of The Asiatic Society of Japan. — Tokyo, 1906. — Vol. 34, Pt 1; Appert G. Un code de la féodalité japonaise au 13-e siècle // Revue historique de droit français et étranger. — P., 1900. — Vol. 24, Livr. 2.

³ См.: Hall J. C. Japanese Feudal Laws. II. The Ashikaga Code (Kemmu shikimoku, A. D. 1336) // Transactions of the Asiatic Society of Japan. — Tokyo, 1908. — Vol. 36, Pt 28; Grossberg K. A. «Kemmu shikimoku». The Laws of the Muromachi Bakufu, 1336. — Tokyo, 1981.

⁴ См.: Röhl W. Altes Recht in Higo // Asien Tradition und Fortschritt. — Wiesbaden, 1971.

⁵ Kobayashi H. Domain Law (Bunkoku-ho) in the Sengoku Period with Special Emphasis on the Daté House Code, the Jinkaishu // Acta Asiatica. — Tokyo, 1978. — N 35; Röhl W. Jinkaishu, ein Beitrag zum mittelalterlichen japanischen Recht. — Tokyo, 1960.

⁶ См.: Röhl W. Das Gesetz Takeda Shingen's // Oriens Extremus. — Hamburg, 1959. — Jg. 6, H. 2.

⁷ См.: Röhl W. Das Shinka seishiki. Ein Gesetz aus der Sengoku-Zeit // Oriens Extremus. — Hamburg, 1960. — Jg. 7, H. 1.

⁸ См.: Jansen M. B. Tosa in the Sixteenth Century: The 100 Article Code of Chosokade Motochika // Oriens Extremus. — Hamburg, 1963. — Jg. 10, H. 1.

⁹ См.: Hall J. C. Japanese Feudal Laws. III. Pt 1: The Tokugawa Legislation // Transactions of the Asiatic Society of Japan. — Tokyo, 1911. — Vol. 38, Pt 4.

¹⁰ См.: Hall J. C. Japanese Feudal Laws. III. Pt 2: The Tokugawa Legislation // Transactions of the Asiatic Society of Japan. — Tokyo, 1911. — Vol. 38, Pt 4.

¹¹ См.: Ibid.

¹² См.: Gubbins J. H. The «Hundert Articles» and the Tokugawa Government // Transactions and Proceedings of the Japan Society. — L., 1918—1920. — Vol. 17.

¹³ См.: Hall J. C. Japanese Feudal Laws. IV: The Tokugawa Legislation // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Tokyo, — 1913. — Vol. 41, Pt 4.

¹⁴ Сорабэ С. Ниттё рицурё рон (Уголовные и гражданские законы Японии и Китая). — Токио, 1963. — С. 191; Appert G. Un code japonais au VIII siècle // Nouvell revue historique de droit français et étranger. — P., 1892. — T. 16, Livr. 2. — P. 214.

¹⁵ Hall J. C. Japanese Feudal Laws. II. — P. 11—12.

¹⁶ Röhl W. Das Shinka seishiki. — S. 53.

¹⁷ Kobayashi H. Domain Law (Bunkoku-ho)... — P. 38—39.

¹⁸ Ibid. — P. 40.

¹⁹ Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. — М., 1984.

Г. Г. ПИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ КИТАЙСКОГО ПРАВА НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИДАНЕЙ

«Чтобы узнать страну, надо знать ее право. Чтобы полнее изучить историю страны, надо изучить и историю ее права»¹. История права киданей, создавших на рубеже I—II тыс. н. э. одно из самых могущественных государств дальневосточной ойкумены, еще во многом не изучена. Между тем история киданьских племен и образованного ими государства Ляо (907—1125 гг.) интересна не только потому, что открывает перед нами драматичнейшие страницы жизни восточно-азиатских народов. «Этот народ как бы открыл новую страницу в отношениях между Китаем и кочевой степью... впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство»². Опыт борьбы с Китаем и методы управления оседлым населением — вот то, что не только живо интересовало новых претендентов на роль хозяев китайской земли (чжурчженей, монголов, маньчжуров), но и активно осваивалось ими.

Наиболее полным источником сведений о киданьском уголовном праве является «Ляо ши» («История государства Ляо»), особенно ее главы 61 и 62, объединенные общим названием «Син фа чжи» («Трактат о наказаниях»). В этих главах в

хронологическом порядке излагаются сведения о киданьском праве, заимствованные из различных разделов «Ляо ши», прежде всего из «Бэнь цзи» («Основные записи») и биографий членов правящего рода различных известных государственных деятелей империи. Хотя это наиболее полный источник информации, но и он страдает рядом существенных недостатков: 1) в нем нет оригинальной информации, вся она дублирует другие разделы «Ляо ши»; 2) собрание этих фактов в целом можно без боязни охарактеризовать как довольно скудное; 3) в нем очень много информации о дворцовых интригах и заговорах, которая не может быть отнесена к чисто юридической; 4) ради политических целей в отдельных случаях судьи шли на излишне жестокие и зачастую бессмысленные наказания; 5) в этом трактате используется китайская правовая терминология, а отнюдь не киданьская, в силу чего весьма трудно судить о степени развитости и самобытности собственно киданьской юриспруденции; 6) авторы, вернее составители, преследовали цель дать морально-наказательные примеры, отсюда довольно субъективная оценка императоров

(справедливые, несправедливые, плохие, менее плохие и т. д.), излишнее морализирование, политизирование понятия «справедливость» и т. д.; 7) создание правовых норм и практики судебного процесса приписывается отдельным императорам, при этом в тени остаются подлинные создатели киданьского права.

Несмотря на отмеченные недостатки, «Трактат о наказаниях» обязательно должен быть использован при анализе киданьского уголовного права, хотя бы уже потому, что это единственный дошедший до нас в связанном виде обзор ляоского права. В сочетании со сведениями из других источников он вполне в состоянии послужить основой для реконструкции киданьских уголовно-правовых норм. Что касается иных письменных источников, то они в плане указанной темы еще менее представительны (речь идет в основном о сочинениях сунских авторов, тексты на киданьском языке не сохранились) и зачастую приблизительны, противоречивы и субъективны.

Вплоть до настоящего времени киданьское право практически не изучалось. Если не считать работ М. Н. Суровцова, В. П. Васильева, В. С. Таскина, Е. И. Кычанова, М. В. Воробьева и других, в которых данная тема затрагивалась попутно, то единственными специальными исследованиями можно считать несколько статей и диссертацию А. В. Даньшина³. За рубежом изучение киданьского права ведется уже давно. Глубокое освещение оно получило в работах Такигава Масадзиро, Симыда Масао, Нииды Нобору, Фэн Цзяшэн, Карла Виттфогеля, Герберта Франке⁴. Однако надо отметить, что и в этих работах некоторые аспекты, в частности относящиеся к теме данной статьи, опущены.

Уже при первом знакомстве с «Трактатом о наказаниях» напрашивается вопрос о происхождении киданьского права. Известно, что у могущественного соседа киданей — Китайской империи — право возникло еще в глубокой древности. Первый свод законов из шести глав «Фа цзин» («Канон законов») был составлен Ли Гуем из государства Вэй в период Чжаньго («Воюющих царств», 403—221 гг. до н. э.). Система уголовных законов («люй») сложилась при династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), ее дополняла система вспомогательных статутов («лин»). В течение последующих веков эти две системы существовали как параллельные, независимые и функционально различные. Каждая династия имела свой кодекс и свои статуты. Это хорошо видно на примере «Тан Люй шу и» («Уголовный кодекс Тан с комментариями и разъяснениями»), составленного в 653 г., параллельно с которым существовали и лин. Разумеется, нельзя видеть в танском уголовном кодексе подобие современным уголовным кодексам. По словам М. Мейера, «положения кодекса были отлиты в форму уголовных законов. Но, в сущности, они включали много предписаний, относящихся по своей природе к праву гражданскому, таких, как институт наследования имущества. Таким образом, характер этих законоположений — предписание того, каким путем тот или иной акт должен быть совершен, а его уголовный характер занимает второе место. Некоторые положения вообще лишены уголовного характера»⁵.

Столь мощная правовая традиция не могла не оказать влияния на право соседних народов, в частности киданей. Это влияние «материнского» китайского права было разносторонним, длительным, хотя и неоднозначным. Оно увеличивалось по мере развития киданьского общества. У додинастических киданей практически безраздельно господствовало обычное право. К моменту создания империи, т. е. к началу X в., когда можно говорить также и о далеко зашедшем процессе классообразования, появилась потребность в выработке писаного права. В государстве выделились уже четыре основные народности (кидани, си, бохайцы и китайцы), но в целом полиэтничность, присущая всем средневековым государственным образованиям в этом ареале, сохранялась. Большинство племен и народов, в том числе и самих киданей и родственных им си, устранило обычное право, хотя в силу указанных выше процессов, оно уже начинает в ряде аспектов изменяться, но для бохайцев и китайцев, составляющих вместе значительную часть населения империи, это был пройденный этап. Право и тех, и других уже далеко отошло от изустной правовой традиции. Таким образом, проблемы, вставшие перед киданями как правящей народностью, качественно отличались от проблем догосударственного периода. В начальный период киданьские правители, применяя танский кодекс при разборе преступлений, совершенных китайцами и бохайцами, и судя кочевников по нормам нефиксированного письменного права, слабо сознавали важность создания собственной правовой системы. Однако к последней четверти X в. необходимость решения этой задачи встала во весь рост. Именно этим объясняется начатая в 983 г. работа по переводу на киданьский язык «Тан люй шу и»⁶. Причин, побудивших киданей обратиться к этому кодексу, было несколько. Известно, что вследствие усиления влияния Китая социально-экономическая жизнь различных восточно-азиатских племен усложнялась, и, естественно, «обыкновения и нравы мало-помалу повредились», а это привело к тому, что «законы также ослабели и умножены»⁷. История киданей — одна из ярчайших иллюстраций тому. Недаром необходимость правовой реформы киданьские сановники связывали с осложнением общей ситуации. Елюй Холу, «уговаривая» Абаоцзи взойти на трон, отмечал, что «государь и вельможи смущены, уголовные законы пришли в упадок, народ изнемог и разбегается во все стороны, чтобы подчиниться другому государству. Поистине [этот] день есть удобный случай для возвышения законов государства»⁸. Кидани испытывали потребность иметь, «образец для подражания» при создании своего уголовного кодекса, а в качестве такового «Тан люй шу и» был в то время незаменим: детален, тщательно разработан, содержал в системе огромную сумму прецедентов; кроме того, они нуждались в переведенном на киданьский язык уже действующем на огромной части страны (юг) нормативном документе, своего рода «учебном пособии по управлению государством». По мнению Икэда Она и Окано Макото, «кодекс и статуты образовывали систему конкретных публичных законов для управления государством. Развитие местных, частных законов, регулировавших социальные отношения между частными индивидуумами, отсутствовало. Нормы кодекса и статутов, относящихся к семье и

отношениям родства, правам собственности и наследования и т. п., не касались прежде всего индивидуальных прав, а в первую очередь были предназначены для поддержания общественного спокойствия и социального порядка. Именно этим танские законы в корне отличались от современных, чья суть заключается в обеспечении индивидуальных прав и гражданских свобод⁹. Китайское право привлекало императоров Ляо, вероятно, еще и тем, что оно к X в. в результате сложнейшей и длительной эволюции, по сути, стало универсальной в теоретическом отношении системой, ибо в нем были выработаны такие базисные понятия, как «право», «закон», «обычай» и другие, создана такая всеохватывающая и емкая форма, как «кодекс», обобщена самая мощная на Дальнем и Среднем Востоке правовая традиция. Поэтому «танский кодекс стал основой кодексов последующих династий»¹⁰. В данном случае невольно напрашивается аналогия с работой по кодификации права, предпринятой в Византии при императоре Юстиниане (первая половина VI в.). Там римское право также было выбрано правящей верхушкой государства, находящегося на стадии разложения прежних рабовладельческих производственных отношений и формирования новых, феодальных (у киданей переход от первобытнообщинного строя к феодализму), в качестве фундамента для создания собственной правовой системы.

Предложение о переводе было сделано чиновниками Южной столицы, в ведении которых находились китайские подданные империи, но принято оно было, вероятно, не только ради них. Доказательством того, что кидани хотели иметь лишь «образец для подражания», служат следующие факты. Во-первых, категорически отвергался один из основополагающих принципов танского кодекса. Так, кодекс предлагал «во всех случаях, включающих в себя иностранцев одной и той же национальности, которые совершили преступление... приговаривать в соответствии с их отдельным обычным правом», но «в случае, включающем в себя представителей разных национальностей, которые совершили преступление друг против друга, приговаривать в соответствии с китайским правом»¹¹. Но в таком случае китайское право должно было представлять серьезную угрозу обычному праву киданьских племен и, следовательно (а это важнее), под угрозу ставился и привилегированный статус правящего народа. В условиях же полиэтнической структуры государства, многообразия уровней социально-экономического и культурного развития подвластных народов и племен, наличия народов (китайцы, бохайцы), продвинувшихся в своем развитии дальше киданей, приоритет китайского права мог стать одной из причин усиления нестабильности политической жизни, привести к отчуждению киданьской верхушки от управления государством. Во-вторых, «Ляо ши» содержит свидетельства того, что киданьские императоры выборочно использовали статьи «Тан люй шу и». Так, в 994 г. декретом императора Шэн-цзуна было предписано судить киданей по китайскому праву в том случае, если они совершили одно из так называемых десяти зол, а если ссора между киданем и китайцем привела к смертельному исходу, оба наказывались одинаково¹². В-третьих, почти с самого возникновения империи ее правители предприни-

мали попытки создания собственного кодекса. Работа при этом шла в двух направлениях: кодификации собственного правового наследия и инкорпорации китайского права.

В начале династии, когда общее собрание членов племени еще играло значительную роль, оно, вероятно, заменяло судебный орган. Именно на подобном собрании собравшиеся «варвары», как упоминали неоднократно китайские путешественники, «полагают мнение о преступнике, и тотчас его предают казни, а семейство его описывают в неволю»¹³. Вероятно, у киданей были такие знатоки права, как у скандинавов лагманы, у французов рахинбурги, шефрены и у англичан уитаны, они не создавали новых правовых норм, но знали «старину» и защищали ее. Неприятие же китайских правовых норм, очевидно, было продиктовано и мизонезием, т. е. сопротивлением всякого рода нововведениям, характерным для традиционных обществ¹⁴.

Автор «Цзю удай ши» («Старая история пяти династий») справедливо связывал то обстоятельство, что у киданей «постепенно стали развиваться письменность и законы», с тем, что они «захватили [много] ученых в землях Янь»¹⁵. Определенную роль в систематизации киданьских законов сыграл, вероятно, китаец из Янь Хань Яньхуэй, который «впервые научил киданей организации официальных учреждений, постройке городов, обнесению внутренними и внешними стенами, и созданию торговых местечек для поселения китайцев, что дало каждому из них возможность иметь жену и заниматься распашкой и обработкой пустующих земель. В результате все китайцы стали спокойно жить и заниматься своими делами, а количество беглецов стало все более сокращаться»¹⁶. При этом надо отметить, что, поскольку кидани находились уже на довольно высоком уровне развития по сравнению с многими другими «варварами», систематизаторская деятельность первых советников Абаоцзи была более изощренной, чем среди других восточно-азиатских племен. Так, «цивилизаторская» деятельность среди тунгусоязычных племен некоего Ци-дзы, эмигрировавшего из Китая на восток, свелась к тому, что он «поставил восемь запретительных статей» и тем самым якобы обучил тот народ не только «обрядам», но и «справедливости»; после этого жители «не запирали дверей в домах и не было похищений»¹⁷.

Как указывают составители «Ляо ши», Абаоцзи «не выносил убийств»¹⁸. Если додинастические кидани, как и прочие кочевники, отличались, с точки зрения китайской морали, исключительной жестокостью («убийцу зарывали вместе с убитым»¹⁹), то цели строительства государства и поисков компромисса с «дажэнями» других родов заставили первого киданьского императора отказаться от излишне частого использования этого вида наказания. Уже в 921 г. после «умиротворения всех варварских племен» Абаоцзи приказал группе высших сановников «установить [особые] законы для киданей и всех варваров, тогда как китайцы должны были быть судимы в соответствии с [их собственными] законами и декретами»²⁰. О том, что речь идет о кодификации норм именно обычного права, свидетельствует императорский декрет, упомянутый во второй главе «Ляо ши»²¹. В дальнейшем работа хотя и затянулась, но привела к определенным результатам, ибо в первом киданьском кодек-

се, составленном при императоре Син-цзуне (1031—1056 гг.), значительная часть его 547 статей отражала нормы обычного права киданей. В этот кодекс 1036 г. вошли указы первых киданьских императоров. Любопытно, что, по утверждению «Ляо ши», этот кодекс не удовлетворял прокитайски настроенного Син-цзуна именно слабой выраженностью интересов китайских подданных и, дабы успокоить их недовольство, он приказал составить новый кодекс. Переработка кодекса 1036 г. началась с вычеркивания двух повторявшихся дважды статей, затем было добавлено 173 статьи из танского кодекса и создана 71 статья на основе обычаев киданей. Новый кодекс появился в 1070 г. и состоял уже из 789 статей. До 1089 г. продолжалась работа по доработке этого кодекса. В него было включено еще несколько сот статей (в общей сложности — более тысячи). Чиновники обязаны были регулярно сообщать по всем округам о новых законах²². Но в 1089 г. этот кодекс был отменен, и в силу вновь вступил несколько доработанный кодекс 1036 г., который действовал до конца империи. Аргументация была такова: «Поскольку статьи были многочисленны, чиновники, ответственные за судебные дела, не в состоянии были знать их все, а несведущие люди не могли знать, как не навлечь [наказания]. Нарушители закона стали многочисленны, а чиновники могли объединяться в совершении зла. Поэтому в пятый год вышел императорский декрет, гласивший: «Закон должен дать людям уверенность, что страна умиротворена. Он должен быть прост, как небо и земля, и неизменен, как четыре времени года, так чтобы могли избежать [наказания], но не могли нарушать [законы]. Когда чиновникам приказали составить уголовный закон, они не смогли ясно понять Наше намерение. Они создали много статей, втягивающих людей в преступление. Мы весьма недовольны этим. В будущем необходимо вновь использовать старые законы, а остальные должны быть окончательно аннулированы»²³.

Из этого напрашивается вывод, что попытка киданьских юристов свести в один кодекс нормы обычного и китайского права не удалась. Возможно, что решено было вернуться к исходному положению, когда основу сборника нормативных актов составляли нормы обычного права, которые постепенно и очень медленно дополнялись китайскими правовыми нормами, подвергавшимися переосмыслению с учетом реалий. Можно предположить также, что в борьбе на юридическом фронте китайская группировка потерпела поражение. В результате кодекс 1070/1089 г. оказался очень громоздким, сложным и неудобным для отправления практических нужд. Возврат кодекса 1036 г. и его действие до конца династии свидетельствуют, что антагонизм между китайским и киданьским (обычным) правом преодолен не был. Хотя эти предположения и основываются не на полных текстах кодексов, а лишь разбросанных по различным главам «Ляо ши» выдержках из них, тем не менее анализ и этих пассажей позволяет привести доказательства в пользу того, что принцип чисто механического соединения двух правовых систем, преобладавший в юридической практике империи почти на всем протяжении ее существования, закономерно уступил место синтетическому принципу.

Как уже отмечалось на примере указа 994 г., кидани переняли китайское понятие «десяти зол» («ши э»), которые разрушали социальный порядок и подрывали моральные устои общества. Эти самые страшные преступления, рассматривавшиеся в китайских кодексах первыми, не подлежали обычной амнистии²⁴.

В эти «десять зол» включались следующие преступления.

1. Моу фань — умышление мятежа против императора. Как указывалось в «Тан люй шу и», «следует казнить того, кто затаил в душе своей стремление идти наперекор и причинить вред государю или отцу»²⁵. Хотя это преступление именовалось также умыслом причинить вред «алтарям почв и злаков» («моу вэй шэ цзи») и духам земледелия («вэй шэнь»), полукочевые кидани переняли представление о нем, ибо акцент был здесь сделан на мятеже против монарха.

2. Моу да ни — великое непокорство, бунт. Под бунтом здесь понимались преступления:

1) против «дао», т. е. пути, которому следует все сущее;

2) против силы «дэ» монарха («вэй дао бэй дэ»);

3) разрушение (или только замысел) храмов предков императора;

4) попытка или уничтожение могил предков императора;

5) нападение на дворец императора.

Нетрудно предположить, что кидани, хотя и весьма настороженно относились к «китайским» религиям²⁶, переняли и это определение, которое означало бунт против существующих порядков и морали.

3. Моу пань — замышление измены, а именно:

1) бэй го — измена государству;

2) бэй бэнь чао — измена императору;

3) тоу фань го — переход на сторону чужеземного государства;

4) бегство из страны;

5) присоединение к изменникам.

4. Э ни — непокорность:

1) избиение или желание убить деда, бабу и родителей;

2) убийство дядей по отцу или их жен, старших братьев и сестер, деда или бабушки по матери, родителей мужа и деда и бабушки по мужу.

Как гласит «Тан люй шу и», «люди, объединенные родством в пределах пяти степеней сроков ношения траура в случае смерти друг друга (у фу), — близкая родня (чжи цинь). Для таковых убить друг друга — значит совершить тягчайшее из зол, нарушить и отбросить основные принципы (ли), на которых зиждутся взаимоотношения людей»²⁷.

5. Бу дао — бесчеловечность, т. е. преступления против естественной природы человека:

1) убийство невинных людей;

2) особо жестокое убийство путем расчленения жертвы («чжи цзе») или трупа;

3) наговоры и колдовская магия;

4) изготовление ядов, их хранение и передача другому человеку для преступных целей.

6. Да бу цзинь — великое непочтение. Это преступления против «ли», т. е. действующих социальных норм. Конкретно речь идет о краже храмовых или императорских вещей, «ошибочности» действий («у») по отношению к императору (при приготовлении пищи, лекарств и т. п.), злословии

в его адрес («цин ли це хай»), сопротивлении послу с императорским указом («чжи ши») и т. д.

7. Бу сяо — сыновняя непочтительность. «Поскольку добром служить, — говорится в “Тан луй шу и”, — родителям называется “сяо” (сыновняя почтительность), постольку нарушать родительскую волю именуется “бу сяо” (сыновняя непочтительность)»²⁸:

- 1) обвинение родителей в чем-либо;
- 2) ругань в их адрес;
- 3) раздел имущества при их жизни;
- 4) плохое их содержание;
- 5) нарушение траура по умершим родителям и т. д.

8. Бу му — разногласия, т. е. покушение на убийство, продажа в рабство или избивание старших родственников, донос жены на мужа, избивание женой мужа и т. д.

9. Бу и — несправедливость, т. е. нарушение «ли», связывающего лиц, не состоящих в кровном родстве: убийство начальника, командира, «невывражение женой печали» по умершему мужу.

10. Нэйлуань — кровосмешение, т. е. нарушение запретов на сексуальные отношения между кровными родственниками, связь с наложницей отца или деда.

Нетрудно понять, что все эти преступления носят не только уголовный, но и политический характер, направлены также против уже сложившихся в киданском обществе моральных установок, в силу чего кидани легко переняли понятие «десять зол». Но наказывали кидани за эти преступления иначе, чем китайцы. Уже в начале своего правления Абаоцзи, перед которым стояли две задачи — принуждение недовольных его правлением и привлечение на свою сторону колеблющихся, придавал большое значение приведению наказаний в систему. По словам «Ляо ши», «в первые годы правления Тай-цзу все находилось на начальной стадии. Совершавшие преступление наказывались в соответствии с его серьезностью. Впоследствии, когда были наказаны его братья и мятежники, на время установили законы». Далее в хронике перечисляются наказания, целью которых было, видимо, не столько наказание, сколько «предупреждение мятежа людей»²⁹. В этом случае первый киданский правитель весьма последовательно проводил ту политику, которую разработал еще раньше. Как сообщается в 60-й главе «Ляо ши», «ранее, когда Тай-цзу был илицинем дворца И-ли, он извлек урок из того факта, что род Яолянь ослаблен из-за изоляции, и потому обращался со всеми племенами доброжелательно, сделал награды и наказания справедливыми и воздерживался от беспричинных военных походов. Он помогал своим людям, заботясь об их интересах»³⁰.

Еще до появления первого кодекса император Син-цзун попытался привести в систему наказания за особо опасные преступления³¹. В следующем, 1033 г. вышел особый указ, разъясняющий декрет³². Но в окончательном виде система наказаний была представлена в кодексе 1036 г. Она включала пять классов: смерть, ссылка, битье (толстыми и тонкими палками) и каторга трех степеней³³.

Много информации о наказаниях представлено на страницах «Ляо ши», посвященных описанию заговоров и мятежей против императора. Борьба за власть заставляла Абаоцзи быть безжалостным даже к своим родственникам. Если соперничавших с

ним племенных вождей он убивал, то членов императорского рода отдавал в рабство. Это же наказание полагалось за повторное участие в заговоре против императора³⁴. Членов императорского рода за участие в заговоре по особому указу Абаоцзи сбрасывали со скалы³⁵. В дальнейшем, по мере стабилизации политической ситуации в стране и укрепления власти правящей династии, наказания начинают смягчаться. Кроме того, киданское право усложнилось, к середине X в. в практике судопроизводства начинает применяться дифференцированный подход. Впрочем, еще Абаоцзи учитывал при решении участи преступника его социальный статус и степень вины. Расправляясь с участниками мятежа 913 г., он «застрелил из лука своего приемного сына Ли-сы за то, что [тот] примкнул ко всем [его] младшим братьям и изменил ему, а шесть тысяч его сообщников предал уголовному суду, смотря на степень их преступления. Илициню Не-ли-гуню по причине присоединения его ко всем [ханским] младшим братьям и измены велел покончить жизнь самоубийством, не потерпев, чтобы [он] погиб на острие ножа»³⁶. За участие в заговоре император Ши-цзун применил различные наказания. Главный организатор Тянь Дэ был казнен, а остальные были подвергнуты битью либо сосланы на границу, один был послан в качестве посла в государство киргизов в верховьях Енисея³⁷. Здесь необходимо подчеркнуть, что за подобное преступление по танскому законодательству полагалась смертная казнь (обезглавливание или удушение). В таких случаях очень часто действовал принцип общесемейной ответственности³⁸. Данный пример ярко демонстрирует классовый характер киданского права. Простолуны за подобное преступление подвергались безоговорочной казни независимо от степени вины. Виды казни были различны: обезглавливание, четвертование, выстреливание из катапульты и др.

Наказания за некоторые другие преступления из числа «десяти зол» тоже отличались от наказаний по танскому кодексу. В 941 г. киданский сановник был арестован за хранение яда и замысел отравить несколько человек. Его подвергли битью палками и изгнали, а изготовителей яда казнили³⁹. За аналогичное преступление танский кодекс предусматривал обезглавливание главного преступника независимо от социального статуса и удушение всех членов его семьи⁴⁰. Если кидани за кровосмешение и преступления против своих родителей разрывали на части пять повозками, то китайцы за это отрубали голову⁴¹. За клевету или непочтительное отношение к старшим начальникам кидани втыкали в рот железный прут, а китайцы отрубали голову или душили⁴².

По «Тан луй шу и», в Китае вводилась более чем на тысячелетие система «пяти основных наказаний» («у син»). «Пять [видов] наказаний: наказание тонкими [легкими] палками — пять, наказание толстыми [тяжелыми] палками — пять, наказание каторжными работами — пять, наказание ссылкой — три, наказание смертной казнью — два»⁴³.

Кидани, заимствовав эту систему, существенно изменили ее. «Ляо ши» не упоминает наказание тонкими палками («чи») ⁴⁴. По танскому кодексу тонкими палками били 10—50 раз (10, 20, 30, 40, 50), а толстыми («чжан») — 60—100 (60, 70, 80, 90, 100). Тонкими палками били по ногам и спине, а толстыми — по ногам, крестцу и спине. У киданей при наказании били 50—300 раз, причем за

большие преступления на каждые 50 ударов палками приходился один удар мешочком с песком (кожаный мешочек размером 15×15 см с рукояткой длиной 30,5 см). Такие же мешочки были у чжурчжэней⁴⁵. Использовали кидани также большую дубинку и деревянный меч. Наказание мечом трех степеней (15—20, 20—25, 25—30 ударов) применялось в качестве снисхождения к знатым людям, виновным в совершении тяжкого преступления. Кидани, как и другие кочевники, били палками только по спине, так как боялись, что «битье по заду повредит наказуемому и он не сможет ездить на лошади»⁴⁶. По киданьскому праву, как и по китайскому, от наказания палками можно было откупиться⁴⁷.

Каторжные работы у киданей включали три степени наказания: 1,5 года; 5 лет и пожизненно⁴⁸. У китайцев степеней было пять (1; 1,5; 2; 2,5; 3), пожизненной каторги танский кодекс не знал.

Использовали кидани в качестве наказания и ссылку. При этом они не руководствовались танским принципом увеличения расстояния до места ссылки как средства усиления данного наказания, а отправляли преступника в строго определенную местность. Это наказание также делилось на три степени: в пограничные районы, в земли родов, без всяких границ⁴⁹. Эти ссылки именовались «обычными ссылками» («чан лю»). Вероятно, у киданей, как и у китайцев, была «ссылка с дополнительными каторжными работами» («цзя и лю»).

Высшей мерой наказания по танскому кодексу была казнь: обезглавливание («чжань») и удушение («сяо»). Кидани добавили к ним еще «линъчи» («резание на куски»). Привязанному к столбу преступнику срезали брови, плечи, отрезали руки по локоть, потом по плечи, мясо с ног, ступни, вспарывали живот и лишь после этого отрубали голову. Предусматривалось также наказание «жизни и смерти» («чу сы»), суть которого не вполне ясна⁵⁰.

Многие из остальных применявшихся киданями наказаний связаны с их обычаями. Расстреливание «дьявольскими» («свистящими») стрелами производилось для нейтрализации действия чар злых духов. В качестве наказания растаптывали лошадей, метали из катапульты, погребали живым, сбрасывали со скалы (у ранних киданей, когда они еще жили в горной местности⁵¹). В 965 г. Му-цзун «отменил смертную казнь через выжигание клейма на лице и вырезание почек учинившему преступление сокольников»⁵².

Применялись и произвольные наказания, не обусловленные нормами законодательства. Тот же Му-цзун в 965 г. «схватил нож и заколол им своего приближенного рассыльного по имени Тун-эл за то, что [тот] запоздал подать ему две столовые палочки для еды. Охотника по имени Сэлади, [который] заупрямился пойти высматривать лебедей днем, убил, подвергнув [таким] пыткам: велел [ему] обнять медный столб, раскаленный докрасна, раздробил руки утюгом, наполненным горящими угольями, и расчесывал голову железным гребнем, раскаленным докрасна»⁵³.

По киданьскому праву преступников или их соучастников иногда в качестве наказания татуировали. В основном так наказывали воров. Как говорится в трактате «Ци-дань чжи фа» («О законах киданей»), если кто-либо из людей украдет впервые, ему татуируют запястье пометкой «вор», после второго преступления делается метка на пред-

плечье, после третьего — на локте и после четвертого — на спине. После пятого преступления отрубают голову. Поэтому нет необходимости вводить [наказание] в списки, так как преступление не может быть утаено⁵⁴. В «трактате о наказаниях», однако, сообщается, что «в первый раз воры татуировались на правой руке, во второй — на левой руке, в третий раз — на правой стороне шеи, в четвертый — на левой стороне шеи. После пятого преступления они подвергались казни»⁵⁵. Татуирование в Китае было отменено в 167 г. до н. э., при ханьской династии, а при Тан не использовалось⁵⁶.

Кидани, как и китайцы, считали колдовство, т. е. наговоры, магические действия, преступлением только тогда, когда они были направлены против других лиц или государства и карали за это смертной казнью, расстреливая «дьявольскими стрелами»⁵⁷. В 957 г. «шаманка по имени Сяо Гу поднесла хану Му-цзуну в подарок лекарство [яд], говоря: «Лекарство — средство для долголетия». Поскольку к этому лекарству была примешана желчь мужчин, то в течение нескольких [предшествующих лет] она убила многих людей. И только теперь, в это [вот] время, хан Му-цзун ясно понял обман и схватил шаманку. [В нее] все стреляли из луков и убили»⁵⁸. Не случайно именно шаманка, обвиненная в колдовстве, была убита «дьявольскими стрелами», предназначенными для разрушения злых чар.

Смертные приговоры приводились в исполнение публично. Тела казненных в течение трех дней были выставлены на рынках⁵⁹. Для высших сановников могли сделать исключение, казнив без большого стечения народа. Сбрасывание со скалы в 913 г. было применено в отношении сановника высокого ранга, дабы он таким образом мог избежать публичного наказания. Самые знатные получали иногда право покончить жизнь самоубийством. В 981 г. такое право получил заговорщик Си-инь⁶⁰.

Тюремное наказание как мера наказания у киданей, видимо, отсутствовало. В 995 г. некоторые чиновники были награждены за то, что «тюрьмы Северного и Южного управлений были пусты»⁶¹. Судя по этому сообщению, «тюрьмы» служили лишь для предварительного заключения, которое, правда, могло быть длительным. Император специально посылал в провинции чиновников для проверки тюрем и ускорения следствия по делам сидящих там преступников. Когда упомянутый выше заговор Си-иня был раскрыт, «император приказал заковать в цепи его руки и ноги и построить темницу в Цзу-чжоу для того, чтобы заточить его в ней»⁶².

Отличие киданьского права от китайского особенно ярко проявляется в законах о присвоении имущества. Как известно, по танскому праву преступления «против имущества» другого лица или казенного имущества входили в число преступлений, квалифицируемых как «шесть способов незаконного приобретения имущества» («лю цзян»): ограбление, кража, взятка с нарушением закона, взятка без нарушения закона, приобретение имущества в сфере административных прав данного лица, приобретение имущества незаконным путем. Считалось, что «человек, совершивший похищение чужого имущества, воистину является большим негодяем». По «Тан люй шу и», «кражей [цедо] имущества человека [Жань цай] называется похищение [цюддо] [его] скрытно, скрывая свой внешний облик и пряча лицо [цян син инь мянь]»⁶³. Об-

щим правилом в китайской средневековой юридической мысли было: «определение стоимости незаконно приобретенного определяло меру наказания»⁶⁴.

В киданьском же законодательстве действовали два принципа, в соответствии с которыми кидани наказывали за воровство. «Трактат о наказаниях» сообщает о наказании по количеству преступлений. Этот принцип обычного права был еще весьма живуч в среде киданей, кроме того, он менее разрушительно воздействовал на семью как ячейку общества. О последнем наглядно свидетельствует указ императора Син-цзуна, подвергавший смерти преступника за воровство лишь в пятый раз, и то, если у него были младшие братья⁶⁵. «Когда младший брат, следуя за старшим, становится вором и бывает изловлен, то, если у старшего и младшего братьев нет детей, младшего брата избавлять от наказания»⁶⁶. Таким образом, для киданей фактически допускалась четырехкратная кража с почти символическим наказанием. Ценность похищенного в законе не оговаривалась, и она могла значительно превышать цифру, за которую по кодексу 1070 г. полагалась смерть. А этот кодекс, как и сам «Трактат о наказаниях», в другом месте свидетельствует и о втором принципе наказания воровства: в соответствии со стоимостью вещей. Еще в 1032 г. был издан указ, карающий смертью за воровство вещей стоимостью 20 денежных шнуров и более⁶⁷.

Примечательно, что данный указ опирается на представление управления Южной столицы. Следовательно, решение было принято прежде всего из-за китайских подданных империи. В 1036 г. к смерти приговаривали уже тех, кто украл 25, в 1070 г. — 50 связок монет⁶⁸. Разумеется, данному наказанию должны были подвергаться не только китайцы, но и кидани. Эти два принципа сосуществовали и даже боролись у киданей на протяжении всей истории империи. Они боролись между собой и у остальных монгольских племен⁶⁹. Более того, у киданей существовал обычай свободного воровства: «Тринадцатого числа первой луны киданям разрешается три дня заниматься воровством, однако, если стоимость украденного превышает десять связок монет, виновного, согласно закону, отправляют в ссылку. На севере это время называется ХУЛИ ПО. Китайцы при переводе на китайский язык говорят, что ХУЛИ означает «воровство», а ПО — «время»⁷⁰. По «Ляо ши», обычай этот общепризнан, даже власти не пытались его запретить. «Во время этих дней и ночей люди воровали тайно у тех, но очень пристрастно к своей одежде, утварю, лошадьми со сбруей, повозками и прочим. Спустя несколько дней, когда собственник узнавал, где находятся его вещи, он мог потребовать их, но только с условием выкупа их вином, пищей, деньгами или подарками»⁷¹. Ценность выкупа была намного меньше стоимости выкупаемых предметов. По мнению Р. Штейна, обычай мог предназначаться и для того, чтобы с его помощью «можно было принудить кого-либо вступить в дружеские отношения с собой»⁷². Действительно, по «Сунмо цзивэнь», именно в эти дни разрешалось красть не только драгоценности, повозки или лошадей, но и незамужних женщин⁷³. При этом учитывалось, сообщает Хун Хао, желание похищенных женщин⁷⁴. Украденные вещи возвращались во время пира, который представлял собой веселое и зрелищное состязание в хитрости и остроумии.

Особенности киданьского права ярко проявились, судя по письменным источникам, и в процессе его применения. Если в Китае существовала иерархия судебных инстанций и к императору попадали только чрезвычайные дела лишь после обсуждения их Верховным судом, Министерством наказаний и Цензоратом на совместном заседании, то киданьские правители часто вмешивались в правосудие. Неоднократно упоминаются в «Ляо ши» и других источниках случаи, когда император открыто игнорировал действующее законодательство. Киданьский император Му-цзун в 958 г. даже дал своим приближенным указание останавливать его во время вспышек ярости⁷⁵. А Шэн-цзун в 1014 г. даже повелел чиновникам требовать от него подтверждения своего решения на следующий день, если он его вынес в состоянии опьянения⁷⁶.

Судебный произвол обусловлен был еще и тем, что в Киданьском государстве судебная власть не была отделена от административной. Вся история возвышения и господства киданей — это непрерывная борьба их государства с многочисленными внешними и внутренними врагами, что требовало наделения центральных и местных органов широкими и различными полномочиями. Кроме того, полукочевое государство еще находилось на стадии ранней государственности, и этим обуславливалось существование у киданей «дворцовой системы управления». Наконец, киданьские правители не «спешили» с созданием отдельных судебных органов потому, что подобная слитность различных функций давала значительные преимущества киданям перед представителями других народов.

В начале династии судебные дела находились в ведении «илиби». По мнению некоторых исследователей, название этого титула можно перевести как «Хан народа, племени»⁷⁷. Следовательно, в это время судебные функции еще находились в ведении различных дажэней киданьских родов. По мере формирования государственного аппарата у илиби определенная часть судебных дел, вероятно, была изъята. «Цидань го чжи» определяет илиби как чиновника, «участвующего в управлении политическими делами»⁷⁸, в том числе в важнейших церемониях⁷⁹. По «Ляо ши», управление илиби вело и наказаниями⁸⁰.

Судебные дела разбирал также «илицинзнь». По «Ляо ши», это «крупный чиновник, командующий войсками и лошадьми»⁸¹. Судебные функции были переданы ему еще каганом Цзу-у⁸². С 938 г. на некоторое время илицинзнь превращается, по сути, в наместника той или иной области, о чем говорит его тогдашний титул «ван» (князь)⁸³. После этого разбором уголовных дел занимались два главных цзайсяна, причем дела представителей не киданьских народов разбирали местные суды.

Оригинальным учреждением, аналога которому нет ни в китайском праве, ни в праве других восточно-азиатских кочевников, был «чжун юань» («колокольный департамент»), «специальной целью которого было разоблачение чиновничьих пороков» и «недопущение нарушений закона». Название это произошло, вероятно, от того, что жалобщик бил в колокол у ворот после того, как опускал анонимную жалобу в специальный ящик. Это управление неоднократно закрывали⁸⁴. Но в 1006 г. был издан даже указ, разрешавший жаловаться и рабам, при условии, что их хозяева совершили одно из «деся-

ти зол»⁸⁵. Что жалобщиков было немало, догадаться нетрудно, ведь поводы для жалоб предоставляли и административные, и судебные власти. По «Тан луй шу и», попытка применялась, только когда следователь «проверит правдивость всех свидетельских показаний и обстоятельства дела покажутся ему сомнительными и станет очевидно, что обвиняемый не признается и не дает правдивых показаний»⁸⁶, она сводилась к битью палками (не более 200 при трех допросах). Но кидани широко использовали пытки с помощью плетей, тонких и толстых палок, раскаленных кандалов⁸⁷. Вызывать возмущение рядовых киданей могло и то, что знать за взятки добивалась перенесения разбирательства из местных судебных органов в центральные. В 1026 г. киданьский император даже издал указ о том, что «с настоящего времени всякий раз, когда знатных [императорских] родственников обвиняют в чем-либо, не считаясь с тяжестью обвинения, следствие должны вести местные чиновники»⁸⁸. Ту же цель преследовал указ 1056 г., в котором «в делах, особенно касающихся воровства, было определено разбирать дела на самом месте совершения преступления без отнесения ко двору»⁸⁹.

Помимо Колокольного департамента существовали и специальные апелляционные учреждения, но высшей такой инстанцией был император. Это созданные в 994 г. Залы правосудия и пересмотра, один в составе Северного правительства для рассмотрения апелляций киданей и прочих кочевников и другой — в составе Южного правительства для китайцев⁹⁰. По «Ляо ши», с 913 по 1100 г. состоялось более 60 выездных заседаний этих учреждений.

По подсчетам В. Джонсона, китайцы за время правления династии Тан объявили 174 общие амнистии⁹¹. Кидани же, по «Ляо ши», за два века (916—1106) — лишь 34 общие и 36 местных, причем многие из них остались только на бумаге. Основания амнистий традиционные — вступление на престол нового императора, день рождения или выздоровление правителя, рождение сына, обряд «второго рождения» и т. п. Не надо забывать, что значительную часть киданьского населения составляли кочевники, передвигавшиеся на лошадях по обширной территории. Арест преступников был всегда делом трудным, поэтому кидани предпочитали сразу сурово наказать преступника, пока он в их руках. Суровость была также чисто психологическим средством подавления желания остальных людей совершать преступления. По этой причине, как неоднократно отмечают китайские послы, варвары-кочевники не имели тюрем⁹².

В основе киданьского права была идея законности наказания. Так, в одном из императорских декретов говорилось, что «законы, будучи основой управления и связанные с человеческой жизнью, не должны находиться в небрежении. Вы должны взвешивать легкость и тяжесть для того, чтобы приводить их в соответствие с целесообразностью»⁹³. Отсюда вытекала еще одна особенность киданьского права — наличие права на смягчение наказания и на помилование. Это право тесно смыкалось с правом отдельных сословий на привилегии. Еще Абаоцзи легко согласился с китайским чиновником Яо Кунем в том, что «следование воле неба и повиновение желаниям народа нельзя сравнивать с действиями простых людей»⁹⁴. Китайский посланник в Ляо Су Чэ в 1089 г. отмечал, что дис-

криминации подвергались китайцы и низшие социальные группы. Сословным вообще было право всех монгольских племен⁹⁵. По мнению Г. Франке, колебание между стремлением создать унифицированное право и необходимостью соблюсти интересы различных этносов, входящих в состав империи, было ярчайшей особенностью ляоского законодательства⁹⁶. Люди, получавшие так называемую железную грамоту (за особые заслуги, независимо от национальности), либо вовсе освобождались от наказаний, либо подвергались меньшему наказанию в случае совершения преступления⁹⁷. За «административные способности» освобождались от смертной казни чиновники, даже если налицо было «получение взяток для нарушения закона, подделывание императорских указов... воровство товаров, представленных иностранными государствами в качестве дани»⁹⁸. Так, в 1038 г. чиновник, присвоивший дань чжурчжэней, отделался ссылкой и татуированием⁹⁹, причем татуировалось не лицо, а лишь шея. Император Син-цзун, издавший в 1033 г. соответствующий указ, объяснял, что исправившихся преступников клеймо на лице будет компрометировать всю жизнь¹⁰⁰. Явка с повинной даже убийце иногда давала возможность вовсе избежать наказания¹⁰¹. Наконец, менее суровыми наказания были для лиц младше 15 и старше 70 лет¹⁰². Известны случаи, когда кидани видели различие между преступлением и проступком, учитывали смягчающие обстоятельства. Устроивший случайный пожар на священной горе Муе был помилован императором и отделался лишь побоями, между тем за преднамеренный поджог полагалась смерть. Прощен был в 973 г. и приближенный императора, нечаянно разбивший священную плиту. Киданьское право вообще учитывало условия и мотивы совершения преступления: заранее обдуманное, с целью ограбления, непреднамеренное, случайное, во время драки, в ходе поединка, убийство мужа женой, убийство посла, убийство господина рабом и т. д. Любопытно, кстати, что у киданей сохранялся древний обычай, бытовавший у всех степных народов, — не разнимать дерущихся, а, образовав круг, досмотреть это «зрелище» до конца. Подобный же обычай у монголов описывает Г. Рубрук¹⁰³. При определении меры наказания учитывалась стадия, на которой раскрыто преступление: замысел, подготовка, покушение, совершение преступления. Столь же детально определялась степень участия обвиняемого в преступлении: организация, подстрекательство, исполнение, с умыслом или без. Выделялись главари, исполнители, простые соучастники в коллективных преступлениях. Коллективная ответственность по китайскому образцу предусматривалась лишь за особо тяжкие государственные преступления. В источниках есть указания на то, что учитывались отягчающие (организация шайки, рецидив, совершение нескольких преступлений одновременно) и смягчающие вину обстоятельства (юный или пожилой возраст, тяжелая болезнь, увечье виновного, явка его с повинной). Наказания делились на обычные и особые. Здесь явно прослеживается влияние китайского права. Обычным наказаниям подвергали рядовое население, особым — чиновников, буддийских и даосских священников. При разрешении спорного вопроса, как это было, например, с Агудой, сличали показания различных свидетелей¹⁰⁴. Даже в

случаях массовых волнений населения иногда учитывалось, что «разбой зависит от голода»¹⁰⁵. Однако именно то, что при определении наказания учитывался не только объект, но и субъект преступления, свидетельствует об отсутствии в киданьском праве принципа равенства людей перед законом.

Можно сделать вывод, что китайские правовые нормы широко использовались в южных районах империи, населенных преимущественно китайцами, но в целом киданьское право развивалось самостоятельно, заимствуя лишь отдельные черты китайского права. Но здесь следует учитывать их интерпретацию киданьскими законодателями. Как справедливо писал В. А. Рязановский, «первичные кодексы различных народов представляют собою по преимуществу закрепление обычного права данного народа. В этих кодексах (при официальной или частной кодификации) иногда помещаются и нормы указанного права и находят отражение иностранные влияния, но в своей основе такие кодексы все же остаются сборниками обычного права»¹⁰⁶. Как видно из приведенных примеров, уголовное право киданей носило во многих своих разделах конкретный, казуальный характер. Но в нем есть и обобщения, что свидетельствует о его переходном характере и позволяет еще раз утверждать, что оно было определенной вехой в процессе становления юридической системы кочевых народов Восточной Азии. Возможно, в дальнейшем эта двойственность киданьского права и была бы преодолена, как это произошло, скажем, в Древнем Риме, где квинтское право и право народов в конце концов слились. Попытки императоров Ляо превратить свое лоскутное, многоплеменное государство в централизованное, унитарное сопровождалось непрерывной и напряженной работой киданьских юристов по унификации законов и созданию системы права, подобной китайской. Отсутствие объективных предпосылок для создания унитарного государства в данном регионе в то время, недолговечность существования киданьской державы, неразвитость феодальных отношений в кочевом обществе обусловили крах и того, и другого. Сочетание же обычного права племен с развитым письменным правом характерно для всех государств, находящихся на стадии перехода от первобытно-общинного строя к феодальному. Таковы, например, «варварские» государства, возникшие в период агонии Римской империи на территории Галлии, Италии и Испании (Бургундское, Вандальское, Свевское, Остготское). Поэтому китайцы возмущались правом киданей: «Законы варваров чрезвычайно грубы. Если преступление наказуемо смертью, они, разумеется, выберут кровавое и жестокое убийство (преступника). Их правитель однажды сказал: «Кидани — дикие животные. Ими, невозможно управлять с помощью писаных законов, как китайцами»»¹⁰⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.). — М., 1986. — С. 3.

² Е. Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). — М., 1979. — С. 15.

³ Данышин А. В. Государство и право киданей: Дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1985; Он же. Система преступлений и наказаний в праве киданьского государства Ляо (907—1125 гг.). — Л., 1985. — Деп. в ИНИОН АН СССР, № 21994/85; Он же. Семейно-брачные отношения и положение женщин в киданьском государстве. — Л., 1985. — Деп. в ИНИОН АН СССР, № 21993/85.

⁴ Масадзира Такигава, Масао Симада. Рёридзу но кэнкю (Исследование законов Ляо). — Токио, 1943 (на яп. яз.); Масао Симада. Рё си но кэнкю (Исследование истории Ляо). — Токио, 1954 (на яп. яз.); Он же. Рёдай сякайси кэнкю (Исследование социальной истории Ляо). — Киото, 1952 (на яп. яз.); Он же. Рёте кансэй но кэнкю (Исследование государственного устройства Ляо). — Токио, 1979 (на яп. яз.); Ниидза Нобору. Тюгокунго хо-то сякай-то рэкиси (История китайских законов и морали). — Киото, 1974 (на яп. яз.); Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of the Chinese society: Liao. — Philadelphia, 1949; Franke H. Jurchen Customary Law the Chinese Law of the Chin Dynasty // State and Law in the East Asia. — Wiesbaden, 1981. — P. 215—233.

⁵ Цит. по: Кычанов Е. И. Основы... — С. 10.

⁶ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 499.

⁷ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М., 1950. — Т. 2. — С. 26; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. — М., 1984. — С. 155.

⁸ Дайляо гуруни судури/Пер. Тюрюминой Л. В. (рукопись). — Сектор истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН. — С. 12.

⁹ Кычанов Е. И. Основы... — С. 10.

¹⁰ Riasanovsky V. A. Fundamental principles of Mongol Law. — The Hague, 1965. — P. 179.

¹¹ Johnson W. The T'ang Code. General Principles. — Princeton (N. J.), 1979. — Vol. 1. — P. 252.

¹² Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 231.

¹³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 26.

¹⁴ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930. — С. 24.

¹⁵ Материалы по истории... — С. 173.

¹⁶ Е. Лун-ли. История... — С. 43.

¹⁷ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 14.

¹⁸ Gabelentz H. A. Geschichte der grossen Liao. — Spb., 1877. — S. 9.

¹⁹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 22.

²⁰ Tung-tsu Gh'ü. Law and society in traditional China. — P., 1961. — P. 203; Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 227.

²¹ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 227.

²² Суровцов. Ответ на тему «О владычестве киданей в Средней Азии». — Архив востоковедов Ленингр. отд-ния Ин-та востоковедения СССР, фонд А. М. Позднеева, № 44, оп. 1, ед. хр. 78, л. 726.

²³ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 502.

²⁴ Ch'en Paul Heng-chao. Chinese Legal Tradition under the Mongols. — Princeton, 1979.

²⁵ Цит. по: Кычанов Е. И. Основы... — С. 46.

²⁶ Пиков Г. Г. Буддизм в государстве киданей // Тез. Всесоюз. буддолог. конф. — М., 1987. — С. 61.

²⁷ Цит. по: Кычанов Е. И. Основы... — С. 47.

²⁸ Там же. — С. 48.

²⁹ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 496.

³⁰ Ibid. — P. 127.

³¹ Ibid. — P. 499.

³² Ibid. — P. 499—500.

³³ Ibid. — P. 500.

³⁴ Ляо ши // Сыбу бэйяо. — Шанхай, 1936. — Т. 33. — Цз. 61. — С. 269.

³⁵ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 496.

³⁶ Дайляо гуруни судури... — С. 23.

³⁷ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 417.

³⁸ Johnson W. The T'ang Code... — P. 62—65.

³⁹ Ляо ши. — Цз. 61. — С. 269.

⁴⁰ Johnson W. The T'ang Code... — P. 68—69.

⁴¹ Ляо ши. — Цз. 61. — С. 269.

⁴² Там же.

⁴³ Кычанов Е. И. Основы... — С. 56—57.

⁴⁴ Ляо ши. — Цз. 61. — С. 271.

⁴⁵ Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск, 1966. — Вып. 2: Древняя Сибирь. — С. 277. — (Материалы по истории Сибири).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ляо ши. — Цз. 61. — С. 269.

⁴⁸ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 500.

⁴⁹ Суровцов. Ответ на тему... — Л. 66.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 465.

⁵² Дайляо гуруни судури... — С. 111.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 500.

⁵⁵ Franke H. The «Treatise on Punishments» in the Liao History. An annotated Translation // Central Asiatic Journal. — 1985. — Vol. 27. — N 1/2. — P. 31.

⁵⁶ Hulsewe A. F. P. Remnants of the Han Law. — Leiden, 1955. — Vol. 1. — P. 124—125.

⁵⁷ Ляо ши. — Цз. 61. — С. 269.

⁵⁸ Дайляо гуруни судури... — С. 107—108.

⁵⁹ Ляо ши. — Цз. 61. — С. 270.

⁶⁰ Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 418.

⁶¹ Ibid. — P. 388.

⁶² Ibid. — P. 418.

⁶³ Цит. по: Кычанов Е. И. Основы... — С. 147.

⁶⁴ Там же. — С. 148.

- 65 Ляо ши.— Цз. 61.— С. 271.
 66 Дайляо гуруни судури... — С. 193.
 67 Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 499.
 68 Ibid.— P. 500, 502.
 69 Книга Марко Поло.— М., 1955.— С. 91; Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрика.— М., 1957.— С. 102.
 70 Е Лун-ли. История... — С. 340—341.
 71 Stein R. Leao-Tche.— P., 1939.— P. 145—146.
 72 Ibid.— P. 147.
 73 Wittfogel K. A., Feng Chia-cheng. History... — P. 269, 278; Stein R. Leao-Tche.— P. 144—147; Franke H. Jurchen Customary Law... — P. 231.
 74 Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 269, 278.
 75 Ляо ши.— Цз. 6.— С. 33—34; цз. 61.— С. 269—270.
 76 Там же.— Цз. 15.— С. 61—64.
 77 Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 432; Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei.— Spb, 1899.— S. 110; Menges K. H. Titles and organisational terms of the Qytan (Liao) and Qara-Qytaj (Si-Liao) // Rocznik Orientalistyczny.— 1953.— T. 17.— P. 72—73.
 78 Е Лун-Ли. История... — С. 314.
 79 Там же.— С. 527.
 80 Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 476.
 81 Ляо ши.— Цз. 116.— С. 2.
 82 Там же.— Цз. 61.— С. 1.
 83 Е Лун-Ли. История... — С. 346.
 84 Суровцов. Ответ на тему... — Л. 67а.
 85 Ляо ши.— Цз. 61.— С. 270.
 86 Цит. по: Кычанов Е. И. Основы... — С. 109.
 87 Ляо ши.— Цз. 61.— С. 269; Суровцов. Ответ на тему... — Л. 66б.
 88 Ляо ши.— Цз. 61.— С. 269.
 89 Там же.— С. 70.
 90 Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 484, 487; Franke H. «Treatise...» — P. 23.
 91 Johnson W. The T'ang Code... — P. 16.
 92 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 26.
 93 Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History... — P. 501.
 94 Материалы по истории... — С. 177.
 95 Riasanovsky V. A. Fundamental principles... — P. 106.
 96 Franke H. Jurchen Customary Law... — P. 216.
 97 Е Лун-ли. История... — С. 267, 475.
 98 Ляо ши.— Цз. 62.— С. 271.
 99 Franke H. The «Treatise...» — P. 30.
 100 Ляо ши.— Цз. 62.— С. 271.
 101 Там же.
 102 Там же.— Цз. 61.— С. 269.
 103 Путешествие в восточные страны... — С. 102.
 104 Дайляо гуруни судури... — С. 231.
 105 Там же.— С. 182.
 106 Рязановский В. Я. Является ли монгольское право правом обычным? — Харбин, 1932.— С. 4.
 107 Franke H. «Treatise...» — P. 12.

Л. В. ТЮРЮМИНА

ВОЕННОЕ ДЕЛО У МАНЬЧЖУРОВ

(сведения из «Мань-вэнь лао-дан»¹)

«Мань-вэнь лао-дан» — название маньчжурского сочинения, хранившегося при династии Цин как «драгоценные записки» императорского дома. Название дано японским ученым Найто Торадзиро, который обнаружил копии этого источника в 1905 г. при изучении «Чун-моу-кэ» мукденского дворца, причем эти копии были сделаны в 1778 г. не с самого оригинала, об обстоятельствах реального составления которого мало что известно², а с предшествующих копий, сделанных впервые в 1775 г.

Сохранилось всего 37 из 180 томов оригинала. Эти 37 томов были недавно обнаружены в Пекине в императорском дворце. Копии 1775 г. (первичные) были помещены в «Нэй-гэ да-ку» императорского дворца в Пекине, а копии 1778 г. (вторичные) — в «Чун-моу-кэ» мукденского дворца.

В 1912 г. Найто вместе с Ханэда Тору сфотографировал полностью мукденский вариант «Мань-вэнь лао-дан» и вывез фототекст в Японию, дав тем самым возможность работать с текстом всему научному миру. Это сочинение очень объемно и очень трудно для перевода. Его первые переводчики Осибутти Хадзимэ и Митамура Тайсукэ использовали его как исторический источник, их работа вышла в 1930 г.

Отрывки из «Мань-вэнь лао-дан» были переведены на китайский язык Цзинь Ляном и опубликованы в 1929 г. под названием «Мань-чжоу лао-дан би-лу», переизданы в 1933 г. под названием «Мань-чжоу би-лу». Другие отрывки перевода Цзинь Ляна появились в сериях под названием «Хань-и мань-чжоу лао-дан ши-лин» в «Гу-гун чжоу-кань» («Журнал Пекинского музея императорского дворца»). Переводы Цзинь Ляна фрагментарны, далеки от точности и содержат большое количество необоснованных изменений, так что они не заслуживают доверия.

Полный перевод на японский язык был сделан Фудзикока Кацудзи в последние годы его жизни и опубликован в 1939 г. под названием «Мамбун Ро-

то». Болезнь и смерть не дали ученому завершить начатую грандиозную работу, его записи и черновики были приведены в порядок и опубликованы после смерти. В этих неоконченных черновых записях много подчисток, исправлений, пропусков и неправильных переводов. Фудзикока Кацудзи был филологом, и пробелы в исторических сведениях явились следствием незавершенности работы.

Следующий перевод на японский язык, выполненный Иманиси Сундзю, выходил сериями в 1943—1944 гг. в «Соко» («Журнал библиотеки Дайрэнь») с маньчжурским текстом и насчитывал всего 10 томов, тогда как перевод на японский завершается на 15-м томе.

Все эти переводы «Мань-вэнь лао-дан» из-за некомпетентности и фрагментарности оказались непригодными для исторического исследования. Поэтому в 50-е гг. в Японии была создана научно-исследовательская группа, которой предстояло сделать полный перевод этого не имеющего себе равных по точности и значимости основного источника и составить к нему комментарий. Поставленная задача была выполнена: первый том перевода опубликован в 1955 г., последний — в 1963 г. Введение к первому тому написано на японском и английском языках. Все приведенные нами выше сведения взяты исключительно из этого введения, поэтому его конец, где речь идет непосредственно о работе японских ученых, считаем нужным процитировать полностью.

«Поскольку мы не имели возможности получить доступ как к пекинскому, так и к мукденскому вариантам текста, мы пользовались фотокопиями варианта с закругленным почерком³ «Чунмоу-кэ» из мукденского дворца, отпечатки были сделаны с негативов, вывезенных Найто и хранящихся ныне в университете города Киото.

Маньчжурский шрифт был романизирован по системе Моллендорфа.

Маньчжурский текст сопровождается двумя вариантами перевода на японский язык — один буквальный, слово в слово, а второй — свободный; первый из них помещен в верхней части страницы, а второй — внизу.

...Комментарий целиком направлен на текстологический анализ, поскольку предполагается выпустить отдельно тома комментариев лингвистического и исторического характера.

Перевод и комментарий являются плодом совместной работы членов научной группы: Канда Нобуо, Симата Дзёхэй, Окамото Кэйдзи, Хонда Минору, Исигаси Хидэо, Мацумура Дзюн и Окада Хидэхиро, работающих под руководством Вада Сэй, Го Минору и Ямамото Тацуру.

Теперь пришло время перевести этот уникальный источник на русский язык. Мы использовали для перевода латинизированный маньчжурский текст сочинения, опубликованного японскими учеными в 1955—1963 гг. под названиями: китайское — «Мань-вэнь лао-дан», маньчжурское — Тонки фука синьдаха хэргэни дансэ», английское — «The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty». Фоторепродукция всех семи томов была любезно предоставлена нам библиотекой Ленинградского отделения Института народов Азии РАН. Экземпляры томов хранятся в библиотеке под шифром Л 447.

Завершен первый этап работы над переводом первого тома «Мань-вэнь лао-дан». Переводчик и автор статьи — филолог по образованию, и ему пришлось столкнуться со всеми трудностями, которые вставляли и перед его предшественниками-переводчиками. Еще предстоит большая доработка перевода и квалифицированная редакция историка-востоковеда.

Предлагаемые ниже отрывки из первого тома касаются правил проведения облавных охот и военного дела при основателе маньчжурской династии Цин Нурхаци, называемом в этом источнике Сурэ-куньдулэнь-ханом⁴ и с 1616 г. — Гэнцзень-ханом (Премудрым ханом).

27/28 ...Сурэ-куньдулэнь-хан с давних времен при ведении войн и на облавных охотах строжайше запрещает шуметь и обнаруживать себя голосом. Когда отправлялся в какое-нибудь место, то заблаговременно говорил всем воинам в поучение и велел запомнить: «Если зашуметь и обнаружит себя голосом на войне, то враг догадается. Если зашуметь и обнаружить себя голосом на охоте, // то горы издадут отголоски и зверь уйдет». Один отряд (баксань) составлял из пяти рот (ниру). [Каждый воин или охотник] исполняет свою должность, по порядку спешивается и на поле битвы сражается на своем месте. Люди, одетые в длинные толстые [стеганные на вате] латы, берут в руки копы и бердыши (мечи с широким лезвием и длинной рукояткой) и сражаются впереди. Люди, одетые в легкие сетчатые (кольчатые) латы, берут в руки луки и стрелы // и стреляют сзади. Избранные храбрые воины садятся на коней и стоят, глядя на других, чтобы оказать помощь в [том] месте, где не берут верх

[над врагом]. Сражаясь, действуют [так], чтобы быть в состоянии победить любого врага. До настоящего времени, когда шли на облавную охоту, каждому из роты давали одну большую [предназначенную для зверя] стрелу и отправляли [на охоту]. Хан сказал: «Если люди каждой роты будут исполнять одну [и ту же] должность, то люди из некоторых рот до [самого] прихода назад домой не смогут сходить в центр облавы», — и положил начало [правилу]: объединять десять рот, давать [всем] по одной стреле // и отправлять. — Потому что на одной охоте люди [какой-нибудь] одной роты, имея возможность попасть в центр облавы, ходили [туда] два-три раза. Люди же тех десяти рот не действуют в одной должности. Когда один-два человека, уклонившись и скрывшись [от своих рот], сходят в центр облавы с чужими ротами, то для действующих так людей это — преступление. Если есть человек, который подкараулит такого рода человека и сможет выдать [его], то [убитого зверя] отдадут и сознавшемуся в преступлении, и схватившему [его]. Если же человек не сможет выдать преступника, // то [его] самого бьют палками, а [потом] прощают. К людям десяти рот, которым дают по одной стреле, назначают четверых амбаней, и [они] наблюдают.

Когда те четверо амбаней не наблюдают за людьми своих десяти рот, когда велят [им] идти в места чужих рот, а людей чужих рот посылают в места своих десяти рот, когда те четверо амбаней сами действуют путанно, то [их] предадут суду, забирают [у них] верховых коней и отдадут поимщикам. «Когда зверь появится, то, войдя внутрь облавы, // не скачи во весь опор! Если зверь выйдет к кому-нибудь, то немедленно берись [за лук] и стреляй со своего места! Далее, скачи вслед и наперерез [зверю] и стреляй, когда выйдет из облавной [цепи]! Если бы все охотники, войдя внутрь облавной [цепи], скакали во весь опор, пресекая путь [зверю], то [они], выйдя из дома, не пришли бы с желанием стрелять и убить зверя. К чему приходится?! Но какой человек не имеет желания убить и приобрести [зверя]? Далее, если [каждый] не будет исполнять любую выпавшую [на его долю] должность, а будет бестолково скакать внутри [облавной цепи], гонясь [за зверем], если человек на проворном коне завернет [зверя] // и приобретет [его], то как смогут выстрелить люди на худых конях и люди, действующие в рядах в соответственных должностях? Как смогут убить? Взять [с нарушителя] в уплату мясо того изменившего [направление бега] зверя! Если увидишь, что тигр спит, не буди [его]! [Условным] криком оповести всех! Если встретится в хорошем месте, то пусть все окружают [его] и убьют! Если в плохом месте, то пусть бросят и уйдут! Если увидите, что тигр

33/34 проснулся и побежал, то не давайте [ему] отдыха! Гоняйтесь [за зверем], постоянно попадаясь [ему] навстречу и постоянно давая знать [о себе], и стреляйте! Если человек, который и прежде // стрелял в медведей и четырехлетних кабанов. в состоянии убить [зверя], то и прикончит. Если не в состоянии, то говорит встретившемуся человеку: «Убьем вместе, помогая [друг другу]!» Когда убьете [зверя] вместе, то возьмите мясо, разделив поровну! Когда, скупясь отдать мясо, не сможет сказать встретившемуся человеку: «Убьем, помогая [друг другу]!» — не сможет убить того медведя [или] четырехлетнего кабана и упустит, то взять [с него] плату за мясо того упущенного [им] зверя! Большой зверь, в которого стреляли и ранили, идет, обнаруживая себя. Когда какой-нибудь человек встретит его // и убьет, то сообщает [об этом] государю. Человек, который преследовал и убил того зверя, мясо его возьми полностью!» Сказав [так], сделал заповедь.

34/35

Гэнцзень-хан (Премудрый хан), будучи издавна приверженным к обучению войска на облавных охотах, о чем говорит? — об усовершенствовании охотничьих и военных правил и об утверждении запретительных постановлений. Когда отправляются на войну [или] облавную охоту, то зимой ночью в месте ночлега [некоторую площадь] огораживают забором, а летом [вокруг нее] выкапывают канаву. Внутри того забора [или] канавы пускают [пастись] лошадей. // Когда внешних [воинов] заставляют взять стрелы с костяными головками и обходить [лагерь] ночным дозором, ударяя в медные литавры (чань), то беглецы не убегают и кони не выходят, поэтому на следующее утро, не утруждая себя поисками, сразу могут отправляться в путь. Хотя, покорив чжушэньские государства, и жил в мире и спокойствии, но об осмотрительности не забывал.

35/36

Хотя бы уходил из дома в какое-нибудь место [только] для травли зверей, шел, взяв все [свое] оружие: латы, шлем, копье, бердыш, стрелы. Сурэ-куньдулэнь-хан, страдая сердцем по поводу страданий находящихся в пути слепых, хромых, нищих, скорбящих людей, по поводу страданий не выдерживающих тяжести вьючных лошадей // и запряженных быков, вырубил леса в разных местах, выровнял и сделал равниной. Срезав крутые перевалы (горные хребты) разных местностей, выровнял и сделал хорошими. Худые вязкие места прорыл канавами, навел мосты, выровнял и сделал сухими. Сделал достаточными все предметы, которые желали и о которых мечтали разные люди. Для взрослых, молодых, злых, добрых людей — для всех одинаково — // объявлял в поучение необыкновенные хорошие слова, которые [никто до сих пор] не слышал. Прилагая все возможные попечения о государст-

36/37

37/38

ве, учредил почтовые станции (тай). Обнес [государство] заставами и распорядился поселить в одной стороне воинов, а в другой — свободных людей. Выбрал честных добродетельных людей для решения государственных дел, рекомендовал восемь амбаней, а вслед за ними и 40 судебных следователей. Водки, скоромной пищи не употреблял, золото, серебро не принимал. Один раз в конце пятидневки собирал // в присутственном месте бэйсэ и амбаней и, заставляя [их] высказывать [свои] мысли и честно разбирать правду и ложь в делах, создал общепринятые обычаи.

38/39

Весь собранный Сурэ-куньдулэнь-ханом великий народ, поставив повсюду в строй, пересчитали. 300 мужчин записаны в одну роту (ниру), в [каждую] роту назначается по одному командиру (эчжэнь). Двое дайсэ, [которые] ниже командира роты, назначают четырех штаб-офицеров (чжан-цзинь) и четырех сельских урядников (унтер-офицеров). Четверо штаб-офицеров, поставив в строй делят на части 300 мужчин // и назначают [им] места стоянок (стойбища). Четверо стойбищных старшин, распределив смены караула, велют одинаково работать, одинаково выходить и одинаково действовать, хоть при производстве всякого рода работ, хоть в любом походе. «Если латы, шлемы, луки, стрелы, мечи, копья, бердыши, седла, уздечки и всякого рода вещи воинов худые, то командира роты понижу чином. Если же приведенные в исправность различные вещи все добрые, если кони воинов тучные,

39/40

40/41. то командира роты // опять повышу в должности», — сказав [так], велел заблаговременно производить различные вещи, чтобы держать в строгости и чтобы покорять сердца. Построил двойные городские крепостные стены, выбирал для крепостных ворот верных людей. Отправлял восемь амбаней и, веля охранять города, с которых не берутся [вещи] для облавных охот и войска, велел беречь всякие вещи из деревень...

...В 4-ю луну хан сказал бэйсэ и амбаням, которые возьмут войско и отправятся в поход: «В законах мира вершина — честность. В законах войны вершина — хитрость и коварство; не изнурять себя; не причинить страдание войску; мудрое лукавое сердце. Если воинов врага мало, а наших воинов много, то, не обнаруживая войско, укрыть [его] в низком потайном месте, вывести немногих [воинов] и взять [врага] обманом! Если, когда берете обманом, [враг] придет [в ловушку], то это есть то, о чем говорят: «Упасть в нашу хитрость». Если, когда берете обманом, [враг] не придет [в ловушку], // то, собрав сведения о расстоянии до почтовых станций и городов, наблюдайте [за врагом]! Если до почтовой станции [или] города далеко, то

10/11

рубите [врага] прежде, чем придет [туда]! Если близко, то, до того как войдет в ту почтовую станцию, заставьте запереть ворота и рубите! Если многочисленное вражеское войско встретится с нашим однокорпусным [или] двухкорпусным войском (с нашим одним или двумя гуса), то незамедлительно нападать не велите! Сначала отступайте и идите для отыскания и соединения со всеми нашими войсками! Все войска, идите к местонахождению того врага для отыскания и встречи [с ним]! Войска двух-трех местностей, [сначала] соединяйтесь, а затем // разыскивайте [врага]! Это есть боевое слово для войск, соединяющихся в степи. Если есть города, почтовые станции и небольшие крепостцы в горах, то объединяйте войска и велите взять в осаду в случае, если в состоянии [это] сделать! Если не в состоянии, то в этот момент не велите нападать! Если [кто-нибудь], будучи не в состоянии, нападет и отступит, то имя [тому] — злодей. Если, не причиняя страдания нашему войску, победит врага, то это тот, о ком говорят: «Мудрый, хитрый, коварный, истинный командир войска». Заставляя страдать и изнуряя наше войско, какая в том // польза, хотя бы победил и захватил врага? По законам войны это превышает всего — победить врага, не проиграв противнику ничего из принадлежащего нам. Поселяйте для охраны городов 10 латников от [каждых] 50 латников одной роты! 40 латников, выходите и отправляйтесь в поход! Для 20 из 40 отправившихся в поход латников [каждой роты] велите сделать две лестницы и велите [им] осаждать городские крепостные стены! Со дня ухода из дома и пока не придете домой, от знамени (ту) не отлучайтесь! Людей, отлучившихся от знамени, // хватайте и допрашивайте! Если командир пяти рот и командир роты не сообщат всем в поучение об [этих] сказанных ханом словах запрета, то с командира пяти рот и с командира роты взыскать по одной лошади! Если командир пяти рот и командир роты сообщат [об этих словах ханского запрета], а [их] не послушаются и будут идти, отлучаясь [от знамени], то идущие [так в походе] люди будут казнены. Командир пяти рот, командир роты и всякий человек, когда [тебе] поручается какое-либо дело, то берись за [это] поручаемое дело, если сам можешь [выполнить его]! Если не в состоянии [выполнить его], то, сказав «Я // не смогу», не берись за поручаемое дело! Если же ты, будучи не в силах [выполнить сам], взял [за дело], то это — преступление [только лишь] для одной твоей особы! Если [ты] — человек, управляющий сотней людей, то удержишь дела сотни людей. Если ты — человек, управляющий тысячей людей, то удержишь дела тысячи людей, так-то! Эти дела означают: все [они] являются великим ханским делом. При осаде городов

15/16

16/17

17/18

18/19

19/20

не принимается в счет то, что ворвутся впереди. Если один-двое ворвутся впереди, то ведь получают раны. // Хотя бы ворвались впереди и получили раны, военная добыча [им] не будет дана. Хотя бы и умерли сами, [в послужной список похвальная отметка] за отличие [им] не записывается. Но людям записывается [за слуга], когда [они] вырываются вперед [в деле] — первыми начинают разламывание городской крепостной стены. Люди, окончившие разламывать [стену] прежде [всех], придите сообщить [об этом] командиру корпуса (гусай эчжэнь)! После того как все люди на всех без исключения местах окончат разламывание, после того как командир корпуса протрубит в большую морскую раковину, все люди на разных местах, совокупно, вдруг разом взрывайтесь [в город]!» Сказав [так], издал указ. // В 13-й [день] 4-й луны, в день тигра, в час змеи [т. е. в 10-й и 11-й час пополудни] при отправлении на войну с Китаем 100-тысячного восьмикорпусного (восьмизнаменного) войска [хан бил челом перед Небом и сжег письмо]. Слова письма-жалобы Небу: «Мои отец и дед не сбивали травы на ханских границах. Не велели неожиданно нападать на земли. При обыкновенном пограничном деле // китайцы убили моих отца и деда. Это первое. Так, хотя и убили, я, имея еще склонность к тому, чтобы жить по-доброму, поклялся [в 1608 г. вместе с китайцами] и установил «каменные книги» [т. е. пограничные каменные столбы с выбитыми на них письмами]: «Когда любой [человек] — китаец [или] чжушэнец — [тайно] перейдет че-

рез ханскую границу, то перешедшего [границу] человека пусть убьет узнавший [про то] человек! Если, узнав [про то], не убьет, то пусть к неубившему человеку придет беда!» Так, нарушив клятву, китайское войско перешло границу, оказало помощь ехэцам и поселилось для охраны. Это // вторая обида. Далее, китайцы, [что жили] южнее Нюанцзяха⁵ и севернее берега [...] цзян, ежегодно по-воровски переходили границу и, занимаясь грабежом, притесняли чжушэньские земли. Вследствие этого [мы, ссылаясь] на слова прежней клятвы [по поводу границ], убивали людей, переходивших границу, и [это] справедливо. Так, после того как убили, [китайцы], не принимая во внимание слова прежней клятвы и спрашивая: «Почему убили?» — схватили моих [послов] Гангури и Фанцзина (Фангина), ходивших в Гуаннин для челобитья, и связали их железной веревкой. [Еще], принудив меня, заставили убить 10 моих людей, сказав: «возьми [их] // и убей на границе!» Это третья обида. [Китайское] войско, перейдя границу, поселилось для охраны [Ехэ]; мою девицу, за которую отдал калым, выдали за монгола. Это четвертая обида. Ки-

20/21 тайские войска переходили [границу], не давая убрать урожай с посеянных и прополонных хлебных посевов чжушэней трех губерний: Чайха, Фанаха и Саньчараб, которые жили [здесь] из рода в род несколько поколений для охраны ханской границы, и прогоняли [их] прочь. Это пятая обида. Приняв слова внешнего заграничного // обвиненного Небом Ехэ, [китайцы]

21/22 написали письмо со злыми словами и отправили [с ним] человека; [письмо] послали для того, чтобы причинить мне всяческий вред. Это шестая обида. Люди Хада, помогая Ехэ, два раза приходили ко мне с войском. Я в ответ пошел на [Хада] войной, вследствие чего Небо ниспослало мне [людей] Хада. После того как Небо удостоило меня [таким образом], китайский хан снова оказал помощь Хада и, чтобы унижить меня, велел отослать в их страну, сказав: "Отошли! [людей Хада]". Люди Ехэ

22/23 // несколько раз нападали с войском на отправленных мною людей Хада и захватили [их]. Под Небом люди из всяких государств воюют друг с другом, так-то! Обвиненные Небом люди бывают побеждены и умирают, а люди, признанные Небом справедливыми, побеждают и живут, так-то! Есть ли закон, по которому оживляют убитых на войне людей и возвращают назад захваченных пленных?! Если сказано: "Хан великого установленного Небом государства", — то, вероятно, [является] повелителем вообще для всех до единого народов. Почему же повелителем лишь только для меня одного?! // Прежде Хулунь⁷, будучи все с одной целью, вели против меня войну. И потому Небо обвинило начавшие войну хулуньские [племена], а меня признало справедливым. Почему же этот китайский хан, как бы соперничая с Небом, оказывает помощь обвиненному Небом Ехэ и решает дела, называя истину ложью, а ложь — истиной?! Это седьмая обида. Этот китайский [хан] //

24/25 меня чрезвычайно унизил и опозорил, поэтому я, не стерпев, начинаю войну из-за этих семи обид». Бил челом перед Небом и сказал [это] письмо. Когда вышли из города и отправились в путь, обратился ко всем войсковым командирам, бэйсэ и амбаням: «Я не есть тот, кто начал войну, желая [ее]. Вероятно, великие главные обиды — те семь обид. О мелких обидах что говорить?! Вследствие того, что обид много, и начал [войну]. С захваченных на войне пленных // одежду не снимайте! Женщин не тащите! Мужей и жен не разлучайте! Если же [кто-нибудь] будет умирать при сопротивлении, то и пусть умирает! Людей, которые не будут сопротивляться, не убивайте!» Сказал [также], чтобы провозгласили [это] перед всеми и велели запомнить. И войско отправилось в поход. В день выхода прошло расстояние в 30 ли, и восьмикорпусное войско распределилось

25/26 по двум дорогам, чтобы каждой [половине войска] идти по линии наступления. В ту ночь ханская персона ночевала в местности под названием Гурэ. На следующий день, 14-го, // в час змеи [т. е. в 10-й и 11-й час пополудни], пошел дождь. В тот день восьмикорпусное войско, идущее по двум дорогам, распределилось соразмерно по восьми направлениям — каждый [корпус] по [одному из восьми] направлений наступления — и пошло [дальше]. Ханская особа остановилась для отдыха в степи под названием Вахунь-омо («Гнилое озеро»). В тот вечер хан, ведя разговор,

26/27 объяснял [своим] зятям — монгольскому бэйлэ по имени Энгэдэр и амбаню из государства Сахалча по имени Сахальянь — возникшие у древних айсиньских ханов законы, а затем сказал: «Если просмотреть бытующие с древних времен // законы ханов и бэйсэ, то, правда, из тех, кто сидел ханом, не было никого, кто обо всем и всегда прилагал всевозможные попечения, хотя и [были такие, что] изнуряли себя трудами при ведении взаимных войн. Ныне я тот, кто начал эту войну, не есть тот, кто начал [ее] со словами: "Захвачу ханский престол! Буду жить вечно". Этот китайский Вань-лий-хан чрезвычайно озлобил меня, поэтому я, не стерпев, и начал войну». Сказав [так], лег там отдыхать. В тот день и в ту ночь то дождило, то прояснилось. Той ночью в полночь велел // воинам надеть латы, и как только [войско] поднялось с места, небо прояснилось. Восьмикорпусное войско построилось в ширину на расстояние в 100 ли и шло в наступление. Утром 15-го [дня], когда сам хан шел для осады города Фуси⁸, где сидел чиновник в звании юцзи, велел китайцу, схваченному снаружи от городской крепостной стены и внутри изгороди, взять в руки письмо и отправил [его в город Фуси]. Слова отправленного письма: «По [той] причине, что ваше китайское войско перешло границу и поселилось [для охраны Ехэ], я // пошел [на вас] войной. Ты, юцзи, повелитель города Фуси, не одержишь победу, хотя бы и сразился, так-то! Я очень желаю пойти внутрь [страны] в день вступления в неприятельскую землю.

28/29 Если ты не покоришься, то [лишь ненадолго] удержишь продвижение внутрь [страны]. Когда ты покоришься, не вступив в сражение, то совершенно не трону подведомственное тебе войско и твою большую власть. Буду по-прежнему кормить согласно твоим прежним правилам. Ты ведь умный человек, чрезвычайно сведующий во всех и всяких вещах. Также твоё семейство и справедливых людей я возвеличу и отдам [в жены своих] дочерей. Вступив в сватовство, // будем жить. Далее, я подниму тебя из твоей прежней жизни, а есть ли закон не кормить [людей], подобных моим первостепенным амбаням? Ты не

29/30

30/31 вступай в сражение! Если будешь сражаться, то отличит ли тебя выпущенная воинами стрела? Умрешь ведь, если столкнешься с безглазой стрелой! Когда вступишь в сражение, то, коли сил [у тебя] недостаточно, какая в том польза, если не изъявишь покорность и умрешь в сражении? Если же выйдешь навстречу и покоришься, то наше войско не войдет внутрь [города]. Ты возьмешь подведомственное тебе войско и соберешь полностью в одном месте. Если [не выйдешь] навстречу и // не изъявишь покорность, то, когда наше войско войдет внутрь [города], сельские дети и женщины испугаются и разбегутся в разные стороны. Если так, то власть [твоя] делается маленькой. Быть может, случится, что не поверишь моим словам. Если я не захвачу один этот твой город, то это [твое] войско устоит ли? После того как потеряешь [все], какая польза, хотя бы потом и раскаялся? Если вы — старшие и младшие чиновники внутреннего городского дворца, воины, весь народ, — в общем весь город,

31/32 покоритесь, то у вас также будет большая радость, когда дети, женщины и родственники // не разбегутся в разные стороны. Хорошо, когда бы вы также много поразмышляли о покорности и непокорности. Не полагаясь на нас в гневе одного маленького мгновения, не повредите этому делу! Изъявите покорность!» После того, как [китаец] отдал бумагу, повелитель города — юэцзи Лий Юн-фан — облачился в парадные одежды и со словами: «Изъявляю покорность» встал в южных воротах города. Ведя переговоры [с ханом, одновременно] велел воинам приготовить всякие вещи для боя и велел вступить в сражение. // Воины [хана] приставили лестницы к крепостной стене. Не прошло и одного часа осады, как взобрались на крепостную стену, и только тогда юэцзи Лий Юн-фан, облаченный в парадные одежды, сел на коня и выехал из города для изъявления покорности, после чего Адунь — командир корпуса желтого с красной полосой знамени — пришел, чтобы привести [Лий Юн-фана]. Когда привел на свидание с ханом, то хан не позволил [юэцзи] сойти с коня, и [они] встретились, подняв друг к другу руки. Из

34/35 людей // того города были убиты [только] те, что были убиты во время его осады. Когда хан захватил город, то всех стал кормить, сказав: «Не убивать!» [Воины хана] захватили три города — Фуси, Дунчжоу и Магэньдэнь — и всего более 500 мелких почтовых станций, сторожевых башен и деревень. В каждой местности, в которую входили, ночевали. Сам хан возвращался в город Фуси и ночевал [там]. В 16-й [день]

35/36 Распределяя 300 000 пленных, составило [из них] 1000 семей. Далее, из семи китайских губерний — Шаньдун, Шаньси, Хэдун, Хэси, Сучжоу, Ханчжоу, Ичжоу — пришли торговцы, указали на 16 чиновников, которые ранее находились в городе Фуси, и дали [им] много денег на прокорм в дороге. [Хан] велел [этим торговцам] взять письмо со словами о семи великих обидах // и, отпустив, отправил назад. Оставил 4000 воинов, [они] разрушили город Фуси и пришли. И на пяти ночлегах не покончили с распределением пленных. Поэтому сказал: «Уведите домой и [там] распределите окончательно!» — и в 20-й день отправил пленных [домой]. Людям с большими заслугами жаловал много. Людям с малыми заслугами жаловал мало. О людях, получивших раны, расспрашивал и жаловал, смотря на то, тяжелая рана [или] легкая. // Умершим латникам жаловал в награду много. Когда тех пленных уводили [домой], отделил 60 000 воинов и отправил [для охраны пленных]...

44/45 ...Во время того военного похода человек по имени Аци (Аки) из роты Шусая, что из [маньчжурского рода] Сакда, вопреки словам призыва отделился от всех войск, убил курицу и, изжарив [ее] на вертеле, стал есть. Далее, четверо человек узнали про то и когда ели [курицу] вместе [с Аци], // то воины с Нюанцзяха (с реки Цинхэ) собрались вместе и убили [этих] пятерых человек. Хотя и убили, того Аци, [даже мертвого], предали [самой жестокой медленной] смертной казни — изрезыванию в куски. [Куски] его мяса, составив расчет, распределили по всем ротам и, показав всем войскам, велели запомнить. Во время осады города Фуси люди, приставляя лестницы [к крепостным стенам], первыми, сражаясь, врывались в город. [Некоторые из] следующих [за ними] людей не вошли [в город], поэтому у человека по имени Илай, который был в числе таких, отрезали нос и уши, сказав о ворвавшихся впереди людях: «[Они] умерли», 45/46 // и записали Илая в рыбы...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Tongki fuka sindaha hergen i dangae // The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty (1607—1937A). — Tokyo, 1955. — Vol. 1.

² В «Полном маньчжурско-русском словаре», составленном преподавателем маньчжурского языка при имп. С.-Петербургском университете, действительным статским советником Иваном Захаровым (СПб., 1875), на с. XIII предисловия вскользь упомянуто: «...по указу 1629 года велась летопись деяний маньчжурской только что основанной династии...» Вероятно, речь, идет об этом источнике.

³ Имеется в виду почерк, улучшенный членом Ученого комитета Дахаем посредством добавления точек (тонки) и кружков (фука) к гласным и согласным буквам заимствованной маньчжурами монгольской азбуки. До этого маньчжуры по указу Нурхаи от 1599 г. употребляли азбуку без точек и кружков (по-маньчж. — тонки фука аку хэргэнь) — «монгольскую азбуку для письма на своем языке как в казенных, так и частных делах, и эта азбука вначале была без всякого изменения как в количестве букв, так и внешнем виде начертаний — почерке». — См.: Полный маньчжурско-русский словарь. — Предисловие, с. XII. Далее, на с. XIV, читаем: «После одобренного указом 1632 г. усовершенствования маньчжурское письмо стало отличаться от монгольского и получило значение особен-

ной, как бы самостоятельной, азбуки и до сих пор, уже более 200 лет, остается неизменным, исключение составляет форма букв, которые со временем в ходе продолжительного и широкого употребления приобрели по сравнению с монгольскими большую округлость, красоту и изящество». Улучшенный почерк получил название «тонки фука синьдаха хэргэнь» — «буквы с поставленными точками и кружками».

⁴ Сурэ — маньчж. «мудрый, разрешающий сомнения»; куньдулэнь (испорченное от «кундулунь») — «удивительная храбрость». — См.: Кузнецов В. С. Нурхаци. — Новосибирск, 1985. — С. 8. Следовательно, Сурэ-куньдулэнь-хан означает «Мудрый хан удивительной храбрости».

⁵ Вероятно, искаженное название реки Ньюанцзянь-хэ, или Ньюанцзянь-бира. — «Зеленая река», по-кит. — «Цинхэ».

⁶ Об этом см.: Внешняя политика государства Цин в XVII веке. — М., 1977. — С. 84.

⁷ Имеются в виду племена Хулуньского объединения — хада, хойфа, ула и ехэ. — См.: Внешняя политика государства Цин... — С. 46.

⁸ Имеется в виду китайская пограничная крепость Фушунь. — См.: Внешняя политика государства Цин... — С. 84.

В. С. КУЗНЕЦОВ

ИМПЕРАТОРСКИЙ КИТАЙ, ИРАН И ИСЛАМСКИЙ МИР

С отправки посольства Чжан Цяня в неведомые страны Запада ведет свое начало письменная история сношений Китая с Западной Азией. Интерес к ней в научном мире не ослабевает. Никоим образом не претендуя на всестороннее освещение проблемы контактов Китая со странами Западной Азии, автор ставит своей задачей изложить основные вехи политики императорского Китая по отношению к Ирану и исламскому миру с древности до начала воцарения в Китае династии Цин.

* * *

С древнейших времен правители Китая проявляли интерес к землям, лежащим далеко на запад от его рубежей. При этом китайские государи руководствовались не чувством праздного любопытства, а политическими соображениями, а именно стремлением к расширению сферы влияния и рубежей Поднебесной. Известную роль играли и экономические интересы. Китайский двор был заинтересован в вывозе китайского шелка на Запад¹.

Чжоуский Му-ван (1001—946 гг. до н. э.), по представлениям древних китайцев, положил почин контактам Китая с Западом, совершив, как полагали, поездку к Сиванму, владычице Запада. И если вояж Му-вана относится больше к мифологии, то сам по себе он являлся для последующих правителей вдохновляющим примером, тем более, когда к тому имелись весомые побудительные мотивы.

В 138 г. до н. э. правитель Западной (Ранней) Ханьской династии У-ди (140—87 гг. до н. э.) отправил Чжан Цяня на Запад с целью обрести союзников в борьбе с сюнну.

В итоге многолетнего путешествия Чжан Цяня существенно расширились географические представления: при ханьском дворе узнали о существовании таких государств, как Давань, Кангюй, Аньси.

Познания не остались втуне, а были обращены в дела. Для чего использовал прежде всего ханьский двор результаты путешествия Чжан Цяня? «Прошло еще десятилетие (по возвращении Чжан Цяня. — В. К.), и по тропе великого путешественника пошли на Запад караваны с шелком», — так умозрительно заключает С. Г. Кляшторный². Китайские хроники не подтверждают его суждения. Да и далее сам С. Г. Кляшторный пишет о повторном (!) вторжении войск державы Хань в пределы Давань, одного из государств, расположенных к западу от Китая³.

Давань оказалось не единственным государством, к которому проявлял интерес ханьский двор. Чжан Цянь, побывав, по его словам, в Бактрии (Дася), собрал сведения и о Парфии (Аньси). Ко времени ханьского У-ди относится первая отправка китайского посольства в Парфию. Парфянский царь Митридат II отрядил ответное посольство⁴. Инициатива в установлении контактов между Китаем и Парфией исходила, таким образом, от китайского двора.

Порученец восточно-ханьского конкистадора Бань Чао Гань Ин, посланный в 97 г. на запад, как считается, достиг Персидского залива⁵. В 101 г. парфянский царь прислал послов в китайскую столицу⁶.

Политические контакты между Китаем и Ираном не обходились без помех со стороны третьих стран, не подвластных Китаю. Так, в эпоху Северных династий китайский двор направил к иранскому правителю послов. Ответное посольство от иранского царя не было пропущено в Китай хотанским владетелем⁷. Последнее обстоятельство служит показателем влияния, которое тогда Китай имел в Центральной Азии.

Наиболее интенсивными связи между Китаем и Ираном становятся в период, когда последним правит династия Сасанидов (226—642 гг.). Согласно данным китайских источников за 66 лет, с 455 по 521 г., сасанидский двор направил в Китай 10 посольств⁸. Помимо политических контактов имел место и оживленный торговый обмен. Показательны, например, найденные на территории современного Китая монеты сасанидских шаханшахов Шапура II (310—379 гг.), Пероза (459—484 гг.), Хосрова II (590—628 гг.), Йездегерда III (632—651 гг.)⁹.

Во времена правления династии Суй и в первые годы Тан обширная торговая сеть связывала Китай с Центральной Азией и Средним Востоком. Важную роль в этой торговле играла Персия. Сюда и далее на запад шли китайский шелк и, возможно, какие-то другие китайские товары. В свою очередь, из Персии и других центрально-азиатских и европейских стран в Китай поступали изделия из серебра, пряности, стекло, шерстяные изделия и т. п.¹⁰

В пределах Китая персидские торговцы жили своей собственной общиной, управлялись собственными начальниками¹¹.

Поддержание торговых отношений, очевидно, не было единственным фактором, определявшим заинтересованность китайских правителей в политических контактах с сасанидским двором. Дом Суй, в частности, держался дружелюбно в отношении

персов, ибо они были потенциальными военными союзниками в борьбе против тюрков.

Вместе с тем правители суйского Китая не препятствовали и торговле арабов в пределах страны. Численность их там была немалой. Так, когда в 583 г. в Китае произошли внутренние смуты, в Янчжоу было перебито несколько тысяч арабских и персидских торговцев¹².

Появление на политической арене Арабского халифата и его активная внешнеполитическая экспансия изменили расстановку сил в Западной и Центральной Азии, что затронуло интересы правителей Китая.

Военно-политическая экспансия народившегося Арабского халифата на восток имела свои отзвуки в Китае еще тогда, когда непосредственно между двумя этими государствами не было каких-либо контактов.

Вторжение арабов-мусульман в Иран явилось проверкой отношений сасанидского правителя и танского двора. В 638 г. к танскому двору прибыло присланное сасанидским шаханшахом Йездигердом III посольство во главе с Мусыбанем¹³. Учитывая, что арабы в 637 г. захватили Ктесифон, столицу Сасанидской державы, и Йездигерд бежал¹⁴, естественно заключить, что целью посольства было не только презентовать танскому Тай-цзуну «живую постельную змею», но и просить у него помощи в изгнании арабов. Таковой Йездигерд III не получил. Сын его Пероз, бежавший в Тохаристан, отправил посланника к танскому двору, донося о своих трудных обстоятельствах. В ответ император Гао-цзун (618—626 гг.) извинился за то, что удаленность пути не позволяет ему предпринять похода¹⁵. Пероз однако не отступился. В 650 г. уже другой император, Гао-цзун, получил призыв о помощи от Пероза. Чтобы выступить в его защиту, Гао-цзун направил представителей к халифу Усману в Медину¹⁶. Халиф, в свою очередь, послал в 651 г. одного из своих военачальников в Сиань. Это явилось началом официальных контактов между Арабским халифатом и Танской державой. Халиф Усман ибн-Аффан писал танскому государю, что является правителем в третьем колене¹⁷. Очевидно, уведомить об этом танского государя было не единственной и не основной целью прибытия данного посольства. В ходе предстоящего завоевания Средней Азии халифат был вынужден принимать во внимание и позицию империи Тан. Отправкою посольства халиф, вероятно, зондировал почву.

Приезд арабских, равно как и других, послов ко двору императора Китая в соответствии с традиционной китайской дипломатической доктриной квалифицировался в официальных кругах страны как присылка дани. Это нашло отражение не только в официальных исторических сочинениях, но и в работах частного характера. Так, средневековый автор Чжао Жугуа пишет: «Начиная с годов Юн Хуй (650—656) правления Тан люди Даши¹⁸ неоднократно прибывали к нашему двору представить дань»¹⁹.

Между тем в 661 г. Пероз вновь доносил танскому двору, что его притесняют арабы, и просил прислать войско на подмогу²⁰. Танский двор в ответ на эту просьбу объявил о создании под своей эгидой так называемого Персидского наместничества («Босыдудуфу») ²¹, протектората во главе с Перозом. Этот в сущности формальный акт не укрепил положения последнего.

В 667 г. арабский полководец аль-Хакам бин-Амр аль-Джифари перешел Амударью и ввел свое войско в Чаганиан, вынудив Пероза вернуться в Китай²². В 670—673 гг. Пероз лично прибыл ко двору танского Гао-цзуна²³. Тот обошелся с ним милостиво, для начала пожаловав Перозу чин «юувэйцзянцзюня».

В 678 г. танский двор направил шилана Шибу Пэй Синцзяна во главе войска препроводить Пероза и сделать его... персидским царем²⁴. Пэй, однако, «из-за дальности пути» не выполнил поручения и вернулся восвояси. Пероз даже не смог выступить в пределы своего бывшего царства. Очевидно, Пэя заставили отступить не тяготы дальнего пути, а арабские войска, дислоцировавшиеся в Мавераннахре.

Распространение господства арабского халифата в Средней Азии противоречило геополитическим и экономическим интересам танского двора. Он имел виды на обширные территории на западе, подвластные прежде всего западным тюркам. Начав с интриг против них в 630 г., китайское правительство в период между 645—658 гг. силой оружия сломило мощь западных тюрков. Китайские войска, говорят, доходили на западе до Киша, и император Гао-цзун официально аннексировал все территории, прежде включенные в тюркские владения²⁵. Как сообщают китайские источники, в 661 г. танский двор после формальной аннексии земель между Хотаном и Персией пытался реорганизовать их в 16 административных единиц под китайским сюзеренитетом. Но эти намерения реализовать не удалось из-за того, что Китаю пришлось направить всю свою энергию на пресечение опасного продвижения Тибета в Центральную Азию²⁶. Тем не менее нет оснований полагать, что танский двор полностью отказался от намерений расширить свое влияние на Западе, и военно-политическая экспансия Арабского халифата не могла не рассматриваться как угроза устремлениям правителей империи Тан.

Что касается соображений экономического порядка, то кампания халифата угрожала стабильному сбыту китайского шелка в Средней Азии.

В VII в. союз согдийских княжеств был составлен на основе взаимной заинтересованности в торговле китайским шелком, главными центрами которой были Самарканд, Байкент и Киш²⁷. Об интенсивности этой торговли можно судить по тому, что, в частности, купцы Байкента ежегодно ездили по торговым делам в Китай²⁸.

Проявляя порою известную сдержанность в отношении кампании арабов в Средней Азии, танский двор тем не менее не оставался безучастным и не упускал возможности для расширения сферы своего влияния на западе.

Широкомасштабной военной кампании арабов в Средней Азии, предпринятой во время правления халифа Ал-Валида I (705—715 гг.) его полководцем Кутейбой ибн-Муслимом, предшествовала отправка послов в Китай. В 701—704 гг. к танскому двору приезжало посольство от халифата. В подарок, что было свойственно тогдашней дипломатической практике, оно представило доброго коня и «блестящее облако» (?) ²⁹.

В 713 г. в Китай вновь прибыло арабское посольство. Военные успехи, достигнутые к этому времени Кутейбой, дали арабскому посланнику дополнительные основания игнорировать требования китайского дипломатического протокола. Арабский

посланник отказался бить поклоны перед императором, «стоял прямо». Сяньсы (церемониймейстер?) танского двора хотел призвать посла к ответу за такой проступок, но его от этого отговорил чжуншу Лин Чжан. «В Даши (Арабском халифате.— В. К.),— докладывал он императору,— иные, чем в Поднебесной, обычаи. С почтением блюдя долг, посланец издалека прибыл, не стоит его винить. В порядке исключения император согласился и принял арабского посла»³⁰.

По предположению Х. Джибба, перед этим арабским посольством стояла цель либо отговорить китайский двор от помощи тюркам, либо достичь взаимного соглашения относительно торговли шелком, что было очень важно для Самарканда и Бухары³¹. С другой стороны, танский двор и сам был заинтересован в поддержании контактов с Дамаском, поскольку не случайно его посланцу простили несоблюдение норм китайского дипломатического протокола.

Прибытие арабского посольства в 713 г. в танскую столицу, по всей видимости, не привело к каким-либо конкретным соглашениям. Обе стороны сохранили свободу действий: Арабский халифат — на востоке, танский Китай — на западе. В этом уже заключалась потенция вооруженного конфликта.

В 713 г., когда Кутейба впервые повел свою армию через Яксарт, новая эра экспансии Китая на запад открылась со вступлением на престол Сюань-цзуна (712 г.).

В 714 г. китайцы вмешались в дела «тюрков 10 племен» и добились их полного подчинения³². На следующий год китайским властям удалось сорвать попытку тибетцев и арабов поставить своего ставленника А-леао-та правителем Ферганы. Прежний ферганский владетель под нажимом арабо-тибетских войск бежал в Кучу, к китайскому пограничному начальнику. Тот во главе ополчения из людей местных племен двинулся на запад и дал сражение А-леао-та возле Объединенных городов (Ляньчэн)³³. Последний потерпел поражение и бежал.

В танских анналах итог этой кампании представлен следующим образом: «Китайский престиж привел западные страны в трепет. Восемь царств, включая арабов, Самарканд, Шаш и Каписа, направили посольства с изъявлением покорности»³⁴. В последнем случае — это трафаретная фраза китайского дипломатического протокола, не отражающая реального состояния дел.

В 716 г. со смертью Мочжо, хана северных тюрков, мощные племена тюркешей утвердили свою независимость и под началом своего вождя Сулу создали с помощью китайцев новое царство в бассейне Или³⁵.

Владетели Трансоксании энергично стремились воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы освободиться от арабского ярма. В 718 г. в танскую столицу было направлено совместное посольство Тугшадой, Гуреком (царь Согда), Нарайяной (царь Комеда) и царем Чаганиана. Первые трое представили прошения о помощи против арабов. Тугшада запрашивал о том что, может быть, тюркешам будет приказано атаковать арабов; Гурек сообщал о захвате арабами Самарканда и просил прислать на помощь китайские войска. Нарайяна жаловался на захват всех своих сокровищ арабами и просил сделать представления, чтобы они уменьшили свое губительное обложение³⁶. Ответ Сына Неба свелся к красивым словам. Никаких действий он не пред-

принял, и никакие китайские войска не появлялись к западу от Яксарта, несмотря на повторные мольбы владетелей Трансоксании к их «сюзерену», каковым считал себя танский император³⁷.

Известная причастность танского двора к делам тюрков укрепляла представление о его способности обуздать арабов руками тюрков.

В 719—720 гг. правитель Бухары направил к танскому двору посла с грамотой. В ней, в частности, говорилось: «...за последнее время ежегодно подвергаемся нападениям разбойников Даши, страна не знает покоя... поэтому просим спустить распоряжение тюркам, чтобы помогли покорному слуге»³⁸. Стиль и тональность послания правителя Бухары (как и других подобных посланий) в китайской передаче, очевидно, не идентичны оригиналу, ибо оформлялись в соответствии с нормами китайского дипломатического протокола. Тем не менее сам факт обращения за помощью примечателен, тем более что он не единичен.

Следом же к танскому двору направляет послание правитель Комеда. Он, в частности, сообщает, что войска Арабского халифата совершают вторжения в пределы тохаров и Бухары, а Шаш и Фергана уже стали подвластны арабам³⁹.

В 724 г. тюркешаи нанесли сокрушительное поражение арабам. День, когда это произошло, в арабской исторической традиции получил название Дня жажды. Однако мощь арабов не сошла на нет.

Три года спустя после Дня жажды ябгу Тохаристана доложил китайскому императору: «Арабы обложили меня тяжелыми налогами, в действительности их угнетение и наша нищета чрезвычайны... Если я не получу помощи от [китайского] кагана, мое царство будет определенно разрушено и расчленено... Мне говорили, что священный каган дал приказ кагану тюркешей»⁴⁰. «Вам я доверяю дела Дальнего Запада, вы должны сразу послать воинов изгнать арабов»⁴¹. У местной среднеазиатской знати бытовало представление, что поход тюркешей против арабов был предпринят по указу китайского императора.

В 727—728 (729?) гг. тюркешский каган продолжал кампанию против арабов. Тюркешаи подошли к Самарканду, где находился арабский гарнизон. В этой экспедиции кагана сопровождал Хосров, сын Пероза и внук Йездигерда III. После того как в 705 (709?) г. арабский полководец Кутейба предотвратил взрыв в Хорасане, Хосров отправился в Китай, чтобы дожидаться более благоприятной возможности⁴². Присутствие Хосрова в тюркешском войске может быть расценено как свидетельство того, что танский двор не воспрепятствовал своему протеже участвовать в антиарабской акции, хотя китайские источники молчат об этом походе⁴³.

И если китайский двор не спешил показать арабам свою заинтересованность в событиях на центрально-азиатском театре, то арабское начальство на местах не считало возможным избегать контактов с Китаем.

Новый арабский наместник в Средней Азии (в Самарканде) Асад бин-Абдулла на первых же порах своей деятельности возобновил практику отправки посольств к китайскому двору, которая была в пренебрежении со времени Омара II⁴⁴. В 733 г. к нему прибыли послы от арабов⁴⁵. О практической отдаче судить определенно трудно. Несомненно одно: прибытие посольства дало основания танскому двору

считать, что арабский халиф домогается контактов с ним. Это не могло не льстить тщеславию танского государя и давало лишний повод полагать, что с ним считаются при решении центрально-азиатских дел.

Неизвестно, обсуждался ли тюркешский вопрос во время наезда арабского посольства в танскую столицу. Тюркешы объективно выступали орудием противодействия мусульманской экспансии. Но, очевидно, степень усиления тюркешей стала уже настораживать Китай. Видимо, это обстоятельство повлияло на действия китайского пограничного начальства, которое поддержало междоусобицу среди тюркешей. В 739 г. тюркешский хан Сулу был убит Бага Тарханом (Кюрсюл), которого поддерживали китайцы⁴⁶.

Переворот в ханской ставке тюркешей, на что дали добро китайские пограничные власти, обернулся для самой империи Тан далеко идущими последствиями. Китайская дипломатия, резюмировал Х. Джибо, разрушив величайшее внешнее препятствие мухаммеданскому проникновению в Азию, поставила сама себя лицом к лицу с арабами⁴⁷. Действительно, среднеазиатские правители были не в состоянии управиться с арабами. На рубеже 30—40-х гг. новый арабский наместник Наср бин-Сайяр двинул войско, чтобы вновь утвердить арабские гарнизоны и администрацию в Самарканде. Следом он собрал свои силы для атаки на Шаш. Арабы стали доминирующей силой на центрально-азиатском театре.

Китайская хроника о посольстве из Шаша в 741 г. говорит: «Теперь, когда тюрки стали подчиненными Китаю, только арабы представляют собой бич царств»⁴⁸. Очевидно, чтобы изменить такое представление, вскоре после нового захвата Самарканда Наср бин-Сайяр отправил посольство в Китай. За ним в 744 г. было снаряжено более представительное посольство, в котором арабов сопровождали послы не только из городов Согдианы и Тохаристана, но даже из Забулистана, Шаша и от тюркешей. Два других арабских посольства в Китай состоялись в 745 и 747 гг.⁴⁹ Однако эти инициативы арабской стороны не могли предотвратить назревавшего вооруженного столкновения халифата и империи Тан.

В 750 г. власть в Арабском халифате перешла от дома Омейядов к династии Аббасидов. Успешная внешнеполитическая акция объективно содействовала бы авторитету новой власти. С другой стороны, пограничное китайское начальство имело к этому времени достижения, и они окрыляли. Рассмотрим отмеченные моменты более подробно.

Одной из внешнеполитических акций Аббасидов явился поход правителя Балха Абу-Дауда в Хуталь. Правитель последнего Аль-Ханаш попытался противодействовать арабам, но потерпел поражение. Бежал сначала к тюркам, а оттуда в Китай, где ему дали титул ябгу как компенсацию за оказанное арабам сопротивление⁵⁰. Прецедент такой практики был положен в 720 г., когда китайский император пожаловал почетные титулы царям Удьяны, Ясина (Мастудж) и Хутталя за оказанное ими сопротивление арабам⁵¹. Награждение правителя Хутталя титулом ябгу не помешало арабам распространить свою власть на это владение. И поход этот не оказал заметного влияния на состояние отношений между халифатом и Китаем. Иными последствиями ознаменовалась кампания арабского

полководца Зийяд бин-Салиха в тюркские земли за Яксартом. В арабских источниках она упоминается как «поход в Син», поскольку совпала с вооруженным столкновением с китайскими войсками. Арабы не имели подлинного представления о рубежах собственно империи Тан, и потому выступление против вторгшихся в среднеазиатские пределы китайских войск, именуется «походом в Син», т. е. Китай⁵².

Ему предшествовали вкратце следующие события.

В 747 и 749 гг. ябгу Тохаристана апеллировал к Китаю за помощью против вождей, которые создавали беспорядки в бассейне Гилигта и Читрала. В ответ на просьбу китайский наместник в Аньси (Куча) отрядил войско под началом Гао Сяньчжи, корейца, находившегося на службе танского двора. Гао Сяньчжи наказал обидчиков ябгу в ходе кампаний над высокими проходами Каракорума.

Походы Гао Сяньчжи имели и определенную антиарабскую направленность: они демонстрировали халифату военную мощь империи Тан. Это обстоятельство нашло отражение в танской хронике: «...после похода Гао Сяньчжи на Гилгит в 747 году, Фулинь⁵³, арабы и 72 царства дикарей были охвачены страхом, и они изъявили покорность». Автор этих строк явно выдавал желаемое за действительное, но тем не менее настрой весьма показателен с точки зрения амбициозности, отсутствием которой не страдали правители Китая⁵⁴. Справедливости ради надо сказать, что недостатком тщеславных амбиций не страдали и при дворе арабских халифов. Так, арабский историк Иякуби писал, что по восшествии в 775 г. на престол халифа Аль-Мансура правитель Китая выразил ему свою преданность⁵⁵.

Вернемся, однако, к Гао Сяньчжи. Перед его возвращением в Аньси после последней кампании царь Ферганы попросил Гао Сяньчжи помочь ему против царя Шаша (Ташкентский оазис). Согласно китайской официальной версии, потом произошло следующее. Гао Сяньчжи убил царя государства Шиго (Шаш). Сын последнего нашел прибежище у согдийцев и поведал им о жестокостях Гао Сяньчжи. Согдийцы, в свою очередь, стали подбивать арабов напасть на танские форпосты (на территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР). Арабы возымели такие намерения, и, чтобы воспрепятствовать им, Гао Сяньчжи двинул свои войска⁵⁶.

Таким образом, можно говорить о трафарете, присущем политическому мышлению господствующей элиты Китая и нашедшем отражение в китайской имперской историографии. Приверженность ему объяснялась тем, что Центральной Азии, своего рода хинтерланду Китайского государства, постоянно угрожали внешние силы. Во времена Хань это была Гуннская держава (сюнну), при правителях династии Тан — Арабский халифат.

Арабская историческая традиция отмечает, что действия китайцев против царя Шаша встревожили арабского эмиссара Абу-Муслима и для отражения вторжения китайцев он послал войско под началом Зийада бин-Салиха⁵⁷. В июне—июле 751 г. произошла Таласская битва между арабским и китайским войсками. Открытое вмешательство танского Китая во внутривосточную жизнь Сред-

ней Азии привело к вооруженному столкновению с Арабским халифатом. В битве на Таласе китайская армия просланенного Гао Сяньчжи была разгромлена. Это поражение и последовавшие внутренние смуты в самом Китае положили конец гегемонистским поползновениям империи Тан в отношении владений, на которые имел виды Арабский халифат.

В течение какого-то времени князья Согда, Хорезма и Тохаристана, желая избавиться от власти арабов, продолжали еще слыть призывы к Китаю. Император, однако, поглощенный поддержанием мира, хвалил их всех и на словах утешал, потом отказал в поддержке, отослав их послов обратно, чтобы обеспечить покой в западных землях⁵⁸. Абу-Муслим, очевидно, также осознавал важность поддержания отношений с китайским двором. В 752 г. к китайскому двору явилось посольство от «арабов с черными одеждами». Целью этого посольства, равно как и последующих, согласно китайской традиции, было изъявление покорности китайскому государю, за проявление которой он давал в ответ кроме подарков почетные титулы⁵⁹.

В силу превратности исторических судеб арабы, на которых китайский император смотрел как на своих вассалов, спасли ему трон. В 755 г. против императора Сюань-цзуна восстал его военачальник Ань Лушань. Сюань-цзун был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Си-цзуна. Последний, чтобы удержать власть, отрядил посольства во все царства «дикарей» Запада, включая Трансоксию и Хорасан, суля богатые награды тем, кто станет ему служить⁶⁰. На такие призывы отозвалась арабская вольница, находившаяся на востоке владений халифата. Потом эти арабы, учитывая наличие посольских сношений между двором халифа и Сына Неба, очевидно, получили формальное разрешение халифа ал-Мансура на участие в военных действиях на стороне Си-цзуна⁶¹. Но кроме этих арабов-наемников к нему прибыли отряды и из других стран, не подвластных халифату. В 757 г. с помощью иноземных ратников, в том числе и арабов, императору Си-цзуну удалось удержаться на троне. Арабы, пришедшие к нему на помощь, остались в Китае и явились одним из компонентов слабеющей мусульманской общины в Китае.

Участие арабов в спасении трона для Си-цзуна при танском дворе, очевидно, расценили как прецедент. Аббасидский халифат всегда был в центре внимания китайских царедворцев как один из потенциальных исполнителей традиционной геополитической установки — «руками дикарей обуздать дикарей». В 787—788 гг. Ли Ми, главный министр танского Дэ-цзуна, разработал план ликвидации «тибетской угрозы». Предусматривалось создание широкой коалиции с сопредельными государствами. Она, в частности, должна была включать Аббасидский халифат, «самую сильную из западных стран»⁶².

С упадком Арабского халифата в начале IX в. в результате центробежных процессов на месте бывшей арабской державы появляются новые государственные образования, составляющие, условно говоря, «исламский мир». Рассмотрим, как складывались отношения Китая с этим неоднозначным с этнополитической точки зрения преемником Арабского халифата. Взаимоотношения Китая с исламским миром опосредовались через контакты на го-

сударственном (посольские связи) и на бытовом, личностном уровнях. В последнем случае речь идет об отношении китайской администрации к представителям мусульманской общины в пределах Китая.

Что касается посольских связей, то при династии Сун (960—1280 гг.) в Китай приезжало 20 арабских посольств. Со стороны императоров правящего дома Сун мусульмане встречали хороший прием, многие из них получили титулы и назначения на высокие посты⁶³.

Таким образом, мусульманская община, которая становится реальностью китайского общества со времени Тан и Суй, в известной степени сотрудничает с китайским бюрократическим аппаратом, сохраняя, очевидно, свое особое, в известной степени самостоятельное, положение.

Представители мусульманского мира исповедывали иную, чем ханьцы, религию, но это не препятствовало их проживанию в пределах Китая. Его власти были заинтересованы в развитии внешнеэкономических связей и поэтому уважительно относились к вере и обычаям мусульман-гостей. Согласно показаниям торговца Сулеймана, относящимся к первой половине IX в., один из членов мусульманского поселения в Гуанчжоу был назначен китайскими властями поддерживать среди своих единоверцев порядок и отправлять закон ислама. В праздники молящиеся произносили хутбу⁶⁴ и молились за благополучие халифа⁶⁵. Как свидетельствуют китайские источники, в последующем такая практика распространилась на все иностранные поселения, где мусульмане имели кади (судей), шейхов и мечети. Таким образом, можно говорить об определенной веротерпимости китайских властей по отношению к представителям мусульманского мира, проживавшим в пределах Китая. Среди причин, обуславливавших такую политику, играли свою роль соображения престижа и экономических выгод. Торговля с отдаленными заморскими странами, правители которых не выказывали агрессивности в отношении империи, была в интересах китайской казны.

К концу XII в. торговля со странами Южной и Юго-Восточной Азии, в том числе с арабскими владениями, для китайского двора приобрела такое большое значение, что за рубеж им была отправлена особая миссия с грамотами, «скрепленными государственной печатью, и запасами золота и тканями, чтобы побудить иностранных торговцев Южных морей и тех, кто уехал в чужие земли за море торговать», приехать в Китай. Им обещали специальные лицензии на ввоз товаров⁶⁶.

Внешнюю торговлю со странами названного ареала китайское правительство сделало своей монополией⁶⁷. Усилия китайского двора расширить эту торговлю очень скоро дали себя знать. Императорские склады наполнились слоновой костью, жемчугом, рогами носорога, нефритом, ладаном, ароматным деревом. Чтобы обеспечить сбыт этих товаров, местным чиновникам было предписано убеждать людей покупать их на «золото, ткани, рис и соломенные шляпы»⁶⁸.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в сравнении с политическими контактами между императорским двором и мусульманскими правителями отношения Китая с мусульманским миром на уровне общин были на качественно ином уровне. Если коллизии нельзя было исключить в первом случае

(требование выполнять нормы китайского дипломатического протокола), то тем более в межобщинном взаимодействии они могли возникать чаще и принимать экстремальные формы. Ксенофобия китайского обывателя (питаемая и чувством зависти к богатствам иноземцев) проявлялась по-разному: от насмешек над особенностями быта мусульман до геноцида. Во время восстания, случившегося в годы правления Си-цзуна (874—889 гг.), в Гуанчжоу имела место поголовная резня всех иноверцев: мусульман, евреев, христиан и парсов⁶⁹.

Завоевания Чингисхана и связанные с ними миграционные процессы, установление власти правителей монгольской династии Юань не только сопровождалось численным ростом мусульманской общины в Китае, но и усилением ее политического веса.

Система летоисчисления имела для новой правящей в Китае династии Юань большое политическое значение: речь шла не просто об отсчете времени, но о воцарении в стране режима правителей-иноземцев. И весьма показательно, что мусульмане представили императору Хубилаю свой календарь «Ваньяньли», т. е. «Календарь на 10 тысяч лет»⁷⁰. Календарь не был принят Хубилаем, и, словно в отместку, господство Юаней в стране не продержалось и одной тысячи лет.

Мусульмане занимают высшие посты в юаньской иерархии. Так, Сай Дяньчи (Сейид Аджал Шамс ад-Дин Умар), который считался потомком пророка, был назначен правителем провинции Юньнань и удостоен за служебное рвение титула князь Сяньян⁷¹. С именем Сай Дяньчи связано, в частности, строительство в Юньнани мечети⁷² и распространение ислама в Юньнани вообще⁷³. Сын Сейид Аджала Насир уд-Дин, упоминаемый Марко Поло, сменив отца на посту правителя Юньнани, тоже немало сделал для распространения ислама в Китае⁷⁴.

При юаньских правителях принципиально изменился сам статус членов мусульманской общины. Декретом Хубилая-хана, первого императора династии Юань, мусульмане должны были нести воинскую службу. Этим подразумевалось, что они рассматриваются как неотъемлемая часть нации⁷⁵.

При Юанях мусульмане обрели новые образовательные возможности. В 1289 г. в пров. Хэнань была основана высшая мусульманская школа⁷⁶.

У восприимчивости дома Юань — собственно китайской династии Мин — отношения с мусульманским миром складывались сложно.

Когда же от отдельных владетелей мусульманского мира исходила военная угроза Китаю, тогда его правительству приходилось принимать соответствующие меры. В 1405 г. известный завоеватель Тимур замыслил поход против империи Мин. В ответ на это минский двор усилил пограничные гарнизоны в Ганьсу и отправил на Запад посольство с Чжэн Хэ, пытаясь, вступив в контакт с Индией и другими государствами, окружить империю Тимура и сковать таким образом ее военные силы⁷⁷.

Минский двор, стремясь найти союзников против Тимура — владыки одной из могущественных держав мусульманского мира, не случайно, видимо, доверил эти поиски мусульманам: Сайид-Хаджи (более известному как Чжэн Хэ⁷⁸) и Мухаммеду Хасану (Ма Хуан).

Коллизии имели место в посольских отношениях минского двора с мусульманскими правителями. Поводом послужили гегемонистские амбиции мин-

ского правителя, который хотел считать себя сюзереном всех иностранных владений.

В 1395 г. минский государь направил посольство в Самарканд. В письме, адресованном Тамерлану, обратился к нему как к вассалу⁷⁹. В данном случае нашла свое выражение традиционная китайская внешнеполитическая догма, в соответствии с которой правитель Китая выступал как сюзерен в отношении всех иноземных владений. Тамерлан имел особое мнение на сей счет: по ознакомлении с посланием он немедленно захватил всех членов посольства. Китайский двор, желая узнать о судьбе своих послов, в 1397 г. направил второе посольство к Тимуру, которое он тоже взял под стражу⁸⁰.

В 1420 г. в Китай прибыло посольство Шахруха и Улугбека, преемников Тимура. Оно было направлено в ответ на приезд в 1419 г. послов из Китая, ездивших выразить соболезнование по случаю смерти Тимура⁸¹. Во время приема у императора было объявлено, что послы Тимуридов явились к основанию трона, чтобы выразить почтение⁸². В подтверждение от них потребовали совершить обряд коуту (коленопреклоненно трижды коснуться лбом земли). (Если верить послам, то они лишь склоняли головы⁸³. Согласно заповедям их мусульманской веры, только перед богом надлежало бить земные поклоны.) Потом при встрече императора, совершавшего выезд, послы спешили с коней и расластывались ниц⁸⁴.

Во время пребывания при дворе минского императора ответственные за прием послов не всегда учитывали их бытовые особенности как мусульман. От имени императора послам однажды прислали блюдо, состоявшее из смеси свинины с бараниной, и мусульмане не отведали его⁸⁵. Этим дело далеко не ограничилось. Тимуридские послы чуть было не угодили в темницу. Император выразил крайнее неудовольствие, что ему в подарок прислали плохих коней, и он обсуждал со своими приближенными вопрос об аресте послов. Советники отговорили его, мотивируя это тем, что не послы, а их господа причастны к отбору и присылке коней. Кроме того, напоминали советники, дурные вести об императоре распространяются: весь мир станет говорить, что император Китая поступил вопреки обычаю, заключив послов в тюрьму⁸⁶.

В 1532 г. палата обрядов выступила против частых приездов арабских посольств и против их большой численности. По утверждению палаты, это свидетельствовало о том, что эти иностранцы приезжали в действительности разведывать обстановку при дворе под предлогом подношения «дани». Были введены ограничения на выезд арабов в столицу⁸⁷.

Отношение китайской администрации периода Мин к мусульманской общине в стране не было однозначным и неизменным.

Первый правитель собственно китайской династии Мин, которая сменила монгольский дом Юань, по каким-то соображениям благоволил мусульманам. В 1393 г. Сай Хачжи, потомок в 17-м поколении выше упоминавшегося Сай Дяньчи, Сяньян-вана, удостоился аудиенции у минского государя и последним был издан указ. Согласно ему, каждой семье мусульман было пожаловано по 50 слитков серебра и по 200 хлопчатобумажных одежд, надлежало построить две мечети (в Нанкине и в пров. Шэньси) и по мере надобности ремонтировать их, мусульманам разрешалось повсеместно

но свободно путешествовать и торговать, равно как проходить через сторожевые посты и переправы⁸⁸.

Управлялась мусульманская община своими единоверцами. Так, в 1469 г. в Гуанчжоу прибыл некий араб О-та-ла (Абдаллах?) с целью преподнести подарки государю. По его распоряжению этот араб со своими сопровождающими был поселен в Гуанчжоу. Местопребывание ему отвели в местной мечети и поручили главенствовать над тамошней мусульманской общиной. Духовная ее жизнь оставалась вне непосредственного контроля властей. Однако нельзя сказать, что эти власти неизменно проявляли уважение и предупредительность к мусульманам. Очень показателен следующий случай. В Гуанчжоу на верхушке мечети был укреплен флюгер в виде золотого петуха. Он имел для мусульман ритуальное значение. «Ежегодно, — написано в «Гуандун чжи», — иностранцы обычно поднимались на вершину храма в период 4- и 5-й лун (очевидно, Рамадан) около 4 часов утра и громко кричали, молясь флюгеру»⁸⁹. В 1388 г. тайфун сбил золотого петуха. Его оприходовало императорское казначейство. Вместо золотого был установлен медный⁹⁰. Замена эта, понятно, была не равноценной.

Положение мусульманской общины в минском Китае характеризовать однозначно не представляется возможным. В этом убеждает и наличие различных суждений, высказываемых исследователями. При Минах, утверждает Бай Шоун, некоторые ограничения касались мусульман⁹¹. Гораздо категоричнее высказывается Р. Израэли: с воцарением дома Мин привилегированный статус мусульман, которым они пользовались при Юанях, был отменен⁹². «Золотым веком» китайского ислама называет Д. Тин время правления Мин⁹³. При династии Мин, утверждает Икбал Шафи, мусульмане также пользовались привилегиями как в армии, так и на гражданской службе⁹⁴.

Само понятие «правление Минов» не отражает всей сложности общественной жизни китайского государства, проявлений социальной и национальной психологии собственно ханьцев применительно к представителям иных этнических и религиозных групп. Что касается мусульман, то для ханьцев они, равно как и их религия — религия чужаков, были пришлыми. Если даже минский двор не предпринимал каких-либо запретительных мер в отношении мусульман, то общественное мнение ханьского населения, как представителей бюрократической системы на местах, так и низов, не было особенно расположено к мусульманам. Сказывались не только предубеждение коренных обитателей к пришлым, отличие обычаев мусульман от ханьских, но давала себя знать коллективная историческая память китайского этноса: при владычестве над Китаем инородной, монгольской династии Юань мусульмане занимали начальственные посты, выступали в качестве если не соправителей, то по меньшей мере «пособников» юаньского двора.

«Ненависть китайцев к мусульманам, может быть, восходит ко временам династии Юань, когда мусульманские бюрократы были хозяевами», — отмечает Р. Израэли⁹⁵. Эта ненависть или неприязнь ханьцев к мусульманам проявлялись в повседневной жизни по-разному и находили убедительное выражение в печатных изданиях. В 1366 г., к при-

меру, вышло в свет сатирическое произведение антимусульманской направленности⁹⁶.

Воцарение в Китае в 1644 г. династии Цин открыло новую страницу в истории взаимоотношений Китая с мусульманским миром. Но это уже другой сюжет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lowell Thomas. The first chinese pioneer // Asia. — 1935. — November. — P. 662.

² Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. — М., 1964. — С. 171.

³ Там же. — С. 173.

⁴ Hirth F. China and Roman Orient. — Shanghai; Hohkong, 1885. — P. 36.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Л., 1950. — Т. 2. — С. 247.

⁸ Xia Nai (Hsia Nai). Sassanian objects recently found in China // Sial sciences in China. — 1980. — Vol. 1, № 2. — P. 153.

⁹ Ibid. — P. 154.

¹⁰ Ibid.

¹¹ The Cambridge History of China. — Cambridge, 1979. — Vol. 3. — P. 1—30.

¹² Оуян Си, Сун Ци. Синь тан шу (Новая история династии Тан). — Пекин, 1975. — Т. 15, кн. 141. — С. 4655 (на кит. яз.).

¹³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 327.

¹⁴ История Ирана. — М., 1977. — С. 124.

¹⁵ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 382.

¹⁶ Iqbal Shafi. Muslims in China: A brief History // Central Asia. — Peshawar, 1987. — № 21. — P. 103.

¹⁷ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 332.

¹⁸ Даши — Арабский халифат.

¹⁹ Chau Ju-Kua. His work on the chinese and arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fanchi, translated from the Chinese and Annotated by Friedrich Hirth and W. W. Rockhill. — Spb., 1912.

²⁰ Цзю Тан шу (История старой династии Пан). — [Б. м.], 1892. — Кн. 198 (на кит. яз.).

²¹ В составе этого наместничества, очевидно, числились земли Сеистана, возможно, даже Восточного Хорасана. — Gibb H. A. R. Arab conquests in Central Asia. — L., 1923. — P. 22—23.

²² Ibid. — P. 16.

²³ Цзю Тан шу. — Кн. 198.

²⁴ Там же; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... — С. 328.

²⁵ Gibb H. A. R. The arab conquests... — P. 16.

²⁶ Shaban M. A. The Abbasid revolution. — Cambridge University press, 1970. — P. 9.

²⁷ Gibb H. A. R. The Arab conquests... — P. 5.

²⁸ Ibid. — P. 34.

²⁹ Цзю Тан шу.

³⁰ Там же.

³¹ Gibb H. A. R. The arab invasion of Kashgar in A. D. 715 // Bull. of School of Oriental Studies. — L., 1922. — Vol. 2, № 3. — P. 469.

³² Gibb H. A. R. Arab conquests... — P. 53.

³³ Gibb H. A. R. The arab invasion of Kashgar... — P. 472.

³⁴ Как предполагает Х. А. Р. Джибб, этот пункт находился в Кашгарии. — См.: Н. А. Р. Джибб. The arab invasion of Kashgar... — P. 472. В таком случае речь не шла о вторжении разнородных войск под началом китайского пограничного начальника в Фергану. По утверждению Л. Н. Гумилева, такое имело место, хотя он не указывает, где происходило упомянутое сражение. — См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 1967. — С. 303.

³⁵ Gibb H. A. R. Arab conquests... — P. 60.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Цит. по: Линь Тяньвэй. Суй Тан ши синь бян (Новые материалы по истории династий Суй и Тан). — Сянган, 1968. — С. 384 (на кит. яз.).

³⁹ Там же. — С. 384.

⁴⁰ Gibb H. A. R. Arab conquests... — P. 66—67.

⁴¹ Ibid. — P. 67.

⁴² Ibid. — P. 32.

⁴³ Ibid. — P. 76.

⁴⁴ Ibid. — P. 67.

⁴⁵ Ibid. — P. 60, 76.

⁴⁶ Ibid. — P. 85.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid. — P. 90.

⁴⁹ Ibid. — P. 92.

⁵⁰ Ibid. — P. 95.

⁵¹ Gibb H. A. R. Chinese records of the arabs in Central Asia // BSOAS. — 1922. — Vol. 2, № 4. — P. 615.

⁵² Gibb H. A. R. Arab conquests... — P. 96.

⁵³ Точно идентифицировать название «Фулинь» не представляется возможным. В одном случае его распространяют на Сирию, в другом — на Византию.

⁵⁴ Gibb H. A. R. Chinese records... — P. 615.

⁵⁵ Ibid. — P. 622.

⁵⁶ Линь Тяньвэй. Суй Тан ши синь бянь. — С. 384—385.

⁵⁷ Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. — 1980. — Вып. 22, кн. 2. — С. 132.

⁵⁸ Gibb H. A. R. Arab conquests... — P. 97.

⁵⁹ Gibb H. A. R. Chinese records... — P. 620.

⁶⁰ Ibid. — P. 618.

⁶¹ М. Брумхолл ошибочно пишет о халифе Абу-Джаифаре. — См.: Broomhall M. Islam in China. — L., 1910. — P. 26. В рассматриваемое время халифом был Ал-Мансур, и вообще среди аббасидских халифов не отмечен такой, который бы носил имя Абу-Джаифар. — См.: Босворт К. Э. Мусульманские династии. — М., 1971. — С. 32—33.

⁶² The Cambridge history of China/Ed. by D. Twitchett. — 1979. — Vol. 3. — P. 609.

⁶³ Iqbal Shafi. Muslims in China. — P. 104.

⁶⁴ Хутба — праздничная молитва.

⁶⁵ Chan ju-kua. His work... — P. 16.

⁶⁶ Ibid. — P. 19.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Broomhall M. Islam in China. — P. 31—50.

⁷⁰ Кафаров Палладий. Пояснение на путешествие Марко Поло по Северному Китаю по китайским источникам // Изв. РГО. — 1902. — Т. 38, вып. 1. — С. 45.

⁷¹ Clark G. W. Kweichow and Yun-nan provinces. — Shanghai, 1894. — P. 50.

⁷² Ibid. — P. 125.

⁷³ Israeli R. Op. cit. — P. 81.

⁷⁴ Mason J. The Mohammedans of China // Journal of the Royal Asiatic Society. North China Branch. — 1929. — Vol. 60. — P. 55.

⁷⁵ Ibid. — P. 5.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн»/Под ред. Шан Юэ. — М., 1959. — С. 414.

⁷⁸ Имя Чжэн Хэ император пожаловал Сайид-Хаджи. — См.: Iqbal Shafi. Muslims in China. — P. 105.

⁷⁹ Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 to the present day. — L., 1975. — P. 145.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Буриев А. Б. Сведения Хафиза-и-Абру о взаимоотношениях Средней Азии с Китаем в XV в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV—XIX вв. — Ташкент, 1987. — С. 25.

⁸² A persian embassy to China being an extract from Zubdatu't Tawarikh of Hafiz Abbru/Translated by K. M. Maitra. — Lahore, 1934. — P. 59.

⁸³ Ibid. — P. 60.

⁸⁴ Ibid. — P. 108.

⁸⁵ Ibid. — P. 106.

⁸⁶ Ibid. — P. 105.

⁸⁷ Broomhall M. Islam in China. — P. 35.

⁸⁸ Ibid. — P. 90—91.

⁸⁹ Ibid. — P. 110.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Israeli R. Op. cit. — P. 130.

⁹² Ibid. — P. 82.

⁹³ Ibid. — P. 223.

⁹⁴ Iqbal Shafi. Muslims in China. — P. 105.

⁹⁵ Israeli R. Op. cit. — P. 47.

⁹⁶ Franke Herbert. Eine mittellalterliche chinesischen Satire auf die Mohammedaner // Der Orient in der Forschung Festschrift für Otto Spies zum 5. April 1966/Herausgeben von Wilhelm Hoenerbach. — Wiesbaden, 1967. — S. 203.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Ларичев В.).....	5
Ларичев В. Е. Святилище созвездия Малая Медведица.....	8
Кубарев В. Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае.....	25
Худяков Ю. С., Баяр Д. Средневековый памятник в местности Нахиугийн-Манхан в пустыне Монгол Элс.....	36
Кычанов Е. И. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии.	44
Воробьёв М. В. Японское гражданское право по кодексам и судебникам VIII—XVIII вв. в сравнительном аспекте.....	68
Пиков Г. Г. К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей	84
Тюрюмина Л. В. Военное дело у маньчжуров	93
Кузнецов В. С. Императорский Китай, Иран и исламский мир	99

Научное издание

**СЕВЕРНАЯ АЗИЯ
И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Редактор издательства Н. М. Анджиевская
Художественный редактор В. А. Реймхе
Технический редактор Г. Я. Герасимчук
Корректоры В. В. Борисова, Р. К. Червова

ИБ № 42557

Сдано в набор 01.08.91. Подписано к печати 13.04.92.
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,3.
Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 340 экз. Заказ № 916. С100.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука».
630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.